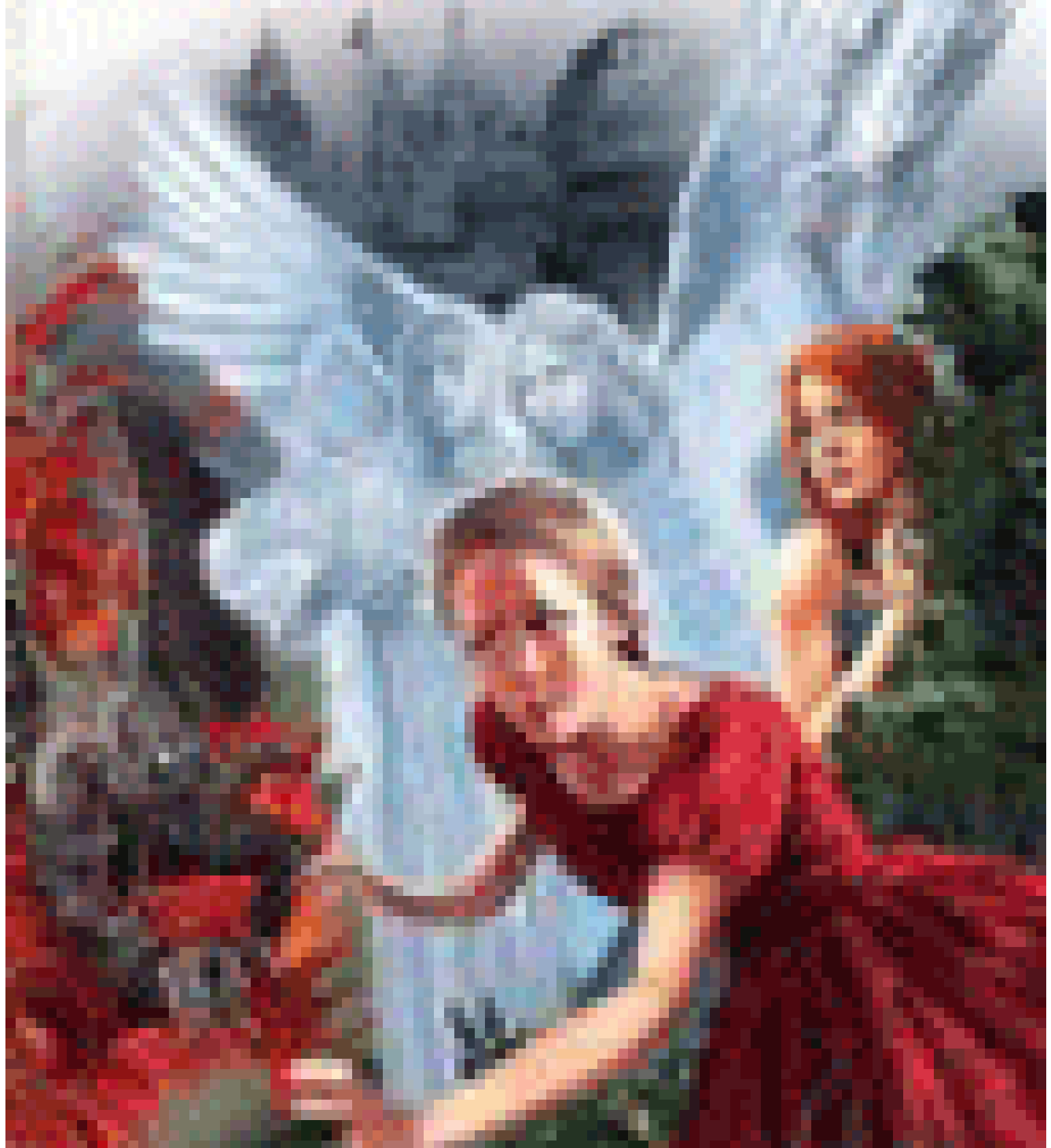

THE ETHICAL CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY

Юлианна, или Игра в киднеппинг. Том 1 - Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

Перед вами первая книга сказочной трилогии известной писательницы Юлии Вознесенской «Юлианна». Две девочки-близняшки Юля и Аня переживают опасные приключения, случившиеся с ними по вине их мачехи-ведьмы. Оказывается, мир полон темных сил, которые во что бы то ни стало стремятся заставить людей совершать злые поступки. Но вера в Бога и заступничество Ангелов-Хранителей помогают девочкам преодолеть все опасности.

См. также [АУДИО: Юлианна, или Игра в киднеппинг](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

[Юлианна, или Опасные игры. Том 2](#)

[Юлианна, или Игра в «Дочки-мачехи». Том 3](#)

Моей внучке Катеньке Лосевой посвящается

Господи, благослови!

Глава 1

По небу полуночи Ангел летел, он очень спешил в город святого апостола Петра: на все хлопоты у Ангела была только одна эта ночь, совсем короткая белая ночь, ведь шел уже первый месяц школьных каникул. А дело было крайней срочности и важности: Ангел Хранитель должен был до утра выяснить, стоит ли одной хорошей псковской девочке ехать на каникулы к отцу в Санкт-Петербург. Девочка Аня была его подопечной, Ангел Хранитель души в ней не чаял и ласково звал ее Аннушкой. Завтра отец Аннушки должен звонить в Псков ее бабушке, чтобы обсудить вопрос о каникулах. Но если вдруг окажется, что ехать в Санкт-Петербург Аннушке бесполезно, Ангел Хранитель должен успеть сделать все, чтобы эта поездка не состоялась.

Впереди показалась гора облаков, подсвеченных бледными и какими-то неуверенными лучами

солнца: оно, солнце, будто не могло решить, стоит ему сегодня заходить или лучше так и остаться висеть над самым горизонтом – все равно скоро снова вставать и подниматься в небо. Мимо Ангела пролетело несколько самолетов, и все они один за другим нырнули в эти пышные облака. «Там, внизу, город», – подумал Ангел и тоже пошел на снижение.

Издали облака казались ослепительно чистыми, но внутри они состояли сплошь из мутного сизого тумана, в котором крутились, завивались и переплетались хвосты смрадных дымов всевозможных оттенков. Это были физические и нравственные испарения большого города. Ангел постарался поскорей пройти сквозь эту злокачественную облачность и так увеличил скорость полета, что крылья загудели.

И вот он, прошив облака насквозь, очутился над северной столицей. Под собой он увидел зеленые крыши, черные крыши, красные крыши, серые крыши – целое море крыш, а в нем – золотые островки церковных куполов, колоколен и шпилей.

Но в городском небе летали не только самолеты: над самыми крышами, словно стаи нетопырей, кружились, метались, ныряли в спящие дома и снова вылетали из них черные бесы на перепончатых крыльях, и вид у них был занятой, озабоченный и весьма зловеющий. А выше кружили Ангелы, сияющие, как большие звезды; они летали поодиночке, парами и небольшими стаями. Ангелов было намного меньше, чем бесов, и сверху они Хранителю казались белыми лебедями, парящими над стаями летучих мышей. Иногда Ангелы опускались ниже, и тогда бесы бросались от них врассыпную. Порой происходили и столкновения. Но если в каком-то уголке города бесы вдруг начинали хищно кружить вокруг одинокого Ангела, к нему тотчас на подмогу шли на предельной скорости другие Ангелы, оставляя за собой широкие полосы света. А люди, наверное, думали, что эти полосы оставляют самолеты...

«Однако тут большая война идет, – подумал Ангел. – Бесов, бесов-то сколь! А и наши не зевают...»

Из бокового кармана стихаря Ангел Хранитель извлек шар зеленовато-молочного стекла – зеркало связи – и распрямил тороки. На первый взгляд тороки казались концами узкой парчовой ленты, поддерживающей золотые кудри Ангела, но это были Ангельские антенны.

– Ангел Хранитель Иоанн вызывает Хранителя Санкт-Петербурга.

В глубине зеркала появилась светящаяся фигура.

– Я Градохранитель Петербурга, – прозвучало из чудесного шара.

– Благослови, Хранитель города. Я гость и прошу тебя о встрече.

– Благослови и ты. Где ты обретаешься?

– Похоже, я завис над самым центром Петербурга.

– Ты зришь под собой широкую реку?

– Зрю, Градохранитель.

– Это Нева. К югу от нее находится золотой купол, самый большой в городе. Ты зришь его?

– Зрю.

- Это Исаакиевский собор. Лети к нему и ожидай меня на галерее под куполом. Я тотчас прибуду.

Свет внутри шара потух. Ангел прибрал зеркало, опустил тороки и расправил крылья. Он сделал круг над собором, спикировал на купол и по нему, как по крутой горке, съехал на широкую каменную галерею, что шла вокруг барабана купола. По всей балюстраде, окружавшей галерею, стояли статуи Ангелов в натуральную величину. Хранитель принялся их разглядывать с понятным интересом.

Не успел Ангел Иоанн обойти хоровод бронзовых собратьев, как по серо-голубому небу будто пронеслась огненная комета, и перед скромным Ангелом Хранителем из Пскова предстал великолепный Хранитель имперского города. Он был на две головы выше гостя, его богатые белые ризы перламутрово переливались, отсвечивая на длинных складках голубым и синим, а кресты на ораре были расшиты жемчугами и бриллиантами. К поясу Ангела был подвешен меч, и был тот меч подобен раскаленному белому лучу.

- Петрус, Хранитель Санкт-Петербурга, - назвалса великолепный.

- Иоанн. Можно просто Иван, - скромно представился гость.

- Очень приятно. Откуда пожаловал ты к нам, брат Иван? - спросил Петрус, присаживаясь на край каменной балюстрады.

- Псковские мы, - сказал Ангел Хранитель Иоанн, застенчиво улыбаясь.

- Знаю, бывал. Славные места. Монастыри, святыни, Псково-Печорская Лавра, старец Николай Залитский. Да и монахи у вас там есть знаменитые на весь православный мир - иконописец Зенон, сладкопевец Роман... И по какой такой нужде припозжаловал ты к нам в Санкт-Петербург, Ангел Иван? Ответствуй, брат.

- По семейному делу, - ответствовал Ангел, переминаясь босыми ногами на каменном полу галереи. - Хранитель я: девочка у меня, сиротка, зовут Аннушкой, живет с бабушкой. Мать год назад умерла, а отец уже десять лет как оставил их и проживает в Петербурге. С младенчества Аннушка матерью и бабушкой воспитана в православии: постится, причащается, прилежно ходит в Божий храм. Недавно наша бабушка узнала, что у нее тяжелая болезнь в последней стадии и жить ей осталось совсем немного. Решила она заранее позаботиться о внучке: разыскала адрес Аннушкиного отца в Петербурге и написала ему письмо, в котором все ему про свою болезнь откровенно рассказала и просила подумать о судьбе его дочери. Отец откликнулся сразу: прислал в ответ телеграмму, что завтра будет звонить на самую главную псковскую почту. Бабушка задумала внучку отправить к отцу в Петербург на все лето, чтобы дочь с отцом ближе познакомились и привыкли друг к другу. Вот это они и будут завтра обсуждать по телефону. А сюда я прилетел, чтобы на месте разузнать, что за отец у Аннушки, какая у него в доме духовная атмосфера? К нам в Псков много паломников из Петербурга приезжают, а путь на Печоры, в Лавру как раз возле нашего дома проходит; так вот мимолетающие петербургские Ангелы иногда такое рассказывают о своем городе, что и Ангельская душа трепещет. Очень я боюсь за свое, Господом мне доверенное, дитя... Ты не обижаешься, Петрус?

- У меня в городе всего хватает - плохого и хорошего, греха и святости. Город огромный, людей много, жизнь кипит, как в большом котле. И бесы, конечно, мутят, они ведь любят мегаполисы.

- Чего они любят? Прости, не понял я...

- Гигантские города - мегаполисы. Но знаешь, брат мой Хранитель, именно в таких местах и решаются судьбы России, а значит, и всего мира.

- Ой, Петрус! У тебя такой город под крылом, а я к тебе со своими маленькими семейными заботами подлетаю...

- Надеюсь, ты всерьез не думаешь, Иван, что меня волнуют проблемы только исторического масштаба? Мне всякий бомж в городе знаком, я души бандитов пытаюсь спасти, а каждую нищую православную старушку лично лелею и готовлю к Переходу. Нет для Ангелов Хранителей мелочей там, где дело касается людей, какого бы ранга ни был Ангел. Я берегу не камни городские, а души людские. К тому же твои тревоги мне весьма близки и понятны, брат Хранитель: я ведь и сам в былые времена подвизался личным Хранителем и знаю, какая это трудная служба.

- Благодарствуй на добром слове, Петрус...

- А знаешь, что мы с тобой сделаем, Ангел Иван? Мы сейчас вызовем сюда Хранителя отца твоей девочки, и вы с ним вдвоем ваши семейные дела и обсудите. Согласен?

- Согласен. Но это еще не все. - Ангел Иоанн уселся прямо на каменный пол галереи и, глядя снизу вверх на Петруса, приготовился к обстоятельному рассказу. - С отцом Аннушки живет ее сестра Юлия. Отца зовут Дмитрий Мишин...

- А где они живут? - с легким нетерпением перебил его Петрус.

- Бабушка Настя говорила, что на Крестовском острове.

- Есть у меня под крылом такой остров. Владела им когда-то сестра Петра Великого царевна Наталья, потом, помнится, граф Христофор Миних, за ним граф Разумовский, а после и до самых темных времен - князья Белосельские-Белозерские. Теперь это тяжелое место в духовном смысле. Чего там только в темные времена не понастроили язычники! И стадионы, и яхт-клубы, и больницу для партийных начальников - полы паркетные, врачи анкетные. А теперь вот «новые русские» остров осваивают и застраивают своими виллами и башнями неприступными. Переименовывали его несколько раз, но как был он первоначально назван Крестовским, так по сей день и зовется, и в этом, брат мой Хранитель, наша надежда. Но мы с тобой слушаем лучше, что нам поведают Ангелы Хранители с Крестовского.

Петрус связался через зеркало с Хранителями семьи Мишиных и вызвал их к себе. Вскоре на галерею Исаакиевского собора прибыли еще два Ангела. Рядом с величавым Хранителем города и румяным здоровяком Иоанном прибывшие выглядели несколько бледноватыми и будто бы слегка прозрачными; Иоанну даже почудилось, что сквозь их тела просвечивают золотые отблески на шпильях.

Ангелы представились:

- Димитриус.

- Юлиус.

Иоанн назвался и сразу приступил к делу:

- Моя подопечная отроковица завтра должна получить приглашение провести каникулы у Мишиных. Посоветуйте, братие, стоит ли пускать ее в этот дом? Крепка ли ваша домашняя

церковь?

Бледные Ангелы молча поглядели друг на друга.

- А она что, отроковица твоя, послушается, если ты, скажем, не возжелаешь, чтобы она в Петербург ехала? - спросил, запинаясь, Юлиус.

- До сих пор она всегда меня слушалась.

Ангелы снова переглянулись.

- В чем дело? Что это вы так таинственно переглядываетесь и почему не отвечаете гостю на его вопросы? - строго спросил Петрус. - Ответствуйте, являет ли семья Дмитрия Мишина малую домашнюю церковь, как это положено у православных христиан?

Ангел Димитриус сцепил пальцы рук, поднес их к подбородку и сокрушенно произнес:

- Хранитель великого города и ты, гость псковский, а ведь мы ничего утешительного вам поведать не можем.

- А вы молвите все как есть, - предложил Иоанн.

- Придется, видно. Дом у нас есть, да еще какой! Три этажа, с гаражом, сауной и садом. Дом есть, а домашней церкви нет и не было никогда. Дмитрий Сергеевич Мишин - процветающий бизнесмен, «новый русский», как теперь говорят. Деньги, деньги, деньги - лучше в долларах, и всяческие удовольствия и развлечения, какие можно получить за деньги, - вот его идеалы. Когда моего Митю спрашивают о вере, он отвечает, что верит только в самого себя и в доллары. Он крещен, но едва ли сам теперь об этом помнит, а обо мне и вовсе не ведает. Если бы я начал вам сейчас рассказывать, братие, сколько огорчений он мне принес начиная с семи лет и кончая сегодняшним днем, я бы до утра не закончил и вот весь этот купол слезами горючими омыл!

- Чем очень угодил бы нашему губернатору: он как раз голову ломает, как бы ему к юбилею города купола почистить. Но приставленный к нему бес Перекоп его то и дело на другие затеи отвлекает, да и денег в городской казне, как всегда, не хватает: в одну дверь вносят - в другую выносят, - усмехнулся Петрус. - Но скажи мне, Димитриус, ты сам-то пытаешься на своего подопечного влиять или только сокрушаешься?

- Дня не было, Петрус, чтобы я не пытался докричаться до него! Сколько раз он попадал в беду, а я мог и хотел ему помочь, да только редко что выходило. Не верит он в меня, а потому и не слышит. Как мне до его глухой души докричаться? Не внемлет и все тут, хоть по мобильному телефону звони!

- А ты бы попробовал, - посоветовал Петрус.

- Ты мнишь?... Редко-редко мой Митя вдруг меня и услышит, но почему-то всегда только в подпитии. При этом слышать-то он слышит, но насколько все по-своему понимает! Остерегаюсь я с ним выпившим разговаривать. Вот, к примеру, в прошлом году его пьяные дружки вздумали зимой в проруби купаться. Выехали на своих машинах по льду на середину Невы, прорубили прорубь топорами и давай в ней плавать, животным морским подобно. Зело пьяны были. Я Мите внушаю: «А ты, Митенька, в прорубь не лезь!» И он меня вроде как услышал: остановился голый на краю проруби и кричит приятелям: «Нет, я в прорубь не полезу!» Я уж было обрадовался, а он продолжает: «Я не полезу - я ласточкой нырну!». Ну и нырнул с

разбега.

- И что?

- Ушел с головой под лед. Я, естественно, ныряю за ним. Протягиваю ему десницу - он не замечает; показываю, куда надо плыть к проруби, а он глаза выпучил и в другую сторону гребет. Вот страху-то я натерпелся: ведь он совсем, ну совсем-совсем не готов к Переходу! И вдруг слышу, булькает мой Митя: «Помоги!» - сам, конечно, не соображая, кого это он в черной воде на помощь зовет? Но тут уж я не растерялся: зовет - значит, меня зовет, поелику больше поблизости, подо льдом то есть, никого и нет! Схватил я моего Митю в охапку и рванул вверх прямо сквозь лед...

- Постой! Так это не ты ли, Ангел мой, взорвал лед на Неве перед Петропавловской крепостью в самую новогоднюю ночь? - воскликнул Петрус.

- Ну, я... А как же мне было иначе спасти моего Мишина? Пробил я лед головой, а он за мной так пробкой из полыньи и выскочил! Тут уж его пьяные дружки подхватили, в шубу закутали и увезли - в ночной клуб, продолжать встречу Нового года.

- Ты отдаешь себе отчет, Ангел Димитриус, какой переполох ты мне устроил в городе этим прободением невского льда? Да еще оставил за собой полынью с оплавленными краями! Городские службы с ног сбились, разыскивая преступников, запустивших бомбу под лед Невы. Слухи пошли один другого нелепее: будто с помощью взрыва террористы хотели вызвать наводнение, будто Дворцовый мост пытались взорвать, а еще будто это была попытка военного переворота силами подводного десанта. До инопланетян договорились! Коли пожелаешь, можешь в старых газетах покопаться - много интересного о себе узнаешь. И не стыдно тебе, Ангел-террорист?

- Стыдно, конечно, Петрус, как не стыдно? Виноват я, прости! Я потом долго не мог в себя прийти, вся сила моя ушла на этот прорыв, а то бы я, конечно, нашел тебя и во всем повинился. Мне пришлось две недели в Иоанновском монастыре в алтаре отлеживаться, монахини молитвами выхаживали... Ах, сколько там благодати, братие! Как на духовном курорте побывал!

- Вестимо, - улыбнулся Петрус, - как не быть преизобилию благодати над усыпальницей святого праведного Иоанна Кронштадтского? Так ты, бедный, выходит, надолго занемог после своего подвига... Ну, это тебя отчасти извиняет.

- А Митя, между прочим, даже насморка не схватил! Нет, вы, братие, и представить себе не можете, каково мне с ним приходится: я над ним вьюсь, как ласточка над выпавшим из гнезда птенчиком, а он меня все отрицает и отрицает! Ах, да что говорить-то! - Димитриус махнул рукой и, отвернувшись, горестно уставился на ближайшего к нему бронзового Ангела, будто ожидая от него сочувствия.

Ангел Юлиус робко улыбнулся, выступил вперед и тоже начал перечислять свои печали, поочередно тонкие персты пригибая:

- А моя Юлька с тех пор, как живет с отцом, ни разу не причащалась Святых Христовых Таинств - это раз. Она верит в НЛЮ и экстрасенсов - это два. Когда уроков не выучит, просит мачеху погадать на картах, вызовут ее или нет, - это три. В церкви не бывает - это четыре...

- Юлия твоя бывает с отцом и мачехой в церкви, - отвлекшись от скорбного созерцания бронзового собрата, сказал Димитриус. - Она очень даже любит бывать на пышных венчаниях

«новых русских». Мода у них нынче такая пошла - венчаться. Но волнует ее при этом не само таинство или красота службы, а наряды и прически невесты и гостей.

- Так она же девочка, а девочки все любят наряды! В этом еще нет греха, - неожиданно вступился за свою подопечную Ангел Юлиус.

- Пустой сосуд твоя Юлия, хоть и запечатанный!

- Да, запечатанный! А коли сосуд запечатан печатью Святого Духа, то еще не все пропало: Дух сам может возжечь в нем огонь, когда Ему восхочется! Моей Юленьке всего-то неполных двенадцать лет, она еще может исправиться. Пустой сосуд... Как можно называть дитя «пустым сосудом», коли оно было крещено, миропомазано и до двух лет исправно причащалось!

- Ах, брат мой Юлиус, ну что ты говоришь? Это в пеленках-то - «исправно»? Да ведь это бабушка Настя носила ее в Божий храм причащаться! Но ты, конечно, истину молвишь: и в моем Мите сохранилась искра Божия, потому как его тоже крестили и даже водили в церковь до семи лет. Это уж потом отец воспретил ему посещение храма, дабы это не повредило сыночку. Вы подумайте только, братие, - не пускать ребенка в Божий храм из любви к нему! Что за жизнь, что за страна, что за люди!

- Жизнь как жизнь, и люди как люди. Ты бы, Ангел мой, за границу слетал для утешения... А ты что ж это так надрываешься, Хранитель Димитриус? - укорил его Петрус. - То руками восплещешь, то крыльями, слезу вон даже пустил... Ты, как я погляжу, на грани отчаянья пребываешь, а ведь это грех, братец ты мой.

- Нет, нет, - замахал крылами Ангел, - не отчаиваюсь я, братие, как можно? А что я руке воздеваю, так это я для выразительности скорби моей. Знали б вы да ведали, как мне моего Митеньку жаль... Будь он совсем пропащий, ну стал бы я разве ради него своей главой невский лед пробивать?

- Думаю, тем более стал бы, - улыбнувшись, сказал Петрус.

Но Димитриус его будто не услышал и продолжал:

- Митя в душе неплохой человек. От природы он добродушный, щедрый: мимо нищего никогда без подавания не пройдет, разве что проедет на своем «мерсе». Ты не сомневайся, Иван, твою подопечную он не обидит! Скорее, наоборот, забалует, завалит подарками.

- Митя - доброй души человек, это воистину так. Но ты теперь про мачеху нашему гостю возвести, то-то он удивится! - горько усмехнулся Юлиус.

- Что еще за мачеха? - насторожился Хранитель Иоанн. - Кто такая и где ее Хранитель?

- О, наша невеста-мачеха по имени Жанна стоит особого разговора!

- Да чего там о ней особо разглагольствовать? Да Митя на ней, может, еще и не женится, одумается, - отмахнулся было Ангел Димитриус.

Но Хранитель Иоанн взволновался не на шутку:

- А ну-ка, братие, повествуите, что там у вас за «невеста-мачеха» обрета-ется и почему ее Хранитель с вами не прибыл?

- А нет у нее никакого Ангела Хранителя, - с досадой молвил Ангел Димитриус. - Нет и быть не может, потому как она не крещена. Зато приставлен к ней особый бес по кличке Жан, жутко на нее похожий... Или она на него - теперь уж и не разберешь. Вот он и есть ее духовный руководитель.

- Смерд от этого Жана такой, что даже люди порой замечают: думают, крыса под полом скончалась, - подхватил Юлиус. - С тех пор как Жанна со своим Жаном поселилась у Мишиных, мы и в дом почти не заглядываем. Пребываем поблизости и плачем горькими слезами, а поделаться ничего не можем. Мишины, отец и дочь, нас не зовут, а потому бесы нас на порог не пускают. С приходом этой самой Жанны наш дом превратился в настоящее бесовское гнездилище: за Жаном целая стая бесов помельче в дом проникла. Лезут и лезут...

- Ужас какой, - покачал головой Ангел Иоанн, хмуря густые золотые брови. - Нет, я свою Аннушку в этот вертеп не пущу!

- Аннушку? - всплеснул крыльями Юлий. - Так ты мой братец Иоанн, Хранитель Анны Мишиной, сестры моей Юлии? Я сразу как-то не сообразил и не узнал тебя. Ты такой стал представительный - сразу видно, что у тебя служба Ангельская идет как надо. А ты что, совсем не помнишь меня, братец? Ведь наши девочки - сестры-близнецы! Забыл ты, что ли, как нас с тобой вдвоем направили к нашим малышам, когда их крестили? Мы еще путали сначала, где чья. Иван, братец Хранитель! Здравствуй!

- Да, это я, братец Юлиус. Ну, давай поликуемся!

Ангелы обнялись и «поликовались» - трижды соприкоснулись ликами. Когда они оказались рядом, стало видно, что они весьма сходны чертами, вот только пепельные локоны Ангела Юлиуса печально спускались на его худенькие плечи, а золотые кудри Иоанна вздымались на его голове копной таких крутых колец, что даже солнце сквозь них не просвечивало. Да и сложением псковский Ангел был куда крепче братца.

- Я тебя сразу узнал, - сказал Иоанн, - и хотел потом с тобой наедине по-братски побеседовать, былое вспомнить. Но сначала я должен был свою службу справить - понять, что там за дом у вас? Однако, сдается мне, я уж все понял: дом есть, а домашней церкви в нем нет, и значит - дом ваш пуст... А вот сестричек мы с тобой, братец Юлиус, и вправду поначалу путали. Но помнится мне, ты уж прости меня за простоту, что моя Аннушка с первых дней была чуточку светлей и не такая вертлявая, как твоя Юлия. Вот уж суцая юла была!

- Да, имечко выбрали... А твоя Аннушка, какая она сейчас?

- Золотая девочка. Добрая, послушная, чистая умом и сердцем. Настоящая христианочка!

- Это по тебе видно - вон ты у нас богатырь какой! Аннушка, верно, тебе и забот-то особых не доставляет, не огорчает тебя?

- Забот с подопечными всегда хватает, а вот чтобы огорчать - этого у Аннушки в заводе нет. Она мне с раннего возраста внимает и радуется той радостью, от которой мы, Ангелы Хранители, здоровеем. Вот я такой и вымахал, - и Ангел Иоанн повел могучими плечами. - Но теперь в нашей жизни много и печали. Мама Нина умерла, ушла от нас в райские селения, бабушка Настя болеть стала. Прежде моя Аннушка была веселая и шаловливая, как котенок, а теперь присмирела. А тебе с твоей Юлией, я вижу, достается?

- Не говори, брат! Отец ее балует безбожно, во всем потакает, и она этим вовсю пользуется. Когда появилась в доме эта Жанна, Юлька и вовсе испортилась: косички остригла и выкрасила

волосы в рыжий цвет, как у клоуна в цирке, лицо раскрашивает красками - «макияж» называется, с подружками часами по телефону болтает о пустяках. Будущая мачеха делает вид, что души в ней не чаёт, и тоже балует. Только баловство это коварное: Жанна разрешает Юльке как раз то, что девочке совсем не на пользу. Не верю я в её любовь, никого она, несчастная, кроме себя, любить не умеет. А хуже всего, что Жанна намерена мою Юлию всяким мерзостям обучить - гадать на стеклянном шаре, заговоры читать, общаться со злыми духами. Они уже начали заниматься спиритизмом и прочими пакостями, и в результате к моей Юльке прилепился бесенок Прыгун. Жанна со своим Жаном и этот Прыгун собираются из неё маленькую ведьму сделать. У нынешних язычников это модно и называется «стать продвинутыми». Даже детские книжки про маленьких ведьм и колдунов пишут и печатают. Тревожно мне за Юленьку, а поделаться я ничего не могу.

- А у твоего Мишина тоже свой бес имеется? - спросил Иоанн Димитриуса.

- Бог миловал! Мой Митя любого случайного беса готов послушать, поддаться ему на время: то в загул ударится, то в казино азарту предается, а чаще всего по пустякам в гнев впадает. Бывает, что бесы его облепят, как оводы спящего медведя, но Митя проснется, встряхнется, поглядит на мир чистым оком, одарит людей добрым делом - и нет ни одного беса ни на нем, ни поблизости! Нет, мой Митя постоянной власти над собой темным духам не дает: душа у него хоть и сонная, но здоровая и чистая.

- Это так, - подтвердил Юлиус. - Слушай, Иван, а может, вы все-таки с Аннушкой приедете к нам на каникулы? За одно лето девочка твоя не испортится, она ведь под твоей защитой будет, а моя дурочка, может, к сестре прилепится и от мачехи отойдет. Подумай, ведь наши девочки - сестрички-близнецы!

- И не проси, брат Юлиус, и не уговаривай! Я своего птенчика в бесовское гнездилище ни за что не пушу. Я и нынче оставил-то ее всего на одну ночь, а уже так беспокоюсь о ней, так тревожусь! Трепещу прямо. Вот с вами беседую, а сам все думаю: спокойно ли спит мое дитячко, не приснился ли ей без меня сон дурной? Молитвы вечерние Аннушка прочла, я сам с ней молился, и бабушка Настя ее на ночь перекрестила, как обычно, а меня все одно тревога одолевает: никогда прежде я от нее не отлучался так далеко и надолго. Мало ли что может приключиться? Пьяница-ругатель мимо окон пройдет, темную волну перед собой гоня, - ребенку что-нибудь страшное и приснится. Бабушкин Ангел Анастасий занят зело, ведь к бабушке Насте предкончинная болезнь пришла, и они теперь вместе последние дела на земле улаживают. Я попросил его за Аннушкой присмотреть, и он обещал, а я все одно трепещу. В общем, прощай, брат Юлиус, и ты прощай, Хранитель Димитриус. Хороший ты Ангел, отчаянный, вот только подопечный тебе непутевый достался. Жаль мне вас, братие, скорблю вместе с вами об отце с дочерью, но мне пора возвращаться домой, на Псковщину. Прощайте и не взыщите! Прощай и ты, Хранитель большого города, приятно было познакомиться...

Он уже расправил было крылья, чтобы взлететь, но Ангел Юлиус ухватил его за крыло и взмолился отчаянно:

- Постой, братец, не улетай! Ну ты присядь, присядь на минуточку, куда спешить-то? Ты посмотри, какая ночь, какая красота вокруг! Ведь белая ночь - где ты еще такое увидишь? А город - ты только взгляни, какой город под нами! Ну не чу-до ли наш град Петров? - Говоря это, Ангел Юлиус смиренно опустился перед братом на колени, не выпуская, впрочем, его крыла.

- У нас тоже красиво, природа кругом, - удивился Иоанн, но тоже опустился на каменные плиты. Юлиус сел рядом, обнял Иоанна и положил ему на плечо свою победную пепельную

головушку.

- Ты вот что, ты послушай, что я тебе скажу, братец Иванушка, - сказал он проникновенно. - Ты, конечно, свою Аннушку любишь, как не всякий отец любит свое дитя. Ты ей сейчас и за мать, и за отца, а скоро будешь и за бабушку. Все это я, брат, разумею. Но ты и к моей-то Юленьке имей снисхождение, пожалей ты ее, кроху горемычную, погибает ведь совсем мое дитятко! Ее ли вина в том, что она почти всю свою маленькую жизнь росла без бабушки Насти, без светлой ее опеки? Она ли виновата в том, что некому было учить ее молитвам и в Божий храм водить? А ведь она бабушке Насте такая же родная внучка, как твоя Аннушка. Братец Иванушка, скажи ты по совести своей Ангельской, от века незамутненной, разве не могло случиться так, что Аннушку твою увезли бы в Питер, а мы с Юленькой остались бы жить в Пскове, под покровом Псково-Печорской Лавры, с мамой Ниной и бабушкой Настей? Взяли бы родители да и поменялись девочками, ведь они их совершенно случайно выбрали: мать - Аню, а отец - Юлю.

- Что ты, что ты, братец! И подумать даже страшно! Я без бабушки Насти не справился бы, от нее всегда были тепло и свет в нашем доме.

- А у нас в доме - тьма болотная, - вступил в разговор Ангел Димитриус. Он опустился на колени рядом с Иоанном по другую сторону и тоже положил ему голову на плечо, словно боясь, что тот вдруг поднимется и улетит. Иоанн повернул к нему лицо и поглядел на него.

- Наши Мишины молятся деньгам, поклоняются машинам, а проповеди им телевизор читает, - сказал Димитриус. - Язычники они! Ну а просвещать их надо? А спасать? Слушай, Иван, может, ты и вправду приедешь к нам со своей девочкой погостить? Это ж только на каникулы!

- Понимаешь, братец, - снова начал говорить Юлиус, и Ангел Иоанн обратил главу теперь в его сторону, - нам и в дом Мишиных без тебя не проникнуть: мы не можем туда войти, пока нас не позову, - ты знаешь закон. Когда дело касается нас, Ангелов, бесы очень строго следят за соблюдением законов. А ты при своей Анне войдешь в дом беспрепятственно, ибо ты в полном праве пребывать при ней неотлучно.

- Ты мишинских бесов если даже не вовсе разгонишь, то хоть погоняешь примерно: уж очень они обнаглели, - вновь заговорил Димитриус, и Ангел Иоанн обернулся к нему. - Ты вон какой здоровый! Ты у нас, Иванушка, будешь за старшего, мы тебя почитать будем и окажем тебе во всем полное послушание. Так, Юлиус?

- Вестимо! Соглашайся, Иван! А то пропадем мы без тебя...

Ангел Иоанн перестал крутить головой и глубоко задумался. Димитриус и Юлиус не стали больше его теребить, но продолжали глядеть на него умоляющими глазами, а по щекам их вдруг покатались крупные слезы, и Ангелы этих слез не утирали.

Градохранитель Петрус смотрел на всех троих с интересом и мягкой улыбкой, но в семейную беседу не вмешивался.

- Что я вам скажу, братья Юлиус и Димитриус? Тяжело мне решиться на это, но если будет на то воля Божья, так что ж... Я вот прямо сейчас и спрошу Его, и как Господь повелит - так и будет.

Под взволнованными и полными надежды Ангельскими взглядами Иоанн встал, трижды поклонился на восток, достал свое зеркало, наладил тороки и спросил, можно ли ехать отроковице Анне на летние каникулы к отцу Дмитрию в город Санкт-Петербург? После чего

все Ангелы, включая Петруса, торжественно выпрямившись и оправив складки стихарей, благоговейно стали ждать ответа.

И ответ был получен: рабе Божьей отроковице Анне не медля ехать к отцу и сестре.

Хранитель Иоанн поклонился на восток:

- Да будет воля Твоя, Господи! Вот так, - сказал он, пряча зеркало в складках стихаря. - Ждите, скоро прибудем.

Димитриус и Юлиус стояли рядом, взявшись за руки, и сияли.

- Желаю вам всем успеха. Посмотрим, как теперь пойдет духовная жизнь в вашем семействе, - сказал Ангелам Хранителям Петрус. - В серьезных случаях обращайтесь прямо ко мне. В нашем городе теперь очень сильное светлое воинство, и мы вас, конечно, не оставим без подмоги. Оставайтесь с Богом, а мне пора - дела ждут.

- Да благословит и тебя Господь, Градохранитель! - ответили Ангелы хором.

Хранитель Санкт-Петербурга поднялся над куполом Исаакиевского собора и раскинул свои пламенные крылья; они вспыхнули и заиграли сполохами по обе стороны небосвода, осыпав город сверкающими искрами. Попавшие под этот огнепад бесы заметались в воздухе, кинулись спасаться в колодцы дворов, в ущелья переулков и там затаились в страхе. Потом Петрус исчез, и небо потускнело, осталась только узкая розово-зелено-желтая полоска зари, то ли еще вечерней, то ли уже утренней.

- Ну, пора и мне. Ночь коротка, а дорога длинна, - сказал Иоанн. - Все оказалось даже хуже, чем я опасался, но мне теперь не так страшно, когда известна воля Божья. Скоро увидимся! Храни вас Бог, братие!

- И тебя храни Господь, Иван! Добрый тебе путь, небо скатертью! - сказали ему вслед Хранители.

- Хороший у тебя братец, - заметил Димитриус, когда они остались одни. - А могуч! Вот уж задаст он жару крестовским бесам!

- Дал бы Бог. Полечу теперь к своему, пригляжу за ним: он сегодня у Гуляровских на дне рождения. Старику Гуляровскому семьдесят лет исполнилось, он большой праздник затеял. Как бы Митя не загулял, а то завтра проспит все на свете и забудет позвонить в Псков.

- Мачеха с ним?

- А как же! Но только от нее в таких случаях помощи не дождешься, она сама винцо любит.

- А с кем Юлия осталась?

- С охраной и Акопом. Но при нем сегодня бес, а не Ангел.

- В такие дни надежда на Акопа плохая. Полечу-ка я к дому, в саду подежурю.

Две светлые фигуры поднялись в небо и полетели через Неву в северо-западном направлении.

Некоторое время на галерее собора никого не было. Потом за край балюстрады снизу зацепилась тонкая и длинная мохнатая лапа, рядом с ней появилась вторая, и на галерею

вскарabкался некто, похожий на крылатого мохнатого паука с головой кошки, но с паучьими жвалами на месте кошачьей пасти. Глаза его мерцали недобрыми желтыми искрами, из-под острых жвал сочилась и капала зеленая слюна.

- Так-так-так, - заскрипело чудище отвратительным голосом. - Заговор назревает, заговорчик! Интрижка Ангельская затевается! Мелкая такая интрижечка, но все-таки дельце для Михрютки найдется, если с умом взяться. Это у нас какая же группировка будет? Ага, крестовская. Тьфу, название-то какое неприятное. Вот к ним и лететь надо, все обсказать, а плату за донос вперед запросить. Лучше в долларах. На доллары можно кучу грешничков купить, самому полакомиться, а потом довести до кондиции и сдать куда надо. А может, на службу к браткам крестовским податься? С тех пор, как в соборе молиться начали, житья бедному музейному домовому не стало. Да нет, там, поди, все схвачено! Разве что к людям в домовые попроситься, пойти на понижение: у них на Крестовском много новых домов построено, найдется вакансия. Летим, летим, Михрюточка, на Крестовский островок с докладиком, с доносом! Летим, мой хорошенький!

На восьми волосатых паучьих лапах мерзкое существо вскарabкалось по гранитной колонне к основанию купола, быстро заскользило вверх по его гладкой золотой поверхности и, добравшись до середины купола, распахнуло кожистые перепончатые крылья, оттолкнулось и сигануло вниз. Через мгновение неудельный бес-домовой из бывшего музея исчез в тени между крышами. На золотом куполе осталась только грязная дорожка слизи, там, где прополз домовый Михрютка.

В это самое время в четырехэтажном особняке Гуляровских на Крестовском острове веселье было в полном разгаре. Два нижних этажа были залиты светом, и через открытые окна в сад хлестали потоки ритмичного шума. В саду мутно и бесполезно светились желтые шары чугунных фонарей, сделанных под старину, а под ними прохаживались охранники, свои и чужие - многие гости явились на день рождения с охраной. Снаружи, вдоль высокого каменного забора выстроились в ряд автомобили гостей, все сплошь иностранных марок.

А на крыше особняка пировали бесы. Они до отвала объедались и упивались испарениями обжорства и пьянства, лакомились жирным дымком самодовольства и чванства, наслаждались вонью наглости, копотью агрессии и густым смогом всевозможных других пороков. Эти испарения исходили от собравшихся внизу людей, поднимались вверх густым облаком, проходили через перекрытия этажей на крышу и туманными струями расстилались по ней, а бесы купались в этих выползках зловонного тумана и блаженствовали. Иногда они ссорились, огрызались друг на друга, даже вступали в короткие свирепые схватки, но это лишь добавляло удовольствия к их веселью.

Димитриус стоял на толстой ветке в кроне высокой сосны, таясь за ее стволом, и внимательно наблюдал за происходящим. Он уже с четверть часа находился тут и видел, что Дмитрий Мишин уже успел-таки изрядно набраться.

Вдруг издалека слышались звуки, похожие то ли на фальшивую игру гигантской волторны, то ли на неприличные звуки, издаваемые какой-то великанской задницей. Ангел на сосне и бесы на крыше насторожились. К особняку Гуляровских зигзагообразно летел багрово-красный бес с огромным животом и двойными черно-зелеными крыльями, похожими на стрекозиные. На лету бес ритмично нажимал толстыми лапами на свой тыквоподобный живот, и от этих нажатий получались те самые скверные звуки. Со скрежетом затормозив когтями о железную крышу, бес для упора широко расставил нижние лапы, еще больше выпятил животище и завопил:

- Внимание! Тревога! Общий сбор! Кактус всех вызывает на экстренное совещание!

Бесы всполошились, запрыгали по крыше и один за другим стали срывать с ее края. Взмолвленной, визжащей стаей они поднялись в воздух и полетели к одному из домов-башен, нагло торчавших над деревьями парка.

Воспользовавшись их внезапным исчезновением, Ангел Димитриус слетел на балкон второго этажа: ему нужно было во что бы то ни стало привлечь внимание подопечного и внушить ему кое-какие трезвые мысли.

- Митя, выйди на балкончик! - громко позвал Ангел.

Мишин, уже уставший от питья и еды, сидел на диване в гостиной. Он поднял голову и недоуменно огляделся. Это был полноватый белокурый человек лет сорока, с довольно простым и слегка оплывшим лицом. Увидев, что ни рядом на диване, ни поблизости никого из гостей нет, он опустил голову и снова задремал.

- Митя, выйди на балкон! Тебе надо проветриться! - продолжал твердить Ангел.

Мишин пожал плечами, встал с дивана и нетвердой походкой пошел к распахнутым настежь дверям балкона. Он вышел на балкон, подошел к перилам и облокотился на них, вдыхая прохладный воздух из сада и крутя головой, чтобы немного разогнать хмель. Кажется, ему это отчасти удалось.

Ангел остановился в воздухе прямо перед ним и громко сказал:

- Послушай, Митя! В Пскове живет твоя дочь Анна. Ты не был на похоронах бывшей жены. Ты совсем не помнил о том, что в Пскове у тебя осталась еще одна дочь. Завтра она ждет твоего звонка, а как ты готовишься к разговору с ней? Смотри, как ты безобразно пьян!

- Я не пьян, - обиженно сказал Мишин и огляделся. - Кто тут говорит, что я пьян?

- Я говорю, твой несчастный Ангел Хранитель. У-у, горе ты мое! Если ты, Митя, немедленно не отправишься домой, то завтра наверняка проспишь и не позвонишь в назначенное время. Девочка будет горевать и плакать, она подумает, что ты не хочешь ее знать. Вспомни о ней, Митя, вспомни и отправляйся домой спать!

Мишин поднял голову, сосредоточенно посмотрел сквозь Ангела и вдруг громко сказал:

- Да, Митя, вспомни о своей второй дочери. И отправляйся... И отправляйся-ка ты, Митя, немедленно в Псков за дочерью Анной. Вот так! Вот это будет правильно!

- Нет, Митя, неправильно. Ты опять все перепутал. Сейчас тебе надо пойти спать, а завтра позвонить в Псков, - строго сказал Ангел.

- В Псков! Сейчас же в Псков! - упрямо повторил Мишин. - А спать - некогда!

Мишин встал, покачнулся, потом выправился и, громко топая для устойчивости, решительно направился в глубину дома.

Через несколько минут он вышел из дверей особняка с бордовым пиджаком в руке, спустился по широким ступеням и пошел по дорожке к воротам.

- Митя, вернись! Куда ты, Митя? - всполошился Ангел, в панике кружась над своим горе-

подопечным.

Его слова повторила вышедшая на крыльцо высокая красивая женщина в зелено-золотом вечернем туалете.

- Митя, куда ты? Вернись, Митя!

То ли у Мити в глазах двоилось, то ли он на мгновение увидел своего Ангела Хранителя и принял его за некую молодую гостью, но он вдруг обернулся и закричал гневно:

- Отстаньте от меня вы обе! Не держите меня! Я еду в Псков за дочерью! Вот так, и точка!

Красавица пожала голыми плечами и вернулась в дом.

Ангел всплеснул крыльями и перелетел через ворота.

Мишин подошел к серебристо-зеленому «Мерседесу» и стал искать по карманам ключи.

- Дмитрий Сергеевич, вы, пожалуй, до дома не доедете. Позвольте, я отвезу вас, - сказал ему подошедший охранник.

- До дома я не доеду, это ты прав, - кивнул Мишин. - А вот до Пскова - доеду! У тебя есть автодорожная карта?

- Если вы подождете пять минут, я возьму у хозяина и принесу.

- Некогда ждать. А я и без карты доеду. Хозяину привет!

- Понял. Передам, Дмитрий Сергеевич.

Охранник спокойно наблюдал, как Мишин открывает машину, небрежно бросает замшевый пиджак на заднее сиденье и усаживается за руль.

- Чего это он так рано сегодня? Еще только два часа ночи, праздник в самом разгаре, - спросил охранника подошедший коллега.

- Не знаю. Сказал, что едет в Псков.

- Набрался наш Мишин. Не разбился бы...

- Не разобьется. Говорят, пьяного Ангел Хранитель бережет.

- Гы-ы! Ты скажешь - Ангел! Мите сам черт не брат, а ты ему Ангела в попутчики желаешь...

- Правильно желает, хоть и неосмысленно, - кивнул Ангел Хранитель. - Спаси его, Господи!

Усаживаясь на крыше «Мерседеса», чтобы быть как можно ближе к подопечному, Ангел Димитриус свесил голову и укоризненно попенял ему в раскрытое окно кабины:

- Ах, Митя, Митя, над тобой вон даже чужие охранники смеются. А уж что Хранители соседские про нас с тобой говорят, об этом я лучше умолчу... Ну, ладно, трогай, Митенька! Ехать так ехать...

Машина с Мишиным за рулем и Димитриусом на крыше рванулась вперед, свернула и исчезла

в тоннеле под старыми вязами.

У бесов как раз в это время шло важное совещание. Председательствовал глава крестовской бесобратии Кактус – страшный толстый бес, зеленая шкура которого была сплошь покрыта длинными острыми колючками. Бес прямо-таки бесился:

- Куда вы смотрите, лупоглазые, чем вы слушаете, вислоухие? Вы прошляпили коварные замыслы врагов! Боссу Ленингаду откуда-то стало известно, что на вверенной нам территории врагами готовится диверсия: какие-то люди вот-вот захотят построить на острове – на нашем острове! – часовню. Наша задача – не допустить этого акта вандализма!

- Пусть только попробуют! Сожжем! Разрушим! Взорвем! – завопили бесы.

- Жгли, взрывали и рушили, а что толку? – прорычал Кактус. – Все опять по новой возрождается, да еще хуже становится: на месте одной разрушенной церкви людишки две новых строят. Нет, наша задача – не разрушать построенное, а истребить гнусные замыслы в самом зародыше. Сегодня эти дикари построят часовню, а за нею, того гляди, и храм начнут возводить! Вы что, не знаете нашу крестовскую публику? Как пойдет это злобное поветрие, как начнут они жертвовать на храм и друг перед другом выставляться – такую храмину отгрохают, что только держись! Нет, нет и нет! Сейчас главное узнать, кто это задумал? Найти, вычислить этих наглых храмостроителей, обезвредить, а если надо, то и уничтожить. Следите, смотрите и слушайте!

- Будем! Будем следить, смотреть и слушать, начальник! – завопили бесы.

- А вот я расстарался и уже подслушал кое-что по данному вопросу! – раздалось возле Кактуса вкрадчивое шипение, и перед ним появился Михрютка.

- Ты кто такой? – удивился бес. – Откуда взялся?

- Безработный домовый Михрютка! – представился тот, расшаркиваясь ворсистыми лапами.

- С чем явился, домовый?

- С доносиком к вашей темности.

- Докладывай!

Выслушав Михрютку, Кактус решил, что к теме собрания доклад об ожидаемом прибытии на остров провинциальной девчонки-молитвенницы со своим Хранителем прямого отношения не имеет, но домового похвалил за усердие и принял в крестовскую группировку. Тем бесовское собрание и закончилось.

Бесы снова полетели гулять на крышу особняка Гуляровских, а с ними и довольный донельзя Михрютка: его взяли на службу бесы, обитавшие в доме Мишиных. Определили его в домовые, и Кактус посоветовал Жану, главному домашнему бесу Мишиных, поселить его в отопительном отсеке подвала – по традиции.

- Будешь зваться Михрюткой Запечным, – сказал домовому Жан, важный черный бес, похожий на ящера, с акульими зубами, гребенчатым хребтом и неподвижными желтыми глазами. – А первое задание тебе будет такое: вместе с нами повлиять на Мишина, чтобы он не брал в дом эту псковскую девчонку-богомолку. Не ко двору она нам.

- Понял, начальник, - сказал обрадованный Михрютка. - Будем стараться, будем влиять.

- Ну, а теперь полетели к Гуляровским - догуливать. Праздник продолжается!

Жан и представить себе не мог, что и сам Мишин, и его Ангел Хранитель Димитриус уже час как держат путь на Псков - за Аней Мишиной. Слава Богу, совсем не так догадливы и пронизательны бесы, как их порой рисует пугливая людская молва, иначе никакого веселья на крыше Гуляровских в эту ночь уже больше не было бы... Но бесы пока ничего не знали, ни о чем не догадывались, ничего не предвидели и потому продолжали веселиться.

Глава 2

В телеграмме из Петербурга было сказано: «БУДУ ЗВОНИТЬ ПЯТОГО В ДЕСЯТЬ УТРА НА ГЛАВПОЧТАМТ ТЧК МИШИН».

Бабушка с Аней жили на окраине Пскова в скромном деревянном домике с большой старой березой у калитки и крохотным садиком позади дома. Отсюда до главного почтамта в центре города надо было ехать много остановок на автобусе, а до автобусной остановки еще идти пешком минут пятнадцать, но они встали рано, вышли из дома заранее и на главпочтамт явились к девяти часам.

- А чего это вы так рано? Написано же - в десять. И что это людям дома не сидится? - проворчала с рождения чем-то недовольная девушка в окошке с надписью «Международные и междугородные переговоры», когда они показали ей телеграмму. - Ждите. Когда Санкт-Петербург появится на проводе, я вас вызову.

Они прошли в угол зала и сели на скамейку. Аня взяла бабушку под руку и прижалась к ней. Когда они сидели так, рядышком, любому было ясно, что это бабушка с внучкой. У бабушки волосы были белые, а у внучки светло-русые, но обе они носили косы, только бабушкина коса была скручена в тугий узел на затылке, а у внучки свободно падала на спину и спускалась ниже пояса. Обе были круглолицые, румяные, а больше всего похожи у них были глаза - широко расставленные, серо-голубые, ясные.

Влетевшие за ними Ангелы Анастасий и Иоанн встали по сторонам скамьи, один со стороны бабушки Насти, другой со стороны Аннушки.

Целая стая мелких бесов с озабоченным видом шмыгала по главпочтамту: одни просматривали свежие газеты и журналы, другие читали, не вскрывая конвертов, чужие письма, третьи с деловым видом ныряли в посылки и шарили в них. Увидев двух могучих и сияющих Хранителей, бесы метнулись прочь, даже не попытавшись затеять свару. Только бесовка с пастью от уха до уха, крутившаяся рядом с девушкой, так неприветливо встретившая бабушку с внучкой, осталась на месте. Но и она спряталась за спину подопечной и притихла.

- День сегодня жаркий будет, - сказал Ангел Анастасий, - как бы Настеньке пораньше домой вернуться: ей нельзя долго находиться на солнце.

- Будем надеяться, что Мишин позвонит вовремя.

- Неожиданный какой человек! Ты все-таки думаешь, что он позвонит сюда с дороги по своему хитрому телефону?

- Димитриус обещал ему подсказать, мы ведь держим с ним связь по зеркалу. Но даже родной Ангел Хранитель не знает, что Мите придет в его буйную голову в следующую минуту. Несколько часов назад, когда Димитриус меня вызывал, Митя почему-то разгуливал по цветочной оранжерее в городе Нарва.

- Может, цветы покупал?

- Это в шесть часов утра?

- Да, непредсказуемый человек. Ну что ж, будем ждать. А ты попробуй пока внушить Аннушке, что отец может сам за ней приехать.

- Сей момент внушу. Конечно, если Митя не позвонит в десять, как обещал, нам лучше будет сразу же вернуться домой.

Долгое время бабушка с внучкой молчали, потом Аня заговорила:

- Бабушка, знаешь, мне почему-то кажется, что папа захочет сам за мной приехать.

- Может быть, детка, очень может быть. Это было бы с его стороны вполне благо разумно.

- А папа благо разумный человек, бабушка?

- Благо разумный. Только не всегда и не очень.

- Мне так хочется его увидеть, узнать, какой он...

- Ты же много раз видела его фотографии в альбоме.

- Он на всех фотографиях или смеется, или улыбается. Он, наверное, очень веселый и добрый, да, бабушка?

- Зла в нем не было, а вот серьезности порой не хватало. Но с тех пор, как появились эти фотографии, прошло почти десять лет. За это время многое могло измениться.

- Я думаю, папа не очень изменился.

- Дал бы Бог...

Они снова замолчали. Стрелки часов почти не двигались и еле-еле доползли до половины десятого.

- Бабушка, а почему папа с мамой развелись?

- По глупости.

- А по чьей глупости - маминой или папиной?

- По обоюдной. Но давай-ка мы с тобой не будем обсуждать их поступки, это все же твои родители.

- Это грех?

- Без сомнения.

- А я думала, что имею право знать, почему мой папа и моя сестра живут отдельно от меня...

Бабушка вздохнула и ничего ей не ответила.

Аня встала и немного походила по залу, подошла к стенду, на котором были выставлены поздравительные открытки, и стала их разглядывать. Открытки были блеклые и скучные: все цветы да бантики. Одна только открытка Ане понравилась: на ней был нарисован Ангел и написано «С днем Ангела!». Аня приподнялась на цыпочки и погладила белые крылья нарисованного Ангела.

Ангел Иоанн в ответ погладил ее по голове.

Аня улыбнулась и пошла дальше вдоль стены, читая скучные объявления. Потом она внимательно осмотрела все пять кабинок для телефонных переговоров, хотя разглядывать там особенно было нечего: в них вообще ничего не было, кроме телефонных аппаратов и небольших полочек на стене.

Ангел Иоанн на всякий случай ходил за ней по пятам – присматривал.

Аня обошла зал, прочла все объявления на стенах, вернулась на скамейку и уютно пристроилась к теплому бабушкиному боку.

Наконец часы показали ровно десять. Аня отодвинулась от бабушки, выпрямилась и даже немножко побледнела.

Пять минут одиннадцатого, десять, половина, а их все еще не вызывают.

- Бабушка! Может, мы дежурной что-нибудь неправильно сказали? Ты покажи еще раз папину телеграмму. Или, хочешь, я сама подойду и спрошу?

- Не стоит досаждать дежурной лишними вопросами, Аннушка. Видишь, какой у нее сумрачный вид? Может, у девушки горе какое...

Горе девушки-дежурной стояло за ее спиной, вцепившись когтями в ее позвоночник и злобно косясь на Ангелов Хранителей.

- Я думаю, - продолжала бабушка, - что все в порядке, просто телефонная линия перегружена.

- Мы еще подождем, а потом все-таки спросим. Ладно, бабушка?

- Хорошо, Аннушка.

Через десять минут бабушка сама подошла к девушке в окошке и спросила, нет ли каких-нибудь технических причин для задержки разговора с Санкт-Петербургом.

- Никаких причин нет и быть не может, - отрезала та. - Связь у нас автоматическая: там наберут номер - мы здесь услышим звонок. А раз звонка нет - значит, никто вас не вызывает. Может, передумали звонить. Есть у вас номер вашего абонента?

- К сожалению, нет.

- Ну, тогда ждите и не отрывайте меня от работы. Вас много, а я одна.

Аннушка удивленно оглянулась по сторонам: в зале никого, кроме них с бабушкой, не было.

И они ждали до одиннадцати часов, потом до половины двенадцатого. А без четверти двенадцать дежурная предупредила их, что в двенадцать главпочтамт закрывается на обед.

Ровно в двенадцать часов бабушка Настя и Аня встали со скамьи, вежливо попрощались с дежурной, которая ничего не ответила, даже не взглянула на них, и отправились домой.

В сопровождении своих Хранителей, разумеется. Ангел Анастасий все время парил над бабушкой, широко распахнув крыла – прикрывал ее от вредной солнечной радиации. Ангел Иоанн шел рядом с Аннушкой и утешал ее:

- Все будет хорошо, дитятко! Папа тебя не забыл, папа любит тебя и спешит к тебе.

Аня слышала Ангельский голос в своем сердце и утешалась.

Когда через час бабушка с внучкой свернули на свою улицу, они увидели, что перед их домом в тени березы стоит большая зеленая машина, а в ней кто-то спит, положив руки и голову на руль.

У калитки стоял Ангел Димитриус, и вид у него был слегка помятый, но довольный.

- Вот и мы, брат Иван! Мы за Аннушкой и за тобой! Благослови!

- Благослови, брат Димитриус! Не ждали мы вас так скоро, не ждали! Знакомься – это Ангел нашей бабушки, Хранитель Анастасий. Ты ведь его забыл, поди?

- Брат Анастасий, благослови! Как же я мог тебя забыть? Я так горевал, когда наша семья распалась, и по тебе скучал сильно – ты у нас в семье как-никак был старшим Хранителем.

- Да, много лет я на земле провел, шесть десятков с лишним. Теперь вот в обратную дорогу собираюсь с Настенькой.

- Знаю, слышал. Что ж вы так рано? Пожили бы еще тут...

- Воля Божья!

Ангелы взлетели в крону старой березы, стоявшей перед домом, и там устроились среди ветвей, как в зеленой беседке, чтобы сверху наблюдать за встречей отца и дочери.

- Интересно, кто это? – спросила Аня, поглядывая на незнакомую машину и ее водителя.

- Не знаю. Какой-то гость: на нашей улице таких машин нет, – ответила бабушка.

Услышав их голоса, человек за рулем поднял голову, поглядел на бабушку с Аней, потом открыл окно машины, высунул в него помятое со сна лицо и сиплым голосом окликнул:

- Анастасия Николаевна?

- Да, это я, – ответила бабушка. Она остановилась и полезла в сумку за очками.

Человек выбрался из машины и остановился возле нее, опираясь на открытую дверцу и внимательно разглядывая Аню.

- Девочка, ты меня не узнаешь? – спросил он.

- Папа? - прошептала Аня и почему-то крепче ухватилась за бабушкину руку.
- Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, - растерянно сказала бабушка, надевшая наконец очки. - Как это вы вдруг тут оказались? Вы же дали телеграмму, что будете звонить...
- Здравствуйте, Анастасия Николаевна, здравствуй и ты, дочка. Ну да, я дал телеграмму, а потом подумал: зачем звонить, когда можно просто самому съездить в Псков за Аней? Подумал и сделал. И не зовите вы меня Дмитрием Сергеевичем - для вас я был, есть и всегда буду просто Митя.
- Как скажете, Митя. Вы что же, вчера выехали из Санкт-Петербурга?
- Точнее, сегодня. Где-то в два часа ночи я отчалил от своего Крестовского острова и уже к половине десятого добрался сюда: хотел перехватить вас у дома, чтобы вы зря не ходили на главпочтамт. Приехал, а вы уже ушли. Ну, я и решил вас тут дожидаться, чтобы нам опять не разойтись.
- Устали за дорогу?
- Смертельно! Ехал без карты и сворачивал почему-то все время не туда. Даже в Эстонию заехал ненароком, в Нарву! Приходилось ночью стучаться в дома и спрашивать дорогу, а потом возвращаться.
- В таком случае надо вас поскорей накормить с дороги и спать уложить.
- Накормить - это хорошо, это правильно. Я голодный как волк. Но только потом. А насчет поспать - вот это уж совсем не получится: у меня завтра с утра важная встреча, которую никак нельзя отменить. Как только Аннушка соберется, так мы сразу и поедem.
- Вы хотите меня прямо вот так забрать с собой? - дрожащим голосом спросила вдруг оробевшая Аня.
- А чего тянуть? Ехать так ехать... Между прочим, Юлька еще не знает, что я за тобой поехал. Вот сюрприз для нее будет!
- И я поеду до самого Санкт-Петербурга с вами на машине?
- Ну да.
- Бабушка, можно?
- А ты готова ехать прямо сегодня?
- Не знаю... Но мне кажется, что если ехать, то лучше сразу, каникулы ведь уже начались. А ты как считаешь, бабушка?
- Экие вы оба торопыги, настоящие Мишины.
- Конечно, мы с дочкой - Мишины. Или Нина поменяла Ане фамилию?
- Не говорите глупостей, Митя, она и сама фамилию не меняла. Аннушка, веди отца в дом - его кормить с дороги надо.
- Не торопитесь, Анастасия Николаевна, я же сказал: это после. Сейчас нам с Аней надо

съездить на кладбище. Отвезешь меня к маме, дочка? Покажешь дорогу?

- Бабушка, можно?

- Конечно, можно и нужно. Езжайте с Богом, а я пока обедом займусь.

Бабушка ушла в дом, а дочь с отцом остались стоять перед калиткой, исподлобья поглядывая друг на друга.

- Ну что, так и будем стоять, в гляделки играть? Давай садись в машину!

Мишин распахнул перед Аней дверцу, и она чинно уселась на переднее сиденье. Он сел на водительское место и вопросительно посмотрел на нее.

- Командуй, дочка. Куда ехать?

- Сначала прямо, до первого большого перекрестка. Только знаете, нехорошо без цветов...

- Я тоже так подумал. Цветы сзади лежат.

Аня поглядела назад. Спинки задних сидений были опущены, и там, занимая сиденья и багажник, лежал какой-то огромный пакет, похожий на свернутую палатку, а цветов никаких не было. Она вздохнула огорченно, но спросить постеснялась.

Ангелы Иоанн и Димитриус полетели вслед за отъехавшим от дома «Мерсе-десом».

Аня в машине заметно растерялась, она не знала, о чем ей говорить с отцом, и поэтому только подсказывала ему дорогу.

Они доехали до набережной реки Великой, и Аня указала рукой на белокаменный монастырь:

- Нам туда, к монастырю, а там уже недалеко.

- Мирожский монастырь, - кивнул Мишин. - Я помню. Открыли его наконец?

- Давно открыли.

Они переехали по мосту через Великую и примерно через двадцать минут остановились у ворот кладбища.

- Нам надо выйти из машины, - сказала Аннушка.

- Зачем? - удивился Мишин.

- Ворота закрыты. Мы можем только в калитку войти. Тут очень сердитый сторож, он никого на машине в ворота не пускает. И на велосипеде нельзя, и даже просто вести его рядом сторож не разрешает. Говорит - не положено. Я свой велосипед всегда оставляю на улице и иду к маме пешком. Он вон в той будочке сидит и за всеми следит в окошко.

- Какой-то чудной у вас сторож. По-моему, ему надо объяснить, что он не прав. Сиди тут и жди.

- Митя! Митя, может, не надо? - закричал, тревожно вися над Мишиным, Ангел Димитриус.

- Да не волнуйся ты, брат, - успокаивал его Ангел Иоанн. - Этот сторож опасен только для

робких и безответных, он ведь душой слабый, умом глупый и даже не совсем живой.

- Это как понять - «не совсем живой»? - От удивления Димитриус остановился в воздухе, затормозив крыльями.

- А вот выйдет - увидишь. Его бесы заживо дожирают, уже совсем почти ничего не осталось. Не бойся, не тронет он твоего Митю, как бы Митя сам его не тронул.

- Да вот этого-то я больше всего и боюсь... Митенька, прошу тебя, не надо, не связывайся ты с ним!

Но Мишин, не внемля своему Ангелу Хранителю, вышел из машины и направился в сторожку. Ровно через две минуты оттуда выбежал сторож и рысцой бросился к воротам.

Ангел Димитриус с ужасом увидел то, о чем говорил Ангел Иоанн: несчастного сторожа захватило и глодало заживо целое полчище мелких бесов. Некоторые, размером не больше крысят, угнездились в самом его сердце и уже прогрызли его во многих местах, а в мозгу копошился целый клубок не то мелких змей, не то крупных зубастых червей. И все они отравляли его кровь, мысли и душу. Ни один врач не нашел бы в нем никакой болезни, кроме разве застарелого алкоголизма, но духовно бедняга заживо разлагался. Он по инерции продолжал двигаться, видел смутно, мыслил туманно, но еще не совсем утратил навыки речи. Прав был Ангел Иоанн - это уже не был вполне живой человек...

Несчастный сторож не любил жизнь, поскольку сам был уже наполовину мертв, потому и устроился работать на кладбище. Слабую жизнь он старался уничтожить или хотя бы придавить, а вот перед сильной - дрожал, пасовал, но и люто ненавидел. Сам ничтожный и гниющий, он, например, невзлюбил мощный трехсотлетний дуб, росший в самом центре кладбища. Спилить его он не посмел - начальства боялся. И тогда он удумал лить под корни дуба разную ядовитую гадость: бензин, хлорку, кислоту, мазут, ацетон - и делал это до тех пор, пока дуб-патриарх не засох на корню. А цветы на могилах он просто вытапывал. Такой вот служил на этом кладбище сторож...

Но в Мишине было нечто такое, что заставило сторожа испугаться, а бесов - затаиться. Пожалуй, правильно будет назвать это доброй жизненной силой.

Да, сторож явно спасовал. Когда Мишин снова уселся за руль, ворота перед ним уже были широко и гостеприимно распахнуты.

- Езжайте прямо к могилке, там широкая дорожка. А лопаточку и леечку я вам прямо на место доставлю! - приговаривал сторож, суетливо запирая за ними ворота.

Отец с дочерью двинулись в глубину тенистого старого кладбища.

- Здесь, - сказала Аня, когда они проехали мимо сухого дуба. Мишин остановился, и они вместе вышли из машины и подошли к оградке, где были могилы Аниных мамы и дедушки. Аня открыла калитку, отогнув гвоздик, служивший запором, и пропустила отца вперед. Оба креста были большие, дубовые, с кровельками и с иконками вместо фотографий: такие кресты знающие люди называют «голубцами». Мишин сразу подошел к маминой могиле, сплошь поросшей белыми маргаритками, обнял рукой крест, прислонил к нему голову и вдруг громко заплакал, приговаривая:

- Ах, Нинка моя, Нинка... Что ж это ты такое сотворила? Как же это ты так - насовсем, а?

Вот этого Аня никак не ожидала! Она постояла-постояла, а потом подошла к отцу, подлезла под его руку, прислонилась к нему и тоже заплакала, громче отца.

- Папочка! Мой папочка! - твердила она, глотая слезы. - Не плачь, пожалуйста!

Она плакала, уткнувшись в папину рубашку, от которой не слишком хорошо пахло. Отец подхватил ее на руки и стал целовать, в свою очередь, уговаривая не плакать, и она тоже целовала его в колючие щеки и гладила по голове как маленького.

- Вот теперь я вижу, что ты мой настоящий папа, - сказала она, когда они оба наплакались и отец опустил ее на землю.

Ангелы стояли на крыше большого старинного купеческого мавзолея, никем не замечаемые и очень взволнованные.

- Вот ради таких минут на земле и стоило покидать Рай, - заметил Иоанн, вытирая слезы рукавом стихаря.

- Истину глаголешь, брат, сущую истину: взирать, как отец и дочь обретают друг друга после долгой разлуки - сие есть счастье... А вот погоди, что еще-то будет! Сейчас ты увидишь, какие Митя привез цветы на могилку своей покойной, давно разведенной жены. И ты, брат, поймешь, какое это золотое сердце!

- А где они, в машине? - Иоанн сосредоточился, чтобы увидеть, что за цветы находятся внутри машины, но Димитриус его остановил:

- Погоди, раньше времени взглядом не проникай! Вот Митя их достанет, развернет, - тогда и увидишь их во всей красе. Хороший он у меня, умный, добрый. Дурной только.

- Да нет, он вполне ничего себе, - успокоил его Иоанн, - мне нравится.

- Вот я вам лопатку принес... и воду... две лейки. Не хватит - еще принесу, - раздался сиплый голос кладбищенского сторожа, сопровождаемый звяканьем лопаты о лейку.

- Спасибо, приятель. Можешь пока быть свободен.

Сторож еще постоял, глядя на Мишина с какой-то смутной и кривой улыбкой. Он трусил и старался выказать радушие и приветливость, которые даже и не шли ему. Аня, взглянув на сторожа, немного испугалась. Когда сторож удалился своей странной, какой-то блуждающей походкой, она спросила:

- Ой, папочка, что же ты такое с ним сделал? Ты, наверно, дал ему денег, и он поэтому стал такой?

- Не давал я ему никаких денег. Я просто объяснил ему в двух словах, что не надо лишний раз огорчать посетителей кладбища - они и так огорчены по самое некуда. Ну, а он меня правильно понял, вот и все. Не понимаю, почему раньше никто не догадался просто поговорить с ним? Ладно, пошли за цветами для мамы.

Мишин подошел к «Мерседесу», открыл багажник и осторожно вытащил огромный пакет, про который Аня подумала, что это свернутая палатка. Он развернул матовую пленку и извлек из нее огромный пластиковый горшок с каким-то растением, обернутым плотной бумагой и обмотанным бечевкой. Мишин внес горшок в ограду, поставил его между могилками, достал из

кармана перочинный нож и освободил растение от веревок и бумаги. Это оказался большой куст сирени, весь усыпанный тяжелыми белыми гроздьями.

- Ой, папочка, какая красота! Белая сирень, любимые мамины цветы!

- А то я не помню!

- Лепота, одно слово, лепота! И когда ж он успел, Димитриус? Ты говорил, он пьяный в два часа ночи выехал, а в девять он уже возле Аниного дома стоял.

- Он у меня все успевает, когда хочет. Бабушка ваша правильно сказала - торопыга. К сожалению, скор он как на доброе, так и на дурное. Сторожа вон как напугал...

- Уж за это с него точно не спросится! Этот сторож тут на горе людском наживается да еще своей грубостью страждущие сердца ранит. Душа у него холодная, аки камень надгробный: живой мертвец на кладбище работает! Аннушке моей из-за него сколько раз плакать доводилось. Он даже бабушку Настю, бессовестный человек, как-то до слез огорчил. А ты ведь знаешь, что нет на земле ничего горше, чем слезы стариков...

- Вестимо!

- Решай, дочка, куда посадим мамину сирень - на могилку или в углу ограды? - спросил Мишин.

- А ты как думаешь, папа?

- Я бы посадил вон там, на свободном месте. И вот что я тебе скажу, дочка: место это пусть для меня останется. Когда я умру, ты распорядись сирень эту выкопать, а меня - закопать. Хочу рядом с Ниночкой лежать.

- Папа! - Голос Ани звучал одновременно жалобно и сердито. - Ты не смей так говорить! Я тебя первый день вижу, а ты уже помирать собираешься! Ты думаешь, это хорошо с твоей стороны - так говорить? Мама ведь тебя слышит! Ты ей лучше пообещай прямо здесь и сейчас, что не умрешь, пока нас с Юлей не вырастишь, и нас, и наших детей. Ты разве не хочешь своих внуков увидеть?

Мишин во все глаза глядел на дочь.

- Анна! Да ты в кого такая мудрая?

- В бабушку. Знаешь, какая она умная? К ней со всей нашей улицы люди советоваться ходят.

- Я знаю, Аня, какой мудрый и добрый человек Анастасия Николаевна, и очень ее уважаю, дочка. Если бы мы с мамой в свое время ее послушались, мы бы не расстались так по-глупому.

- Вот и жаль, что не послушались! Кстати, папочка, это место уже занято, его давно себе бабушка присмотрела. Ты ведь не станешь со своей уважаемой тещей спорить из-за места на кладбище?

- Нет, не стану! Ладно, раз уж помирать мне разрешат еще не скоро, так нечего об этом разговоры разговаривать. Скажи лучше, куда мы этот куст сажать будем? Если это место бабушка для себя выбрала, то, может, сирень надо в другом углу посадить?

- Нет, все-таки посадим тут, на бабушкином месте.

- А бабушка что скажет?
- А бабушка увидит, что место занято, и тоже перестанет о смерти думать. У нее в последнее время мысли завелись какие-то нехорошие... Я замечаю, как она молится, когда дьякон в церкви читает прошение о «кончине христианской, мирной и безболезненной».
- Анна, а ты что, тоже богомолка, как бабушка и как мама была?
- А тебе это не нравится?
- Да нет, почему «не нравится»?... Если в меру, то это для девочки очень даже неплохо. Лично я в религии особого вреда не вижу. Но думаю, наша Юлька тебя живо из церкви в дискотеку переманит.
- Слышишь, слышишь? Ох, кажется, началось, - встревожился Иоанн.
- Да нет, это он так... Смотри, Аннушка на эти слова только усмехнулась. Юльке с сестрой не справиться, Аннушка твоя духом посильней будет.
- Ты думаешь?
- Уверен!
- Папа, а если наоборот, если это я уведу Юлю из дискотеки в церковь, ты возражать не будешь?
- Не буду, не буду, - улыбнулся Мишин, - ходите куда хотите, только дружите и любите друг дружку.
- Ну, что я тебе говорил? - спросил довольный Дмитриус. - Ох, я от твоей Аннушки просто без ума!
- Ты так радуешься, брат, будто это твоя девочка.
- Да как же ты не понимаешь, брат Иван, что это я как раз за нашу девочку и радуюсь, - ответил Дмитриус. - Такая чудесная сестричка к ней едет!
- Ладно, работать так работать, - сказал Мишин и, взяв лопату, принялся выкапывать яму для посадки сирени.
- А мне что делать, папа? - спросила Аня.
- Пока ничего. Вот сажать станем, ты будешь сирень держать, чтобы она ровно стояла.
- Тогда я пока цветы прополю, ладно?
- Хорошо, дочка.

Аня присела над маминым могильным холмиком и начала вытаскивать пробивающиеся между маргаритками сорняки, что-то шепотом при этом приговаривая. Молилась, наверно.

Через час с лишним отец и дочь Мишины вернулись к бабушке. Она уже начала беспокоиться и поджидала их на крыльце.

- Бабушка, ты завтра обязательно съезди к маме - увидишь, какие папочка ей цветы подарил!
  - Какие же?
  - Папа, ни слова, пожалуйста! Это, бабушка, наш большой-большой секрет! Вот такой высоты, вот такой ширины!
  - Так. Я смотрю, вы уже подружились, - довольно и только самую чуточку ревниво проговорила бабушка.
  - Конечно, подружились! - сказала Аня.
  - А как же! - подтвердил Мишин.
  - Ну и слава Богу, - сказала бабушка Настя.
  - Слава Богу! - повторили Ангелы, наблюдая за ними с верхних ветвей старой березы.
  - Мне бы умыться не мешало с дороги, - сказал Мишин, показывая бабушке запачканные землей и плохо отмытые в лейке руки.
  - Аннушка, веди отца в дом и покажи ему, где умыться. Прошу, гость дорогой!
  - Идем и мы, - сказал Иоанн.
  - Как - прямо в дом? - удивился Димитриус.
  - А чего ж нам на березах качаться, если наши подопечные в дом пошли? - удивился, в свою очередь, Иоанн. - Прошу пожаловать, гость дорогой.
- Войдя в дом, Ангелы увидели Хранителя Анастасия, стоящего у стены рядом с большим киотом, полным икон, и встали рядом с ним.
- Пока Мишин умывался, бабушка собрала на стол скромный обед: грибной рассольник без мяса и без сметаны, гречневую кашу с постным маслом и на третье - блинчики с вареньем. К ним она предложила чай.
- За чаем бабушка сказала, задумчиво глядя на бывшего зятя:
- А вы мало изменились, но очень постарели, Митя.
  - Жизнь крутая, Анастасия Николаевна. Я ведь бизнесмен.
  - Папа, а что значит «бизнесмен»? - спросила Аня, глаз не сводившая с отца. - Я не очень хорошо понимаю, чем занимаются бизнесмены.
  - Что такое «купец», знаешь?
  - Конечно. «Жил-был купец, и было у него три дочери».
  - Точно. Сказка про аленький цветочек. Вот бизнесмен это и есть купец. А сказка у нас теперь будет такая: «Живет-бывает купец и будут у него две дочери, Анна и Юлия».
  - Папочка, а ты смешной!

- Аннушка! - тихо, но строго сказала бабушка.

- Я хотела сказать - веселый. Папа, а ты меня сразу узнал потому, что я очень похожа на Юлю?

И тут Дмитрию Мишину удалось сказать те самые слова, которые были Ане дороже всех других его ласковых слов:

- Нет, дочка, совсем не потому, хотя у вас с Юлькой, можно сказать, одно лицо на двоих. Но характером вы совсем разные. Я как глянул на тебя, так и ахнул - маленькая Нина! У тебя все движения мамины, взгляд мамин, походка мамина. Да это понятно, ты ведь рядом с ней жила все эти десять лет.

Аннушка подошла к отцу и положила свою голову ему на плечо, как жеребенок. Мишин погладил ее по волосам и поцеловал в макушку.

- А Юлька в меня пошла и характером, и повадкой. Вот она обрадуется, когда я ей привезу сестричку!

- Папа, а почему ты ее зовешь Юлькой, а не Юлей или Юленькой? Меня никто Анькой никогда не зовет, даже хулиган Виктор из шестого «А».

- Тебя Анькой назвать ни у кого просто язык не повернется. А Юлька - она Юлька и есть, ее по-другому не назовешь. А вот тебя мне хочется называть не Аней или Анной, а как бабушка Настя - Аннушкой. Можно?

- Можно.

Потом она тихо спросила:

- Папа, а ты разрешишь мне иногда звонить бабушке по телефону?

- Да звони хоть каждый день!

- Каждый день не получится: бабушке тяжело ездить на главпочтамт.

- На главпочтамт? Ах да... Какой же я рассеянный! Анастасия Николаевна, вы мобильником умеете пользоваться?

- Нет, конечно.

- Жаль, а то бы я вам свой оставил. А где у вас тут телефонная станция, вы не знаете?

- Понятия не имею. А что это вы задумали, Митя?

- Да надо бы вам телефончик поставить, чтобы вы с Аннушкой друг по дружке не очень скучали.

- Ну, это длинная история, мне не дожидаться, пока очередь подойдет.

- Почему это не дожидаться, бабушка? - с подозрением спросила Аня.

- Да потому, что пока подойдет очередь, не только каникулы кончатся, но и вы с сестрой школу окончите.

- А, ты вот о чем... Папа, а у тебя случайно нет с собой Юлиной фотографии?

- Конечно, есть. Хочешь взглянуть?

- Очень хочу.

Мишин полез в карман своего бордового пиджака, висевшего на спинке стула, и достал толстый бумажник, а из него - пластиковый футляр с фотографией. Он протянул его Ане:

- Вот, полюбуйся на свою копию. Это и есть наша с тобой Юлька.

Аня взяла пластиковый прямоугольник и стала пристально разглядывать лицо девочки на фотографии.

- Папа, но она же совсем на меня не похожа! У нее волосы рыжие, брови и ресницы черные, а у меня все это - светлое. Вот, разве ты не видишь? - И она подняла к нему свое лицо.

Мишин засмеялся и поцеловал ее в нос.

- У Юльки точно такие же, как у тебя, и брови, и ресницы, и волосы, только все это у нее перекрашено черт знает в какой цвет.

- Еще бы ему не знать, когда он сам ей подсказывает! - сказал Димитриус.

- Ты о ком? - удивился Иоанн.

- Да о черте, которого помянул Ми-тя, - о бесенке по имени Прыгун. Это он Юльку учит краситься. Он и Жанна.

Услышав из уст зятя слово «черт», бабушка Настя чуть нахмурилась и вздохнула. Тот ничего не заметил и продолжал:

- Юлька все время что-нибудь со своим лицом вытворяет. Это она Жанне подражает. Кстати, переверни-ка Юлькину фотографию.

Аня перевернула пластиковый футляр: с другой его стороны была фотография очень красивой черноволосой и зеленоглазой женщины.

- Кто это, папа?

- А эта красавица - Жанна. Если вы с Юлькой согласитесь, она станет вашей новой мамой.

- Мачехой? - спросила Аня, сдвинув брови. - Папа, я не...

- Аннушка! - предостерегающе сказала бабушка, и девочка послушно замолчала.

- Ну, не будем забегать вперед, - сказал Мишин, собираясь спрятать футляр с фотографиями обратно в бумажник.

- Митя! Я бы тоже хотела взглянуть на вашу избранницу, а уж на Юлю - тем более.

- Ох, простите, Анастасия Николаевна, я не подумал!

- Не успели подумать, - улыбнулась бабушка и стала разглядывать фотографии.

- Да, в самом деле, одно лицо с Аннушкой, хоть и выкрашены волосы. Взгляд только совсем другой: сразу видно, Митя, что балуете вы ее беспощадно.

- А как же!

- Ну, а это, значит, и есть Жанна? Да, эффектная женщина.

Аня, конечно, заметила, что слово «эффектная» в устах бабушки прозвучало совсем не одобрительно. Она поежилась, а потом подумала: «Ладно, с папой рядом я никого бояться не буду...».

- И правильно, - одобрил ее мысли Ангел Димитриус, - папа дочку в обиду не даст!

- Не знаю, как там папа, но уж я точно буду на страже: мне эта Жанна совсем не нравится, - сказал Ангел Иоанн. - Брат Димитриус, а не пора ли нам собираться? Иначе и к утру до Петербурга не доберемся.

- Да, пора, - согласился Димитриус. - Хотя, честно говоря, не хочется улетать отсюда. Как же хорошо, легко и спокойно в вашем доме, братие!

- Спасибо на добром слове, - улыбнулся Анастасий. - Дом и вправду светлый, теплый, промоленный, жить бы в нем да жить. Но к Рождеству мы с Настенькой его покинем.

- Ты рад, брат Анастасий, что у вас уже так скоро Переход? - спросил Димитриус.

- Как вам сказать, братие? Конечно, к Переходу моя Анастасия готова. Жизнь она прожила в Боге и как Бог велел. И болезнь свою последнюю она приняла как посланную Богом, боли и смерти не страшится, кается в грехах и молится о кончине мирной, христианской, безболезненной по возможности. Ну, а мне, братцы мои, конечно же, хочется поскорей увидеть, как моя Настенька - легкая, молодая, красивая - побежит по райской дорожке навстречу своему Володечке, как обнимет Ниночку, доченьку свою ненаглядную, встретит молодых своих родителей. Сами знаете, какая радость, когда вся семья пребывает в Раю неразлучно. Но и Аннушку оставлять здесь одну боязно. Повременить бы нам с Настенькой, пожить бы еще лет семь, чтобы внучку вырастить, да ведь не наша воля... Вся на тебя надежда, Иван! Крепко верим мы с Настенькой, что ты Аннушку без нас сбережешь в чистоте и вере и в обиду не дашь никому.

- На то и Хранители мы, - степенно ответил Ангел Иоанн. - За Аннушку будь спокоен, брат Анастасий. Так что, братие, поторопим отца с дочерью?

- А как ты их поторопишь? - любопытствовал Димитриус.

- Да очень просто. Вот так!

Ангел Иоанн подошел к Ане, наклонился к ней и негромко сказал:

- Аннушка, детка, а не пора ли тебе собирать вещи в дорогу?

Аня вдруг задумалась, оставив чашку с недопитым чаем.

- О чем задумалась, дочка? - спросил Мишин.

- Я думаю, папа, что мне пора идти собирать вещи в дорогу.

- Это ты правильно решила. Нам с тобой еще на телефонную станцию заехать надо. Хотя предполагаю, что это займет не так много времени, как думает бабушка.

Мишин вдруг озорно подмигнул Ане, и Аня ответила ему улыбкой: она уже поняла, что папа придет на телефонную станцию и объяснит там кому надо, что бабушке Насте срочно необходим телефон. А все эти важные люди, от которых зависит установка телефонов, сразу же папу поймут правильно и все сделают как надо.

- Иди, собирайся, дочка. Возьми самое необходимое, а остальное купим в Петербурге. Документы, главное, не забудь, свидетельство о рождении возьми - вдруг понадобится для визы.

- Для какой такой визы, Митя, могут вдруг понадобиться Аннушкины документы? - спросила бабушка, когда Аня ушла в свою комнатку.

- Для заграничной, разумеется: европейской или там американской. Мало ли куда наши девочки захотят прокатиться на каникулах.

- Митя! Об этом у нас с вами разговора не было, чтобы Аннушке по заграницам ездить! - заволновалась бабушка.

- Да разве нам с вами надо каждую мелочь обговаривать, Анастасия Николаевна? - удивился Мишин. - Вы что, не доверяете мне?

- Ох, Митя... - только и сказала бабушка.

- За границу - не пушу, - решительно сказал Ангел Иоанн. - И не вздумай нас туда звать, брат Димитриус!

- А кто туда рвется-то? - спросил Димитриус. - Это Юлька с Жанной любят путешествовать по разным странам, а мне там одна маета. Не везде даже церкви православные есть: бывает, что залетному Ангелу и передохнуть негде. Это наша Жанна без заграничных поездок жить не может.

- Ох уж эта ваша Жанна!

- Пока дочка собирается, - сказал Мишин, - я схожу к машине за своей мыльницей.

- Зачем вам мыльница, Митя? - удивилась бабушка.

- Да это я про фотоаппарат. Он у меня обычно где-то в машине на всякий случай валяется. Эх, жаль я не вспомнил про него, когда мы с дочкой у Ниночки были!

Фотоаппарат в машине нашелся, и Мишин сделал несколько снимков бабушки, а потом бабушки и внучки, а потом попросил бабушку снять их с дочерью.

- Я вам его оставляю, - сказал он, протягивая бабушке фотоаппарат, - а вы, когда пойдете к Нине, сделайте для меня несколько снимков и, если можно, пришлите мне по почте.

- Ох, да я боюсь сломать такую дорогую вещь, Митя.

- Ерунда! Я вам его дарю, так что ломайте на здоровье.

- Ну, я попробую, - сказала бабушка, разглядывая маленький пластиковый фотоаппаратик. -

Когда-то я даже увлекалась фотографией, но теперь наверняка все позабыла. Получится ли у меня?...

- Получится, получится, Анастасия Николаевна, тут всего одна кнопка! Это же фотоаппарат для чайников!

- Спасибо, Митенька, - усмехнулась бабушка.

Аня тихонько фыркнула: ну до чего же ей нравился ее папа!

Глава 3

Пока Дмитрий Мишин в Пскове заново знакомился со своей дочерью Аннушкой, в его особняке на Крестовском острове в Санкт-Петербурге творились странные вещи, и он бы очень удивился, если бы вдруг узнал о них.

В черно-зелено-оранжевом будуаре, благоухающем индийскими куреньями и французскими духами, перед компьютером сидела в черном сафьяновом кресле красавица-ведьма Жанна. На экране монитора плавали изображения орков, взятые из кинофильма «Властелин колец». Жанна покрыла ногти черным лаком и теперь выводила на них тонкой кисточкой сложные золотые иероглифы, сверяясь с таблицей в лежащей рядом книге.

- Жан, ты где? - негромко позвала она.

Орки на экране сгнули, и вместо них появилась черная морда в складках и бородавках. Низким скрипучим голосом бес-ящер произнес:

- Я здесь, Жанна.

- Ты узнал, что с Мишиным?

- Пока нет.

- Неужели он и вправду поехал в Псков?

- Не знаю, Жанна.

- Что ты вообще знаешь, урод? Вчера ты не мог найти мою бриллиантовую сережку, сегодня не можешь разыскать моего Мишина. Смотри, как бы я не завязала отношения с каким-нибудь другим духом!

- Не советую, дорогая, - пожалеешь.

- Обычно ты находишь его по первому моему слову, почему же сегодня никак не можешь вычислить?

- Сам не пойму, Жанна. Я пытался, но какие-то помехи не дают мне его нащупать. Такое впечатление, ты просто не поверишь, будто наш Митя прикрыт Ангельскими крыльями.

- Скажешь тоже! Мишинский Ангел Хранитель близко к нему не подходит, я за этим слежу.

- За Митей уследишь, как же! А за Ангелом тем более...

- Я вот знаешь о чем подумала, Жан? А жив ли Митенька-то наш? Выехал он от Гуляровских совсем пьяный, мог и в аварию попасть, - задумчиво проговорила Жанна, разглядывая разрисованные ногти. - Лежит, бедняжка, в каком-нибудь провинциальном морге, раздетый и без бумажника...

- Отчего же раздетый, если он разбился в автокатастрофе, и почему без бумажника?

- Да потому, что его уже раздели и обобрали, дурачок, - ответила Жанна, начав обрабатывать вторую руку.

- Кто его раздел и обобрал, Жанна?

- Либо те, кто с ним ехал в одной машине, он ведь любит попутчиков подбирать, - Жанна нанесла значок на широкий черный ноготь большого пальца, похожий на заостренную лопатку, - либо тот, с кем он столкнулся, - она нарисовала иероглиф на длинном черном когте указательного, - или те, кто мимо проезжал..., или милиция..., или служители морга... Нет, мизинец не получился, придется стереть и начертить заново. И как нарочно, самый важный знак - знак власти в семье! Тьфу, черт!

- Да, хозяйка?

- Я не тебе, я к слову.

- А, ну-ну... Да, жаль, если Мишин разбился в автокатастрофе. Его кончина была бы весьма преждевременной: брак еще не оформлен, завещание на твоё имя не написано, даже страховочки на какой-нибудь миллиончик, и той нет.

- Напомнил, идиот! Иди ты к дьяволу!

- Охотно, ибо ты сегодня в раздражении. Что прикажешь передать боссу?

- Ничего никому не надо передавать.

- В таком случае зачем ты посылаешь меня к Хозяину? Я давно не был в аду, на исторической, так сказать, родине, я бы с удовольствием провалился на денек-другой.

- Да нет, это я опять к слову. Просто ты мне надоел сегодня. Сгинь и не показывайся, пока я тебя не позову.

На экране снова завозились поганые орки, а Жанна встала и начала нервно расхаживать по комнате. Потом опять громко позвала:

- Жан!

- Я здесь, - раздался тот же скрипучий бас, и на диване напротив Жанны оказался ящер с экрана, но теперь стало видно, какой он огромный, а еще от него несло чем-то едким и удушливым: сочетание запаха Жана с индийскими палочками и парижскими духами давало смрад фантастический.

Но Жанна ничего этого не замечала и продолжала заниматься ногтями.

- Ты зачем проявился в натуре? Хочешь, чтобы Юлька тебя увидела? - спросила она небрежно.

- Выполняю приказ. Было велено сгинуть и не появляться, пока не позовешь. Ты позвала - вот

я и проявился

- Подумайте, какой буквоед выискался! Выпендриваешься, Жанчик.

- Да, а что? Но я могу скрыться и продолжить наш содержательный диалог с экрана. А Юлька меня так и так не увидит, ей это пока не дано.

- Ладно, сиди уж, я знаю, как ты любишь проявляться.

- Кстати, о Юльке. Ты не думаешь, что пора бы серьезно взяться за ее обучение?

- Еще не время. И вообще я еще не решила, как мне с ней поступить: то ли взяться за ее воспитание по-настоящему и сделать своей помощницей, то ли совсем убрать... Но довольно о ней. Послушай, Жан, я вот что подумала: почему бы тебе самому не слетать в Псков и не разузнать все на месте?

- С большим удовольствием слетаю. Где адрес?

- Тьфу, дьявол!

- Спасибо за комплимент, но я пока не дьявол, а бес.

- Ты мне зубы не заговаривай, ящерица раздутая! Адрес остался на письме, которое ты должен был перехватить и не сумел. Сколько раз я просила тебя все Митины личные письма доставлять сначала ко мне на просмотр!

- А что ты будешь делать, если Мишин тебя за руку поймает, когда ты его письма читаешь?

- Как-нибудь выкручусь

- Слезупустишь и скажешь: «Прости, Митенька! Бес попутал!».

- Так и скажу, - улыбнулась Жанна.

- Вот то-то и оно! О, женщины, женщины... Интригуете, грешите, чужие письма читаете, а виноваты почему-то оказываемся всегда мы, бесы. Нет правды на земле, но учти, Жанна, что правды нет и ниже!

- Помолчал бы ты, философ!

- Могу.

Жан протянул лапу на другой конец комнаты - она при этом вытянулась, утончилась и стала не толще карандаша, взял с туалетного столика пилочку для ногтей и стал подпиливать ею свои когти. Минут пять оба занимались своими конечностями молча и сосредоточенно.

Потом Жанна вновь сама нарушила молчание:

- Жан, как ты думаешь, а если поискать в старых бумагах Мишина - не найдется ли там псковский адрес?

- Можно, конечно. Только я этим заниматься не стану, уволь. Как раз для подобных мелких поручений у тебя, Жанна, теперь будет особый слуга - домовый Михрютка.

- Разве в этом доме есть домовой?
- Раньше не было, а теперь есть.
- Откуда он взялся?
- Кактус его к нам откомандировал. Позвать?
- Позови, конечно, пока никого нет.
- Михрютка! А ну, покажись!

В ту же секунду заскрипела и отворилась решетка вентиляционного отверстия под потолком, и оттуда на пол свалился пыльный Михрютка. На такой небольшой высоте он не успел расправить крылья и довольно сильно ушибся, едва не переломав свои членистые лапы.

- Дурак, - равнодушно сказал Жан, - сначала надо было на пол опуститься, а уж потом проявляться на материальном уровне.

- Теснота тут у вас, не привык я после собора-то...

- А ты привыкай. Познакомься, Михрютка, со своей хозяйкой.

- Ой, какой хорошенький паучок с кошачьей мордочкой! Вот почему бы тебе, Жанчик, не устроить себе такую же милую мордашку? Смотри, как он забавно кривляется!

- Мне больше нравится сохранять непроницаемое выражение, когда я появляюсь перед людьми. А что может быть непроницаемое морды ящера?

- Морда динозавра, я думаю.

- Гм, благодарю, хозяйюшка. Я этот вариант обдумаю на досуге.

- Так тебя Михрюткой зовут? - обратилась Жанна к домовому.

- Михрютка, мелкий бес, специализация - домовый, - представился тот.

- И чем же ты собираешься заниматься в этом доме?

- В основном мелкими пакостями.

- Но-но! Ты у меня смотри, осьминогая табуретка!

- Обижаешь, хозяйка! Пакостить я буду другим и только по твоему указанию. Для тебя я могу находить пропавшие вещи, беречь твоё золото и деньги, предупреждать о грозящей опасности и даже делать небольшие и не слишком дальние по времени предсказания. А ещё я очень люблю выслеживать, вынюхивать, подслушивать и доносить. Хобби у меня такое.

- Очень симпатичное хобби. Я беру тебя на службу, Михрютка Запечный. А чем тебе платить? Я слышала, что домовым варят кашу и ставят под печь, устраивают им лежбище в лапте или за старым веником. Это можно устроить: у нас есть камин в гостиной, лапти я могу купить в магазине сувениров, а веник поищу на рынке.

- Нет, хозяйюшка, - чуть смутился новый домовый. - Все это - каша, лапти, печки, веники, - это,

как бы сказать, – предрассудки. Я, как и все мои коллеги, работаю исключительно в кредит.

- Кредит – до смертного часа?

- Как обычно.

- Ну, для меня это проще, чем возиться с кашей и лаптями, я этих договоров уже столько подписала... Жан, ты сегодня увидишься с Кактусом?

- Вполне возможно.

- Поблагодари его от меня за Михрютку.

- Охотно. Но прошу заметить, идею направить Михрютку к нам в домовые подал ему я в связи с угрозой появления в нашем богопротивном доме богомольной девицы Анны Мишиной. Михрютка долгие годы жил в Исаакиевском соборе и считается специалистом по религиозным проблемам.

- Так этот колченогий паучишка еще и специалист по проблемам религии? Ишь ты, какой проказник. – Жанна протянула руку, чтобы погладить Михрютку.

- Осторожно, Жанна, – предупредил Жан, – когти у него ядовитые.

- Он правду говорит, хозяйка. Я могу цапнуть совершенно машинально, – с некоторой долей смущения признался Михрютка.

- Спасибо, что предупредил. А яд – смертельный?

- Нет. Царапина, нарыв – и через неделю все заживет.

- Жаль. Был бы смертельный – можно было бы с пользой для дела употребить.

- Ну, если в еду наплевать, то можно и со смертельным исходом...

- Жанна! Прежде чем угробить Мишина, позаботься о законном браке и завещании! Не хватало нам с тобой опять в какой-нибудь двух или трехкомнатной трущобе оказаться: мы только-только так уютненько устроились. Вспомни, сколько тебе лет!

- Двадцать семь.

- Из них тридцать пять мы с тобой неразлучны. И в который раз повторяется одно и то же: вместо того, чтобы сотворить одно большое запланированное зло, ты отвлекаешься на бесчисленные мелкие женские злодеяния. Ты же собиралась, помнится, сначала выйти замуж за Мишина, потом овдоветь и открыть на мишинские капиталы колдовской лицей для девочек. Юлька по этому плану должна стать твоей первой ученицей – для рекламы и чтобы не делить наследство. А теперь ты совершенно непоследовательно хочешь ее отравить! Так ведь и проиграть можно, Жанна.

- Жанчик, кончай меня воспитывать! Я вовсе не отказываюсь от наших планов, я просто хочу их немного подкорректировать... О, вот она, легка на помине. Ребятки, все! Кончаем посиделки! Юлька из бассейна вернулась. Можете оставаться, но только придется вам дематериализоваться.

- Сидеть тут и слушать, как вы обсуждаете духи и помаду? Уволь, Жанна. Мы с Михрюткой

лучше спустимся вниз: там наши ребята с охраной в карты играют.

- Что-о? Бесы являются охранникам в своем виде, чтобы в картишки с ними перекинуться?

- Ну что ты, Жанна! Эти охранники - простые парни, куда им бесов лицезреть! Это ребята наши так развлекаются: каждый выбирает себе охранника, садится ему на шею и подсказывает карточные ходы. Иногда такая крутая игра идет, что казино не надо!

- Ах, вон оно как! Забавно. Надо будет как-нибудь к вашей игре присоединиться. Ладно, друзья, брысь отсюда: я слышу, Юлька уже поднимается.

Жан с Михрюткой послушно растворились в воздухе.

В ту же минуту в комнату без стука влетела рыжеволосая девочка-подросток в шортиках и маечке. Это была Юлия Мишина собственной персоной.

За ней резво прыгал зеленый бесенок с длинными ногами коленками назад. Спереди был похож на кузнечика-переростка с глупой круглой головой и двумя тонкими длинными рогами, а позади имел скорпионий хвост, свернутый крючком.

- Жанна, привет! - крикнула с порога девчонка. - А чем это у тебя тут так странно пахнет?

- Индийскими курительными палочками.

- А по-моему, чем-то таким, как на лабораторных занятиях по химии...

- Серой, что ли?

- Я не знаю, как пахнет сера, но пахнет противно. Можно с тобой посидеть?

- Конечно, зайка.

- Фу, как я устала! - сказала Юлька, заваливаясь на диван, где только что до нее сидел Жан. - И замерзла!

- Зачем же ты так долго плавала в бассейне, что даже устала и замерзла? - спросила Жанна и добавила раздумчиво: - У тебя могли начаться судороги в ногах. Так и утонуть недолго.

- Да мы плавали-то всего полчаса! Это мы в кафешке потом долго оттягивались. Сидели в одних купальниках, ели мороженое и пили сок, а все мальчишки на нас смотрели.

- Уверена, что так оно и было.

- У тебя новая помада?

- Угу, - сказала Жанна, подкрашивая губы почти черной помадой.

- Жанна, дай попробовать твою помаду!

- Не дам.

- Почему-у?

- Потому что это негигиенично и неприлично - красить губы чужой помадой. Не забывай,

Юленька, что я почти твоя мачеха и должна тебя воспитывать, учить хорошим манерам.

- Ну...

- Поэтому свою помаду я тебе не дам. Но если тебе, как я и предвидела, тоже нравится этот цвет, можешь накрасить губы своей собственной. Я же знаю, какая ты маленькая обезьянка, и поэтому помаду купила в двух экземплярах. Лови! - И Жанна кинула помаду Юльке, а та ее поймала с восторженным визгом.

- Жанна, ты не мачеха, ты - чудо! Вот пусть только папка попробует на тебе не жениться!

- Я думаю, на пару с тобой мы уж как-нибудь его уломаем.

- Конечно, уломаем! Слушай, Жанна, но чем это все-таки у тебя так воняет? Особенно тут, на диване. Ты что, какой-нибудь химией пятно с дивана сводила?

- Да нет... Ах, да, вспомнила! Утром я пролила на диван лекарство от бессонницы. Пересядь в кресло.

- Да ладно, я все равно к себе сейчас пойду: мне надо еще Гуле позвонить и рассказать, как мы в бассейн ходили. Гулю бабушка сегодня с нами не пустила, заставила математикой заниматься. Нужна ей эта математика! Сидит, бедняжка, зарывшись в книжки, и шоколадом с тоски объедается. Бассейн при ее полноте гораздо полезней учебников, правда?

- Правда. В вашем возрасте я не забивала учебниками голову, а носила их на голове.

- На голове? Учебники? А, понимаю - ты усваивала знания нетрадиционным способом! Ты уже в школе была продвинутая, да, Жанна?

- Вовсе нет! - засмеялась Жанна. - Я носила по два-три учебника на голове, чтобы выработать правильную осанку. Потом перешла на энциклопедию, по пять томов на голове научилась держать.

- Так вот почему у тебя такая длинная и стройная шея! Надо будет и мне попробовать. Оказывается, и от толстых книг может быть польза! Жанна, а завтра ты отпустишь меня снова в бассейн?

- Конечно, детка! Только постарайся не все время в кафе сидеть, но заодно и поплавать. Это полезно для здоровья и для фигуры.

- Для моей фигуры полезно плавать не в бассейне, а в океане. Слушай, Жанна, давай уговорим папку отпустить нас на недельку на Канарки, а? Будем выходить в океан на пиратском бриге для туристов или купим путевку на ловлю акул, а по вечерам станем гулять по набережной - красивая молодая мама с красивой дочкой. И все-все будут на нас смотреть! А может, и не на Канарские острова? Ну их - надоели! Можно отправиться в круиз на большом лайнере, вокруг Европы, например, а?

- Боюсь, Юлька, что этим летом никуда дальше Ладоги или Финского залива мы с тобой не поплывем.

- Это почему? У папы сложности в бизнесе?

- Нет, с папиным бизнесом ничего не может случиться, здесь все под контролем. В нашей,

можно сказать, семье появилось непредвиденное осложнение другого рода.

- Какое такое осложнение?

- Папа должен сам тебе об этом рассказать. Я не понимаю, почему он до сих пор этого не сделал?

- А ты сама мне скажи, что это за осложнение, из-за которого мы с тобой не можем поехать отдыхать за границу, как все нормальные люди.

- Папа будет на меня сердиться, если я тебе открою этот секрет прежде него.

- Ой, как интересно! Жанна, лапонька, ну скажи мне, скажи! Я обещаю, что заставлю папку уладить все так, чтобы мы с тобой могли ехать куда хотим.

- Боюсь, это будет невозможно даже для тебя.

- Ты что, разве не знаешь, что ради меня он все сделает?

- Теперь это может самым радикальным образом измениться.

- Ну, ты скажешь! Папка даже на тебя у меня разрешения спрашивал: не буду ли я возражать, если ты поселишься в нашем доме? И если бы я сказала «нет», ему пришлось бы от тебя отказаться.

- Это я хорошо помню и когда-нибудь отблагодарю тебя, - тихо сказала Жанна, пряча от Юльки свои красивые зеленые глаза, вдруг ставшие желтыми, как у волка ночью.

- Жанна! Ты только скажи мне, что это за осложнение, и я все улажу! Я никому и ничему не позволю испортить мои каникулы, вот увидишь. Ну?

- Это неожиданное осложнение - твоя сестра.

- Что-о? Какая такая сестра? Откуда она взялась?

- Из Пскова.

- Так... Значит, у папочки моего незаконный ребенок объявился! И что, он хочет забрать ее к себе? Поселить в одном доме со мной?

- Да.

- Ни за что не позволю! Ну, папка... Где он? В офисе? Я сейчас же еду к нему, я ему такое устрою! Я ему покажу, как детей без моего разрешения разводить!

- Боюсь, Юленька, ты с этим опоздала. Мишина в офисе нет, и никто не знает, где он. Я подозреваю, что он уже укатил в Псков знакомиться со своей второй дочерью, твоей сестричкой.

- Жанна, прошу тебя, никогда не называй эту самозванку его второй дочерью или моей сестрой! Вот он вернется, и я ему так и скажу: или я, или она!

- А если он привезет ее сюда?

- Как это - привезет? Прямо так сразу, не спросив моего согласия?
- Иногда твой папочка совершает странные поступки.
- Если он ее сюда привезет, я ее в окошко выброшу!
- Ну-ну...
- Нет, я не буду ее в окно бросать. Я ночью ее выкраду и отнесу тайком в детский дом.
- Твой папа быстренько ее разыщет, у него такие связи! В детские дома детей богатых отцов не принимают. Да и невозможно ее отнести, это уже большая девочка.
- В таком случае пусть живет в своем Пскове со своей мамочкой!
- У нее нет мамочки.
- Куда же она делась?
- Умерла. Она с бабушкой живет.
- Вот пусть и продолжает жить со своей бабушкой!... Гуля вон живет с дедом и бабкой не хуже других.
- Гуля - сирота, ее родители в авиакатастрофе погибли. А у твоей сестры отец есть.
- Слушай, Жанна, а ты не знаешь, сколько лет этой противной девчонке?
- Знаю. Ровно столько же, сколько и тебе, день в день.
- Во дает папка! Две женщины рожают от него двух девчонок в один и тот же день! Обалдеть можно! Ну и чудеса!
- Никаких чудес. Это твоя сестра-близнец. Когда твои родители развелись, тебя увез папа, а она осталась с матерью. Год назад ваша мать умерла, вот отец и решил взять ее к себе.
- погоди, Жанна! Так это что получается? Моя родная мама, значит, все это время, ну, кроме последнего года, была жива и совсем даже мной не интересовалась? А я думала, она давно умерла...
- Видимо, они с твоим папой так договорились.
- Ну, ведьма! Забыть о собственной дочери!
- О, нет, ведьмой она не была! Она была обыкновенной школьной учительницей. Между прочим, папа тоже не интересовался твоей сестрой, пока ваша мать была жива. Я думаю, они так решили, когда делили дочерей.
- Поделили, и каждому досталось по дочке... Устроились... Слушай, а папка тебе не показывал фотографию этой сестры? Интересно, какая она?
- Фотографии ее у меня нет, но если ты хочешь на нее заранее взглянуть, это можно будет устроить.

- Ой, правда? А как, Жанна? Оккультным путем?
- Конечно. А как же иначе, если мы с тобой здесь, а она с папой в Пскове?
- Жанна, сделай это для меня, пожалуйста!
- Ну, если тебе так хочется... Только сначала пойдешь в свою комнату и надень что-нибудь теплое: у тебя нос посинел от холода.
- Это от расстройства, а не от холода. Знаешь, какой стресс я испытываю из-за этой сестры-самозванки?
- Понимаю, зайка, и сочувствую. Но ты все-таки пойдешь и надень свитер. А я пока подготовлю все к гаданию.
- Хорошо, я уже бегу!

Юлька побежала к себе, а Жанна достала из ящика какую-то фотографию и, позвав Жана, вручила ему со словами:

- Иди в кабинет Мишина и пришли мне эту фотографию по электронной почте.
- Остроумно! Сделаю, хозяйка, - и с этими словами Жан исчез.

Жанна стала готовиться к сеансу: задернула плотные черные шторы, зажгла две черных свечи и поставила их по сторонам монитора. Потом села и стала ждать, посмеиваясь.

Вернулась Юлька в свитере.

- Я готова!
- Я тоже. Садись к компьютеру - сама будешь вызывать. Пиши: хочу увидеть свою сестру Анну. Написала? Теперь закрой глаза и не открывай, пока я тебе не скажу. И молчи.

Юлька сидела в напряжении и ждала. Она услышала тихую восточную музыку, затем Жанна начала что-то медленно говорить своим низким голосом на каком-то непонятном языке, одновременно манипулируя кнопками клавиатуры. Она говорила довольно долго, Юлька начала уже вздыхать и вертеться. Наконец Жанна сказала обычным голосом:

- Можешь открыть глаза.

Сначала на экране монитора появилось в голубом тумане изображение какого-то монастыря с синими куполами в золотых звездах.

- Это, наверное, Псков, - шепотом сказала Юлька.
- Молчи!

Сквозь туманную картинку начало пробиваться лицо девочки со светлыми волосами, заплетенными в две косички.

- Какая противная, вся в веснушках! - закричала Юлька. - Я ее уже не-на-ви-жу! И папка мой не будет любить такую!

От ее крика лицо девочки на экране исказилось, пошло волнами и исчезло за изображением монастыря.

- Ну вот, ты все испортила, - укоризненно сказала Жанна. - Мы могли бы сейчас заставить ее все-все о себе рассказать, все свои тайные мысли и желания раскрыть. Представляешь, какое оружие ты могла бы получить в свои руки?

- Ой, Жанна! А нельзя ее снова вызвать?

- Нет, дорогая, два раза одного человека за один вечер не вызывают. Все, сеанс окончен!

Экран погас. Жанна встала и зажгла в комнате верхний свет. Юлька сидела, уткнув злое лицо в кулачки.

- Так ты думаешь, Жанна, папа ее прямо в дом привезет?

- Полагаю, что так.

- О-кеиньки, надо будет устроить незваной сестричке достойную встречу! Поможешь?

- Ну разве что советом...

- И что ты мне посоветуешь для начала?

- Покажи ей, кто в этом доме главный.

- А кто у нас главный?

- Ты, конечно. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, а о папе и говорить нечего - он в тебе души не чает.

- Это пока я была единственной дочкой, а теперь нас будет две. Но совет принят! Я ей, самозванке, устрою веселую жизнь!

- Устрой, моя радость, устрой. Только без рукоприкладства - этого папа не поймет. Ты просто постарайся сделать так, чтобы ей самой захотелось вернуться обратно в Псков, к белым церквам и синим куполам.

- Точно! Так я и сделаю! А сейчас пойду звонить ребятам. Приглашу их к себе, может, и они что-нибудь хорошенькое посоветуют. Кстати, у нас хоть мороженое в доме-то имеется?

- Конечно.

- Ореховое?

- По-моему, еще осталось. Но об этом не беспокойся: я схожу на кухню и проверю и, если его мало, съезжу и куплю.

- Может, еще пирожных прихватишь, Жанчик? И пепси банок шесть. Заодно. Если тебе не трудно, конечно.

- Ну что ты, дорогая! Можешь быть абсолютно спокойна, зови своих подружек.

- Жанчик, ты золото!

- Не зови меня Жанчиком, сколько раз я тебя просила!

- Не буду. Пока, Жанчик! - Изобразив в дверях поцелуй, Юлька убежала к себе.

За ней поскакал Прыгун. В дверях бесенок скорчил издевательски умильную рожу и послал воздушный поцелуй бесу Жану:

- Пока, Жанчик!

Жан плюнул ему вслед, но не попал.

- Как ты мне усложняешь жизнь, мерзкая девчонка! - прошипела Жанна, когда за Юлькой со стуком закрылась дверь. - Да еще вот-вот вторая появится! Непредвиденное осложнение, блин!

Жанна одним прыжком взлетела на свою роскошную постель под черным балдахином и заколотила по ней длинными ногами.

- Не-на-ви-жу! - простонала она, скрипя зубами и зарываясь лицом в черные подушки.

- Ничего, хозяйка, ничего, - сказал Жан, присаживаясь на край постели и поглаживая плечи Жанны шершавой черной лапой, - мы это непредвиденное осложнение общими усилиями как-нибудь устраним. Церковниц нам в доме не надо!

- Жан, я-то имею дело с двумя осложнениями, а не с одним!

- Опять тебе Юлька на нервы действует?

- Ну да. Мало того, что я должна изображать нежнейшую любовь к ней, заниматься ее проблемами, так еще вдобавок я - ведьма второй категории! - должна ехать покупать этой дурехе и ее гостям пепси и пирожные!

- И съездишь, лапочка, и купишь, и ничего с тобой не случится. А когда станешь мадам Мишиной и полноправной хозяйкой в доме, вот тогда и покажешь обеим сестричкам, кто в доме главный! - «А главный-то в доме - я!» - подумал при этом Жан.

- Ты прав, Жанчик.

- Не называй меня Жанчиком! - кокетливо просипел Жан.

Жанна кинула в него подушкой и рассмеялась.

- А ловко ты сунул на экран эту картинку вместе с Юлькиной фотографией. Где ты ее взял?

- Там же, в кабинете у Мишина. Это открытка, которую ему теща прислала. Я ее запустил, чтобы затуманить изображение: опасался, что Юлька себя узнает на экране, ведь это была ее прошлогодняя фотография.

- Ну что ты, у нее бы на это мозгов не хватило. «Какая противная! Вся в веснушках!». Умереть можно от смеха, какая дурочка у меня будет падчерица.

- Две падчерицы, - поправил Жан.

- А это мы еще поглядим! Мне и одной-то много... - И Жанна запустила в него второй подушкой, да так удачно, что она пролетела сквозь беса.

К вечеру в комнате Юльки дым стоял коромыслом. Дыму напустил единственный допущенный на совет мальчик, Юрик Сажин. Приглашенные девочки, Гуля Гуляровская и Кира Лопухина, не курили. То есть курить-то они, конечно, умели, современные были девочки, но сейчас их больше привлекали пирожные и мороженое. Девочки сидели в креслах вокруг столика со сладостями, Юрик устроился на диване.

А в углу комнаты сидела другая компания, ребятам не видимая: тут бес Прыгун принимал своих гостей. Гости были один другого краше. Юрика сопровождал бес по прозвищу Нулѐк, похожий на мартышку с горделивой петушиной головой на плечах, а с Кирой и Гулей явились две бесовки, и об этих дамах стоит сказать особо.

Гулина бесовка Брюха была безобразна до тошноты. Она имела облик, среди бесов считавшийся оригинальным: Брюха была похожа на огромный розовый живот на поросячьих ножках с губастым ртом посередине. Жирная поверхность этого живота была усеяна огромными прыщами, имевшими способность превращаться в крохотные сонные глазки: иногда этих глазок было великое множество, иногда – ни одного. Зато огромный рот оставался всегда, а из него то и дело высовывался толстый красный язык с сизо-серым налетом. Этим языком бесовка Брюха слизывала прямо со спины Гули испарения ее обжорства. Бесовка была постоянно голодна, и поэтому Гуле приходилось почти непрерывно что-то жевать. Поскольку головы как таковой у Брюхи не было, интеллектом она не блистала, а дабы это скрыть, старалась употреблять как можно больше сленга. Она и подопечную тому же учила.

Зато бесовка, явившаяся с другой девочкой, Кирой, издали могла бы показаться ослепительной красавицей. Но только издали! Это была ожившая и увеличенная в сто раз кукла Барби, ее так и звали – Барби, то есть Барбара, или по-русски – Варвара, что значит «язычница». Именно потому, что Барби-«язычница» в точности повторяла облик знаменитой куклы. Ее неподвижные холодные глаза, мертвые белые волосы, росшие из головы пучками, чудовищно длинные руки и ноги с неестественно крохотными ступнями и ладошками производили жуткое впечатление. Бесовка Барби с трудом передвигалась на своих негнущихся ногах, напоминая оживших мертвецов из фильмов ужасов.

Сегодня бес Прыгун угощал гостей изысканным ужином из кипящей ненависти, четырежды проваренной, но так и не переваренной обиды и отлично настоявшегося коварства. На десерт были поданы холодное высокомерие и большая миска мелких пакостей. Словом, Прыгун принимал гостей с поистине бесовским шиком, дамы и Нулѐк были в полном восторге.

Юлька уже успела рассказать своим гостям, какое «непредвиденное осложнение» вот-вот появится в доме.

– А вот я пока как бы не врубилась, чем эта, типа, сестра может тебе помешать по жизни? – задумчиво жуя третий эклер, спросила Гуля, крупная полная девочка с такими светлыми ресницами и бровями, что их как бы и вовсе не было. – Обьест она тебя, что ли?

– У тебя одно на уме, – усмехнулась Кира, стройная как пруттик, уже год как начавшая следить за своей фигурой девочка-блондинка с большими карими глазами. Кира была девочка серьезная, умная, с огромной силой воли. У Ки-ры была настоящая большая цель в жизни – она собиралась стать фотомоделью. Ради этой цели она себя во всем ограничивала, ни в чем пощады себе не давала, и за такую целеустремленность ее уважали все подружки, а больше всех толстенная Гуля, не умевшая себе ни в чем отказать. За весь вечер Кира позволила себе только половинку песочного пирожного и шарик мороженого, а теперь потягивала пепси через соломинку – одну банку на весь вечер, не больше!

- Конечно, она ее объест самым натуральным образом, - усмехнулся Юрик. - Только не сейчас, а в будущем. Отгрызет от мишинского наследства ровно четверть.

- Не врубаюсь, почему только четверть? - удивилась Гуля.

- А ты считать умеешь? Половина достанется Жанне, а другую половину разделят сестры.

- Фильтруй базар, Юрка, дядя Митя жив-здоров! - попыталась его урезонить Гуля.

- Сегодня жив, а завтра - кто знает? - пожал плечами Юрик.

- Я знаю! - сердито воскликнула Юлька и запустила в него недопитой банкой пепси. - Мой папка никогда не умрет, он знаешь какой здоровый!

Юрик сумел на лету подхватить банку и, сделав из нее глоток, аккуратно поставил возле дивана. После этого он спокойно заявил:

- На здоровых людей имеются здоровые пули. Я вот заранее на всякий случай попросил отца открыть на мое имя счет в германском банке и положить на него миллиончик в еврейчиках.

- И твой отец согласился? - удивилась Кира.

- Конечно, ведь я ему все это толково обосновал. Деньги я не смогу снять со счета до двадцати лет. Но я расту, и счет мой тоже растет потихоньку. Так что теперь у меня есть свой собственный гамбургский счет, и если с моим папиком случится что-нибудь непредвиденное, я без капитала не останусь. Это тем, у кого деньги по иностранным банкам кучками разложены, как у Гулиного деда, тревожиться не о чем, а у моего отца все в бизнес вложено. Грянет какой-нибудь дефолт, и бедному папику опять с нуля начинать. Он уже два раза прогорал. Это Гуля у нас ничего не боится.

- Почему это я ничего, типа, не боюсь? Я революции боюсь, - с глубоким вздохом ответила Гуля.

- Чего-о? - засмеялась Кира. - Какой еще революции?

- Четвертой. Две были в семнадцатом году, одна в девяносто первом - мы же в школе, типа, проходили. Знаете главную фишку всех революций? «Грабь награбленное!». Вот мне и стрёмно. Успеть бы до революции за приличного иностранца реально замуж выйти.

- Ну, ты, Гуля, даешь! - обомлел Юрик. - Жуешь, жуешь и вдруг такое выдашь... Это же надо додуматься - революции она боится!

- И от страха замуж собралась! - засмеялась Кира. - Это с твоими-то прыщами да замуж за иностранца?

- Прыщи - это возрастное, пройдут, - невозмутимо ответила Гуля. - С возрастом все проходит. Красота твоей мамочки тоже пройдет со временем, из казино ее по жизни выставят, и куда вы тогда обе денетесь?

- Уж я-то к тому времени действительно выйду замуж за какого-нибудь лорда. А прыщи у тебя, между прочим, не от возраста, а от ожорства. Ты бы, Гуля, поменьше пирожными и шоколадом увлекалась!

- Зато сию вся в шоколаде и ни о чем не думаю.

- Вот и зря. Тебе надо больше думать о своей несчастной внешности.
- Моя бабуля говорит, что у меня конкретно русский тип красоты.
- Угу, типа деревянной матрешки, каких иностранным туристам продают.
- Именно типа матрешки! И это конкретно нравится иностранцам. Вот потому-то я раньше тебя за лорда и выйду, - невозмутимо ответила Гуля, надкусывая четвертый эклер.
- Обе вы дуры, и ты дурак, Юрик, - вздохнула Юлька. - Совсем вы не про то говорите! Ни о каком наследстве я не думаю. Просто я не хочу делить законную любовь моего отца с какой-то приبلудной сестрой. Вот о чем разговор!
- Ах, любовь! Лямур-тужур-абажур, - усмехнулся Юрик. - А может, твой отец и не собирается любить эту сестру, может, она уродина какая-нибудь?
- Никакая она не уродина: она моя сестра-близнец, а значит, похожа на меня как две капли воды.
- А кто тебе сказал, что ты красавица? - удивилась Кира.
- Кирка, заткнись пирожным! Ты с голоду звереешь и становишься вредной. Ребята, ну придумайте, как мне организовать хорошую встречу этой псковитянке? Может, пожар в доме устроить к ее приезду? Прикиньте: папочка привозит ее к нам домой, а дом сгорел! Одни головешки лежат! А над головешками стоим мы с Жанной и горько плачем: «Где же нам теперь жить, бедным бездомным погорельцам?». Единственный выход - срочно купить путевки и лететь в Ниццу или на Бермуды и там бедовать, пока папочка не построит для нас новый дом. А сестричку придется обратно в Псков отправить!
- Неплохо, - одобрила Кира. - Но если отец отправит ее вместе с вами на Бермуды? Или хуже того - купит на первое время квартиру, где у тебя с сестрой будет одна комнатка на двоих?
- Какой ужас! Нет, в коммуналке с сестрой я жить не хочу, так что пожар не годится, - тут же передумала Юлька.
- Так, пожар потушили, - усмехнулся Юрик.
- Раз твоя сестра в огне, типа, не горит, надо ее взять и отравить, в натуре! - свирепо сказала Гуля.
- Пирожными и шоколадом, - подхватила Кира, - чтобы она вся прыщами пошла. Дяде Мите станет противно на нее смотреть, и он ее отправит обратно к бабушке.
- Стоп! Отравить - в этом что-то есть! - задумчиво проговорила Юлька, и ее голубые глаза сверкнули холодным стальным блеском.
- Юлька, не дури, - попробовал ее охладить Юрик. - Где ты яд возьмешь? В аптеке купишь?
- Предположим, яд ты достанешь и сестру отравишь, а дальше что? Тебя отправят в детскую колонию, а сестричку врачи откачают, и будет она тут править бал, - скептически пожала плечами Кира.
- Нет, ребята, вы не поняли! Отравить - но как? Отравить ей каждый день, каждый час, каждую минуту пребывания в этом доме - вот как отравить! - свирепо сказала Юлька.

- А что? Простенько и со вкусом, - одобрила Кира.
- И очень по-женски, - добавил Юрик, только при этом было непонятно, одобряет он или осуждает Юлькин план действий.
- Прикольно! - засмеялась Гуля. - А сама выдержишь?
- Мне-то чего выдерживать? - удивилась Юлька. - Не меня же травить будут.
- Да ты прикинь, Юлька! Целый день на кого-то наезжать с утра до ночи - устанешь.
- То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть! - с пафосом произнесла Юлька.
- Опять любовь! Любовь-то тут при чем? - фыркнул Юрик.
- Юрик, ты - невежда! Это же стихи Некрасова!
- А я вот, когда живы были мои папа с мамой, просила их купить мне сестренку. Мама смеялась и говорила: «Попроси у дедушки, он богатый!». А потом они оба умерли в один день, и теперь у меня уже никогда не будет сестры, - вдруг тихо и грустно сказала Гуля. От печали она даже забыла про сленг и заговорила нормальным языком. Но тут же опомнилась и добавила: - Сестра - это класс! У тебя, типа, набухает проблема по жизни, ты ищешь, кого нагрузить, а тут сестра под боком!
- Нет, уж я предпочла бы сестру-близнеца, - сказала Кира. - Можно так прикалываться! Мы бы носили одинаковые костюмы, делали одинаковые прически и всем дурили голову.

Юлька обалдело глядела на подруг. Но добил ее Юрик:

- А я всегда хотел иметь младшую сестренку. Она бы меня слушалась, я бы ее баловал, гулять водил, косички ей заплетал... Слушай, Юлька, а тебе не кажется, что сестра из провинции - это все равно что младшая сестра?
- И тут позавидовали: сестер им захотелось, - прошипела Юлька и предупредила: - Я сейчас закричу от злости! - И закричала: - У-а-у-а-а!

Завопив, она вскочила, затопала ногами и со всей силы швырнула в угол очередную банку пепси. На этот раз никто ее не перехватил в воздухе, банка ударилась об стену, и на атласных обоях в мелкую розочку появилась отвратительная полоса красно-коричневого цвета. Выплеснув гнев и пепси, Юлька сразу успокоилась и сказала обессиленно:

- Все, ребята, хватит на сегодня. Расходимся. У вас от напряжения мозги начали плавиться, и вы только путаете мои планы. Я для себя уже все решила - травить, травить и травить...

Глава 4

Аня так устала в дороге, что еще задолго до прибытия в Санкт-Петербург крепко уснула на заднем сиденье и не слышала, как ночью они с отцом въехали в город, как добрались до Крестовского острова и как их машина заехала в распахнутые охранником железные ворота.

Тем более не слышала она схватки, которая произошла в саду Мишиных.

Папа бережно понес спящую Аню к дому, а Хранители Иоанн и Димитриус двинулись за ним.

У широких ступеней крыльца их уже поджидали Жан, Михрютка и троица бесов-минотавров, которых другие бесы звали «быками». Минотавры были приставлены к мишинским охранникам и похожи были на полубыков-полулюдей, причем бычья часть приходилась у них на верхнюю, думающую половину тела – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разговаривать по-человечески минотавры-«быки» почти не умели, могли только мычать да понимать простые команды, ну еще в карты играть. Шкура у всех у них была в зеленых пятнах – «камуфляжная».

Как только Ангелы Иоанн и Димитриус направились к ступеням крыльца, вся эта безобразная компания преградила им дорогу.

- В этот дом вы не войдете! – заявил Ангелам Жан.

- Ну-у-у! – согласно подтвердили «быки»: на их простом языке это «ну» могло означать все, что угодно, – и согласие, и сомнение, и угрозу, и обиду – смотря по обстоятельствам.

- Здесь мы обитаем, это место нашей службы, и вам тут делать нечего! – продолжал Жан.

- Ну-у, ну-у, ну-у! – промычали друг за другом «быки».

- Это почему же? – удивился Иоанн. – Я тоже на службе и покинуть мою подопечную, уж извините, никак не могу.

- Так, ясно. Ты – Ангел Хранитель этой девчонки, как я понимаю?

- Ты хочешь знакомиться, бес? Пожалуйста. Я действительно Ангел Хранитель Иоанн, но не девчонки, а отроковицы Анны.

- А я – бес Жан, духовный руководитель живущей в этом доме ведуньи Жанны. Поскольку моя подопечная является самой продвинутой из обитателей дома, то и я в этом доме старший.

- Ты хочешь сказать, что этим домом правит ведьма?

- Ведунья, – поправил бес.

- Ведьма, она ведьма и есть, как ее ни назови! – вступил в спор осмелевший в присутствии Иоанна Димитриус. – И пока твоя ведьма Жанна не состоит с Митей в законном браке, вы оба с ней здесь не живете, а только временно проживаете!

- Ишь ты, как заговорил, Ангелочек убогий! А ты-то на каком основании тут под ногами подвизаешься?

Димитриус смешался и обернулся к Иоанну. Иоанн между тем достал свой меч и пошел с ним на минотавров-«быков»: те отступили и сделали вид, что не видят ни меча, ни Ангела и вообще-то вышли в садик погостить; они отвернулись и стали разглядывать траву у себя под ногами: даже эти тупицы знали, что Ангел сзади не ударит. Домового Михрютки тоже как-то не оказалось поблизости. Иоанн, пройдя мимо «быков» и сразу утратив к ним интерес, двинулся по ступеням крыльца в дом. Проходя мимо оторопевшего Жана, он пригрозил ему полыхнувшим мечом:

- Посторонись-ка, бес! Идет Ангел Божий, Самим Господом приставленный к отроковице Анне, каждодневно ею поминаемый, к охране и защите призываемый. Посторонись, я в своем праве,

и ты это знаешь, черный!

Жан заскрипел всеми своими акульными зубами и отскочил, давая дорогу Иоанну:

- Ладно, ступай, светлый. Но мы еще встретимся!

- Встретимся, встретимся, темный, - небрежно бросил Ангел и ушел в дом.

Но перед Димитриусом Жан снова выскочил, черным зонтом распахнул крылья и хлестнул по воздуху гребенчатым хвостом.

- Стой! А ты куда разлетелся, убогий?

- Я желаю войти в дом вместе с моим братом Ангелом Иоанном.

- Ага, войдешь. Но не когда сам пожелаешь, а когда тебя наш Митя позовет. Ха-ха-ха! Но пока я что-то не слышал, чтобы он тебя приглашал. Я прав?

- Ну-у, ну-у! - промычали минотавры, снова развернувшись рогами к месту действия.

- Заткнитесь, скоты! Не вас спрашивают, а вот этого! Звал тебя Митя? Отвечай, светлый!

И Ангел Димитриус, понурился, по-Ангельски честно ответил:

- Не звал он меня...

- Вот и погуляй пока на природе - звездочки посчитай, на цветики полюбуйся, птичек послушай... Светлячок ты наш неудельный!

Димитриус отлетел в сторону и печально завис над деревьями, окружающими дом. Его опять не пускают к Мите!

Ангел Юлиус подлетел к нему, поздоровался, расспросил о поездке в Псков, о бабушке Насте - отвлек и немного утешил. А потом они поднялись и стали кружить над садом, красивые и печальные, как два белых лебедя.

Отец на руках внес Аню в холл, кивнул дежурившему там охраннику и прошел в коридор, где были комнаты для гостей. Он не стал будить спящую дочь, а сам раздел ее и уложил в кровать.

Ангел Иоанн вошел вслед за ним в комнату и перекрестил все стены, углы и окно в ней. Потом вслед за отцом поцеловал спящую девочку в лоб и встал у дверей на страже, чтобы так простоять всю ночь.

Аннушка сладко спала. Ангел стоял и молился: о ней, о бабушке Насте, о Мишине и обо всех людях, с которыми предстоит встретиться Аннушке. Он никого не пропустил, но когда дошла очередь до невесты-мачехи Жанны, молиться стало очень трудно: слова молитвы вдруг стали вязкими и уже не взлетали ввысь с Ангельских уст, а холодными камешками падали на пол. Хранитель вспомнил свой спор о ней с бесами и прекратил молитву: значит, есть причина, по которой не стоит молиться о Жанне...

Вдруг послышался какой-то шорох под полуоткрытым в сад окном. Ангел насторожился.

В окне показалась тонкая детская рука, а в руке - пластиковая бутылка с надписью «Пепси». Появилась вторая рука и отвинтила с бутылки синюю пробку. Потом таинственный некто,

прятавшийся под окном, обеими руками перевернул и затряс бутылку; из нее с нервным писком и сердитым зуденьем вырвался целый рой комаров и тотчас разлетелся по всей комнате. Сразу же после этого оконную раму снаружи потянули и прикрыли.

Ангел Иоанн подошел к окну и выглянул. Он увидел небольшого грязно-зеленого бесенка, который высокими скачками удирал по дорожке от дома, а за ним вприпрыжку бежала рыжая девчонка, размахивая пустой бутылкой над головой. На первый взгляд могло показаться, что девчонка гонится за бесом и хочет ударить его бутылкой или загнать в нее, но Хранитель Иоанн знал, что она беса не видит и каждый бежит сам по себе. Но уж очень похожи были их прыжки.

Хранитель покачал головой и отошел от окна. Он взмахнул крылами, и комары будто прилипли к потолку, и после во всю ночь ни один комар не посмел спикировать на спящую Аннушку.

Взошло солнце, Ангел приблизился к окну и выглянул в росистый утренний сад. Напротив окна стоял Ангел Юлиус с каким-то нерадостным ликом.

- Благослови, Иоанн! - озабоченно приветствовал он брата.
- Благослови и ты, брат Хранитель.
- Послушай, Иван, тут такое дело приключилось, прямо не знаю, как начать...
- А ты скажи прямо, что твоя Юлия напустила Аннушке в комнату целую стаю комаров.
- Комары это что! Она, знаешь, всю ночь не спала, сама себя изводила. С вечера комаров ловила в бутылку, а потом вертелась, вертелась в постели и к утру придумала, как твою Аннушку сильно напугать.
- И чем же это она собирается ее пугать?
- Надумала Юлька наловить в пруду лягушек и подсунуть их Аннушке в постель, пока та еще спит. Она уже отправилась на ловлю.
- Только-то? Пускай ловит и приносит. Моя Аннушка лягушек не боится.
- Правда? - Юлиус радостно всплеснул крыльями. - Ну просто камень с души! Тогда лечу присмотреть, чтобы Юлька в воду не свалилась: сама-то она лягушек до смерти боится, а дно в пруду илистое, скользкое, как бы беды не вышло!
- Да, лети, брат, присмотри за своей озорницей. Между прочим, там возле нее какой-то зеленый бесенок крутится.
- А, это Прыгун! Ничтожное и гадкое исчадие ада.
- А если ничтожное, то почему не отгонишь?
- Ах, Иван, не знаешь ты, что ли, специфики нашей службы Ангельской? Чтобы я мог отгонять бесов от Юльки, она должна меня об этом четко и ясно попросить в молитве. Мне бы тогда хватило единого взмаха мечом, чтоб этот Прыгун отпрыгнул от моей девочки так далеко, что и сам бы себя не скоро нашел!
- Ну, лети, лети, хотя бы вдвоем их не оставляй.

Через час с небольшим Аня проснулась и не сразу поняла, где находится. Она открыла глаза и увидела перед собой незнакомую стену в шелковистых обоях с нежно-сиреневыми ирисами. «Это я уже в доме у моего папы», – вспомнила она, счастливо и глубоко вздохнула, перевернулась на другой бок и тут увидела, что на краю ее подушки уютно устроилась зеленая лягушка.

– Здравствуй, – удивленно и приветливо сказала лягушке Аня. Та в ответ неуверенно квакнула и на всякий случай отпрыгнула на край кровати, но не удержалась и шлепнулась на пол.

– Эх, ты! – рассмеялась Аня. – Я-то спросонья подумала, что ты царевна-лягушка, а ты просто маленький и глупый зеленый лягушонок. И как же ты в окно запрыгнул, такой неуклюжий? А, понимаю! Ты за комариками поохотиться пришел, вон их сколько на потолке сидит. Но до потолка тебе, миленький, не допрыгнуть – лапки коротки! Иди-ка ты лучше в саду погуляй, там словишь что-нибудь вкусненькое себе на завтрак.

У Ани было чудесное настроение, и лягушонка она ни капельки не боялась. Она встала с кровати и подняла его с пола. Лягушонок весело задрогал всеми четырьмя лапами: наверно, решил, что начинается какая-то новая игра. Этому лягушонку сегодня выпало очень интересное утро: на рассвете он играл в догонялки с какой-то девчонкой, потом плавал вместе с нею в пруду, а после путешествовал по парку, удобно лежа в сачке, как в гамаке. Но Аня играть с ним была не расположена: она распахнула окно, убедилась, что оно не высоко над землей и, перегнувшись через подоконник, опустила его прямо в мокрые от росы тюльпаны. Разочарованный лягушонок удалился с холодным видом.

Ангел Иоанн, улыбаясь, стоял за спиной Ани. Из глубины сада к окну подлетел Юлиус.

– Вот видишь? А ты беспокоился, – сказал Иоанн брату.

Юлиус кивнул одобрительно и признался:

– А моя дурочка все-таки в воду плюхнулась.

– Ну, ты меня извини, братец, а так ей и надо!

– Ты прав, Иван, – кротко согласился Юлиус.

– А то!...

Аня вынула из дорожной сумки и накинула халатик, достала зубную щетку, полотенце, расческу и решила пойти поискать, где бы ей в этом доме можно было умыться? Она вышла из комнаты, предусмотрительно оставив дверь приоткрытой, чтобы потом не заблудиться, и оказалась в коридоре. Коридор был длинный, широкий и светлый, в конце его было большое окно, а по сторонам несколько дверей. Аня тихонько пошла по коридору, разыскивая дверь ванной комнаты. Верхняя часть одной из дверей была из матового стекла с тонким золотым рисунком. «Может быть, это здесь?» – подумала Аня и осторожно нажала на бронзовую ручку. Она угадала, за дверью оказалась ванная комната с туалетом. Она привела себя в порядок, а потом вернулась в комнату, где провела ночь.

– Аннушка, осторожно! Не пугайся и не наступи! – предупредил ее Хранитель, когда она входила в дверь.

Аня остановилась у порога и внимательно огляделась: что-то подсказало ей, что в комнате за время ее отсутствия произошли некие перемены. Так и есть! На ее кровати сидели теперь

четыре лягушонка. Она засмеялась, немного с ними поиграла, а потом отправила их одного за другим в тюльпаны под окном:

- Гуляйте, ребяташки, а мне некогда, я молиться должна!

Аня достала из чемодана иконки, которые бабушка дала ей с собой. Они были аккуратно завернуты в вышитое льняное полотенце. Девочка расстелила полотенце на столе, приставила иконки к стене, достала молитвослов и прилежно прочла утренние молитвы. Окончив свое маленькое утреннее правило, она снова аккуратно завернула иконки в полотенце и убрала их в чемодан.

Она подошла к окну, села на подоконник и стала разглядывать сад. Да, это был не их с бабушкой крохотный садик! Вокруг дома стояли вековые деревья, в конце сада белела круглая каменная беседка, везде были проложены дорожки из разноцветных плиток, а вдоль дорожек росли цветы; Аня узнала примулы, пионы, тюльпаны, маргаритки, анютины глазки, незабудки. Но в саду было еще много незнакомых цветов, какие не росли у них на Псковщине.

По дорожке мимо окна прошел не спеша какой-то молодой человек в пятнистой форме, очень похожий на мальчика-великана: ростом и фигурой он был с крупного дядю, а чертами и выражением лица напоминал пятилетнего мальчугана.

В дверь постучали. Она обернулась и сказала: «Войдите!».

Вошел Мишин.

- Папочка! - воскликнула Аня и бросилась к отцу.

Он приподнял ее и расцеловал.

- Здравствуй, дочка! Я смотрю, ты у меня птичка ранняя: уже успела умыться и причесаться.

- И помолиться!

- Да неужели? Ну, в таком случае пойдем завтракать. Познакомлю тебя со всеми.

- И с Юлей?

- В первую очередь!

Отец повел Аню в столовую, находившуюся тут же, на первом этаже, но по другую сторону холла.

Ангел Хранитель Иоанн пошел за ними.

За круглым столом в большой светлой столовой уже сидели четверо: двое мужчин, девочка и молодая, очень красивая черноволосая дама. Пока папа представлял им Аню, она успела всех разглядеть.

Мужчины были такие: первый - тонкий и стройный молодой человек с большими грустными глазами и черными кудрями, а второй, сероглазый и коротко остриженный, был с виду настоящий богатырь. Одет он был в такую же пятнистую форму, как и тот мальчик-великан, что прохаживался по саду, только глаза у него были умные.

Красавица с фотографии уставилась на Аню яркими зелеными глазами, а сидевшая прямо

против двери девочка с хмурым лицом бросила на нее только один взгляд исподлобья – но зато какой взгляд! Волосы у нее были рыжие и мокрые. «Это и есть моя сестра Юля» – поняла Аня. Ей хотелось броситься к сестре и обнять ее, но этот недобрый взгляд ее остановил.

- Разрешите, дорогие мои, представить вам мою вторую дочь, Анну Дмитриевну Мишину! – торжественно провозгласил Мишин. Аня подошла к столу, идя рядом с отцом и крепко держась за его руку: так она чувствовала себя уверенней.

- Очень приятно познакомиться, Анна Дмитриевна. – Черноглазый молодой человек вежливо привстал и поклонился Ане. – Я секретарь вашего папы, зовут меня Акоп Спартакович. Вы можете ко мне обращаться по всем вопросам связи с общественностью.

Аня мало что поняла из этого представления и только кивнула в ответ, но ей понравилось, что Акоп Спартакович совершенно серьезно назвал ее по имени-отчеству – так ее еще никто всерьез не называл, такое писалось только в документах.

- Павел Иванович Орлов, – представился богатырь. – Заведую в этом доме охраной, так что ко мне, Аня, можешь обращаться по всем вопросам безопасности. Ну, если там бомбу под кроватью обнаружишь или получишь письмо с требованием выплатить миллион долларов. – Он подмигнул, и Аня застенчиво улыбнулась ему в ответ, показывая, что поняла шутку. Он ей тоже понравился.

А Юля и Жанна молчали и не сделали ни одного движения навстречу.

Мишин подвел Аню к Юльке. Та сидела, уставившись в кофейную чашку.

- Юлька, а ты чего сидишь, как кукла на витрине? – весело спросил папа. – Поздоровайся с Аннушкой, поцелуй ее, ведь родная сестра к тебе приехала!

Юлька встала, подошла к Ане, коротко и быстро поцеловала ее в щеку, будто сердито клюнула, и снова села на свое место с каменным лицом. Какой-то неправильный это был поцелуй.

Жанна, не дожидаясь, чтобы ей тоже напомнили о законах гостеприимства, встала и сама подошла к Аннушке.

- Здравствуй, милочка. Очень рада видеть тебя в нашем доме, – сказала она мелодичным голосом и поцеловала Аню в другую щеку.

О, каким холодом обдало девочку от этого поцелуя! Несколько лет назад у Ани разболелся молочный зуб, и зубной врач сказал, что придется его удалять. Он сделал укол в десну, и вот тогда у нее была точно такая же щека, как сейчас, – будто отмороженная. Опасный это был поцелуй, и Аня решила, что больше никогда не позволит Жанне целовать себя.

Ангел Иоанн подошел, ласково погладил Аннушку по одной и по другой щеке, стер следы поцелуя неправильного и поцелуя опасного, и Аннушка сразу же о них забыла.

Мишин усадил Аню между собой и Юлькой и сказал:

- Ну-ка, Юлька, поухаживай за сестрой! Положи ей хлопьев, налей молока, сделай бутерброд, какой она захочет, кофе налей...

- Хорошо, папочка, – сказала Юлька.

После этого Мишин уселся сам и начал завтракать, попутно беседуя с Акопом Спартаковичем и Павлом Ивановичем о предстоящих на день делах и предоставив сестер друг дружке.

Жан стоял за стулом Жанны, положив ей на плечи когтистые лапы, и наслаждался злобой, подозрительностью, презрением и коварством, которыми так и дышала Жанна. На духовном уровне, людям не видимом, это выразалось мелкими серо-желтыми сернистыми облачками, вылетающими из груди и головы красавицы-ведьмы. Жан на лету ловил эти облачка длинным, раздвоенным на конце фиолетовым языком и жадно заглатывал их.

Прыгуну за этим завтраком тоже удалось полакомиться исходившими от Юльки ревностью и коварством.

Юлька взяла фарфоровую мисочку, насыпала туда кукурузных хлопьев, налила из молочника горячего молока и поставила ее перед Аней. И все это без единого слова и даже взгляда.

Аня стала так же молча есть. «Это она растерялась, – подумала она про сестру. – Ничего, мы еще успеем подружиться».

После хлопьев Юлька налила ей в чашку кофе, добавила сливок и стала сыпать сахар – одну, две, три ложечки и уже зачерпнула четвертую.

- Спасибо, я не люблю, когда слишком сладко, – попыталась ее остановить Аня. Но Юлька все же успела высыпать в ее чашку и четвертую ложку.

Аня размешала сахар, с признательностью поглядывая на Юльку, поднесла чашку ко рту и сделала глоток. О, ужас! Она едва удержалась, чтобы не выплюнуть кофе прямо на стол – он был соленый! «Бедная Юля, она так разволновалась, что перепутала солонку с сахарницей, – подумала Аня. – Придется выпить эту гадость, чтобы не смутить ее еще больше». И она стала пить кофе малюсенькими гло-точками.

- Как тебе спалось на новом месте, Анна? – спросила Жанна ровным холодным голосом.

- Спасибо, очень хорошо, – ответила девочка, продолжая мужественно отпивать соленый кофе.

- Комарики не кусали? – поинтересовалась Юлька с подозрительной заботливостью в голосе.

- Нет. В комнате их много было с ночи, но они меня не кусали. Я думаю, их лягушки напугали.

- Какие еще лягушки? – удивленно спросила Жанна, приподняв тонкие нарисованные брови.

Теперь можно было отставить чашку, чтобы ответить Жанне подобающе вежливо и обстоятельно, и Аня так и сделала.

- Ночью ко мне в окно запрыгнул лягушонок, – начала она, с облегчением отодвинув подальше ужасный кофе. – Я его поймала и выпустила обратно в сад. Но ему, наверно, очень понравилось в комнате, где так много комаров развелось, и он припрыгал обратно и еще трех друзей с собой привел.

- Комары? – удивился Мишин. – Откуда в той комнате комары взялись? Когда я Аню спать укладывал, никаких комаров там не было, я бы заметил. Странно...

- Надо же, у нас в саду появились лягушки! И куда это смотрит охрана, Павлуша? – спросила Жанна, уводя разговор в сторону от комариной проблемы.

- Всех переловим и расстреляем, - пообещал начальник охраны. - И комаров, разумеется, тоже.

Юлька молчала. И по тому, как она молчала, Аня догадалась, что лягушата и комары в ее комнате и соленый кофе - все это ее рук дело. Ей стало очень обидно, так обидно, что она изо всех сил крепилась, чтобы не расплакаться прямо за столом. Она повернулась к отцу.

- Папа, я уже позавтракала. Можно мне теперь пойти посмотреть сад?

- Да, конечно. Юлька, покажи сестре сад, покажи дом. Ты, конечно, захочешь, чтобы она поселилась вместе с тобой?

- Что ты, папка! Ты загляни в мою комнату - там же ногу поставить некуда!

- Что правда, то правда, - подтвердила Жанна, забыв добавить, что ногу некуда поставить в Юлькиной комнате из-за чудовищного в ней беспорядка.

- Ну, пусть тогда Аннушка займет какую-нибудь комнату рядом с твоей. Словом, устраивайтесь сами, девочки, мне сейчас некогда этим заниматься, я должен ехать в офис. Не помогай им, Жанна, пусть учатся быть хозяйками - для кого я строил этот дом?

- Как скажешь, Митенька, - проворковала Жанна.

- Я сама подберу комнату моей сестричке, не волнуйся, папочка, - сказала Юлька сладеньким голоском, ничего хорошего Ане не обещавшим.

Аня встала, перекрестилась, аккуратно приставила свой стул к столу, сказала «спасибо» и вышла из столовой.

В саду она побежала к беседке, которую еще утром заприметила из окна, села там на скамейку и горько заплакала, приговаривая: «Бабушка, милая бабушка! Я хочу обратно домой-ой-ой-ой!»

Ангел Иоанн стоял над ней и переживал за свою обиженную сиротку.

- И за что это, брат, твоя Юлия так невзлюбила родную сестру? - спросил он подлетевшего Юлиуса. - Зело это меня удручает. Мнится мне, нам и вправду лучше уехать обратно к бабушке, пока не поздно...

- И тем нарушить повеление Господне?

- Да, ты прав, благодарствую за напоминание. Придется нам потерпеть. Но твоя подопечная, надо прямо сказать, брат Юлиус, не сахар, ой не сахар! - молвил он, утирая скупую ангельскую слезу.

- Братец Иванушка, ты на нее не сердись, сделай милость! Это у нее стресс!

- Что, что там такое у нее? - удивился Ангел Иоанн.

- Ну, стресс, нервное напряжение. Немало ей нынче выпало волнений: ночь она почти не спала, отлавливала в саду комаров, планы строила, а с рассветом пошла на пруд ловить лягушек и там плюхнулась в тину и вся перемазалась! Ты заметил, брат Иван, какое у Юленьки личико стало перевернутое, когда Аннушка сказала, что лягушата в ее комнате переловили всех комаров?

- Заметил, это я заметил, - сказал Иоанн.

- Ну, вот тебе и стресс!

- Та-ак...

- Иванушка, подумай сам, братец, какой с нее спрос? Она без бабушки росла! Она же, бедняжка, лишена духовности, ее эмоции одолевают!

- Не эмоции твою Юлию одолевают, а бесы.

- Ну, бесы - это слишком сильно сказано! Хотя Прыгун ей, конечно, проходу не дает. Он мелкий, но гадкий и на гадости падкий... Ну да, конечно, это он во всем виноват! Это он мою духовно незащитную девочку толкает на всякие шалости! А еще ведь она очень боится, что отец с приходом Ани станет ее меньше любить. Такие переживания для впечатлительной отроковицы могут кончиться нервным истощением или депрессией. Того и гляди, в больницу попадем... Пожалеть бы ее надо, Иванушка!

- Ну и ну! - удивленно покрутил златокудрой главой Ангел Иоанн. - Однако и обрела же себе Ангела Хранителя незащитная отроковица Юлия!

- А? Что? Я что-то не так сказал? - заволновался Юлиус, заглядывая в лицо Иоанна своими чистыми очами.

- Ну, уж как сказал, так и сказал! - засмеялся Иоанн. - А может, так оно и надо, чтобы этой козе именно ты достался в Хранители... Не волнуйся, Аннушка, конечно же, ее простит. Простишь сестру, Аннушка?

Аня вдруг вспомнила, какое лицо было у Юли, когда она рассказывала про лягушат. Господи, ну до чего же она смешная! Это ведь она от ревности сердится как маленькая, вдруг поняла Аня. Всегда она была у папы единственный свет в окошке, а тут вдруг появляется какая-то сестра... Да еще и папа так откровенно всем показывает, что вторую дочку он любит не меньше. Аня улыбнулась, вытерла слезы, вздохнула и пошла в дом.

В холле ей встретилась сама Юлька. В руке у сестрицы был сачок на длинной ручке, перемазанный зеленой тиной. Увидев Аню, она спрятала было сачок за спину, но потом передумала и стала небрежно им поигрывать.

- Эй, ты, как там тебя? Анна, кажется? Мой папа велел подобрать для тебя комнату. Идем выбирать!

- Спасибо, Юля. Пойдем.

- Погоди, я только сачок на место уберу.

Она пошла к широкой мраморной лестнице, плавной дугой поднимавшейся из холла на верхние этажи дома. Аня послушно шла за ней. Под лестницей оказалась дверь. Юлька открыла ее. Там была небольшая комната с узким окном, забранном решеткой, - кладовая; в ней стоял большой шкаф, а рядом с ним несколько пар лыж и удочки. Юлька поставила свой сачок рядом с удочками и закрыла дверь.

- Пойдем, что ли, походим по дому, подыщем для тебя подходящее жилье. Тебе ведь ничего особенного, как я понимаю, не надо: к комфорту ты у себя в Пскове не привыкла, вещей у тебя

почти нет, да ты к нам и ненадолго. Верно?

- Не знаю. Папа хочет, чтобы я насовсем осталась...

- А ты?

- А я хочу вернуться в Псков, к моей бабушке, жить у себя дома, ходить в свою школу...

- В школу! - фыркнула Юлька. - Могу себе представить, какие школы у вас в Пскове!

- Обыкновенные школы, - спокойно ответила Аня.

- Вот именно, обыкновенные. А я учусь в лицее. У нас, между прочим, два иностранных языка - английский и немецкий.

- У нас в школе тоже иностранный язык английский, а немецкому меня учит бабушка. Если хочешь, мы можем с тобой тренироваться, чтобы ничего не забыть за каникулы.

- Вот еще - летом заниматься! Так и крыша поехать может. И вообще, чего это ты тут разболталась? Делом надо заниматься - комнату тебе подыскивать!

- Извини, - немножко удивленно сказала Аня.

- То-то! В общем, так: внизу у нас холл, столовая, кухня, зал для приемов, библиотека и комнаты для гостей. Третий этаж не достроен, и соваться тебе туда нечего. Там только Акопчик с Павлушей живут.

- Это кто такие - Акопчик и Павлуша?

- Тупость какая - два имени не запомнить! Как же ты языки учишь? Акопчик - папин секретарь, Павлуша - начальник охраны. Ты же с ними вместе завтракала!

- Вот как...

- Вот так! Наша семья занимает второй этаж. Ты теперь временный член семьи, так что мы сразу пойдем на второй.

Они поднялись на второй этаж. По обе стороны от лестничной площадки тянулся широкий коридор с двумя большими окнами по обоим концам.

- В той половине по левой стороне папина спальня, гардеробная и ванная комната. По правой - папин кабинет, его малая гостиная и кабинет Акопчика. Туда тебе лучше вообще не ходить: мой папа не любит, когда ему мешают отдыхать и работать. Здесь слева комнаты Жанны и ванная, которой она пользуется, а правая сторона - моя! Между прочим, Жанна не разрешает никому пользоваться ее ванной, а в мою ванную проход только через мою комнату. Но ты можешь мыться и пользоваться туалетом на первом этаже или на третьем.

- Спасибо.

- Вот тут моя комната! - Юлька распахнула дверь своей комнаты и тут же ее захлопнула; Аня успела только заметить какой-то пестрый хаос на полу. Открыв дверь в совершенно пустую комнату рядом со своей, Юлька сказала:

- А здесь моя гостиная. Мебели в ней пока еще нет, но папа обещал к моему дню рождения все

купить. Здесь мы будем собираться с моими друзьями на пати... Пошли дальше!

Ткнув пальцем в комнату по правую сторону от ее собственной, но не открывая ее, Юлька сказала:

- В этой комнате временно сложены вещи, которые потом уйдут на третий этаж. Видишь, какая у нас теснота? Просто не представляю, куда тебя сунуть, сестрица...

- Может, мне остаться пока внизу?

- Нет! Моему папочке может не понравиться, если ты займешь одну из комнат для гостей, ты же вроде как родственница.

- Тогда, может быть, я поживу пока в той комнате под лестницей?

- Что-то не пойму, про какую комнату ты говоришь?

- Про ту маленькую, под лестницей. Куда ты поставила сачок, которым лягушек ловила. Там есть окно и можно поставить раскладушку...

- А, так ты хочешь устроиться в чулане под лестницей, как Гарри Поттер? - прищурившись, спросила Юлька.

- Как кто?

- Ты что, валенок псковский, не знаешь, кто такой Гарри Поттер?

- Не знаю.

- Ну, этого, конечно, следовало ожидать. Но ты подала мне идею. Иди сюда!

В самом дальнем конце Юлькиного коридора была еще одна дверь, пониже и поуже других. Юлька ее распахнула и сделала приглашающий жест. Аня подошла и заглянула. За дверью оказалась крохотная комнатка с таким же длинным узким окном, как в чулане под лестницей, только без решетки. Вдоль одной из стен комнаты были аккуратно расставлены тазы, ведра, щетки и швабры, стоял стеллаж с различными моющими средствами, а также целая выставка пылесосов - от совсем крохотного до большущего пылесоса для паровой чистки.

- Как тебе это помещение? Годится?

- Почему нет? Очень даже уютная комнатка. И чистая.

- Еще бы не чистая! Тут наша уборщица Екатерина Ивановна держит свой инструмент для работы.

- Может быть, мы прямо сейчас все это перенесем отсюда куда-нибудь?

- Что перенесем? Куда перенесем?

- Ну, все это - ведра, швабры, пылесосы... Например, вниз, в тот чулан под лестницей?

- Что ты, что ты, сестрица! Нельзя здесь ничего трогать без разрешения Екатерины Ивановны. Ты знаешь, кто такая наша уборщица?

- Кто?
- Бывший директор школы!
- Директор школы - уборщица? - удивилась Аня.
- Ну да!
- Почему же она работает у вас уборщицей?
- Откуда я знаю? Может, ей пенсии не хватает. Она такая строгая, просто ужас! Ее даже Жанна побаивается. Нельзя без разрешения трогать ее рабочий инструмент!
- Так давай спросим у нее разрешения.
- Спросим. Если она разрешит, то, конечно, мы сразу же уберем все эти тазы и швабры, чтобы тебе было уютней.
- Спасибо, Юля. А когда можно увидеть Екатерину Ивановну, чтобы попросить разрешения снести все отсюда вниз?
- Через месяц. Она ушла в отпуск. Ее замещает девушка Таня, но девушка Таня ничего не решает - она тут временная, как и ты. А что такое, в чем, собственно, проблема? Неужели тебе помешает, что в твоей комнате будет стоять пара-другая пылесосов?
- Да, в общем, нет...
- Вот и прекрасно! Раскладушку тебе Павлушины ребята принесут, я распоряжусь. Заодно перенесут сюда твои вещи и какой-нибудь стул прихватят. А пока ты можешь и так посидеть. Переверни ведро и садись!
- Я сама перенесу свои вещи.
- И отлично сделаешь. Ну, не скучай! А я побежала, меня друзья в бассейне ждут. Чао, сестрица!

Юлька убежала, что-то весело напевая. И опять Аня не удержалась: она перевернула ведро, села на него и заплакала.

Ангел Иоанн стоял рядом и уговаривал:

- Не плачь, Аннушка! Не плачь, моя хорошая! Посмотри - вон синичка села на карниз, в окошко к тебе заглядывает. Ты только послушай, Аннушка, что она тебе поет! Она на тебя поглядывает и учит: «Кре-пись, мо-лись! Кре-пись, мо-лись!».

Аня подняла голову, поглядела на синичку на карнизе, кивнула ей и вытерла слезы.

За ужином Мишин спросил:

- Ну как, девочки, устроили Аннушку?
- Прекрасно устроили, папочка! - поторопилась ответить Юлька. - Она выбрала комнату почти рядом с моей.

- Вот и хорошо, - сказал Мишин. - Я так и думал. Тебе там удобно, Аннушка, у тебя там все есть для жизни?

- Да, папочка, все есть, и даже много лишнего. Может...

- Устал, Митенька? - ласково и громко спросила Жанна, пододвигая Мишину салат. - Тебе, наверно, не до разговоров. Девочки, дайте же папочке спокойно поужинать!

Юлька и Аня послушно замолчали.

Глава 5

Вот так, прямо скажем, не очень весело началась жизнь Ани в доме отца. Утром она старалась встать пораньше, чтобы успеть покинуть свой чулан, не попадаясь на глаза Юльке.

За завтраком Юлька что-то весело щебетала, так что вечно занятый Мишин был уверен, что сестры ладили и все у них в порядке. Рассказывая о своих планах на день, Юлька всегда говорила «мы пойдем в кино», «мы пойдем на залив купаться», и Мишин был уверен, что она говорит о себе и о сестре. На самом деле это «мы» относилось к Юльке и ее друзьям, но никак не к Ане.

Жанна при Мишине и других обитателях дома была с обеими девочками одинаково ласкова, а при редких случайных встречах с Аней в доме или в саду молча проходила мимо нее, как мимо пустого места.

Аня в общем-то и одна не скучала. Она гуляла в большом саду Мишиных, читала. В доме оказалась прекрасная библиотека со множеством книжных шкафов, с удобными мягкими кожаными диванами и креслами, с видами старого Петербурга на стенах. Аня любила сидеть там в тишине и читать, забравшись с ногами на диван. Библиотекой никто в доме не пользовался, но Акоп Спартакович по распоряжению Мишина регулярно покупал и выписывал все литературные новинки. Детских книг в библиотеке не было, они стояли у Юльки в комнате, но когда Аня спросила Юльку, нельзя ли ей их поглядеть, Юлька ответила резким отказом, сославшись на беспорядок. Зато на полках библиотеки была вся русская и зарубежная классика, так что без книг Аня не осталась.

Акоп Спартакович заметил, что Аня проводит целые часы в библиотеке, и при следующей покупке книг он купил несколько томов Даррелла.

У Акопа Спартаковича, человека крещеного и даже иногда заглядывающего в церковь - постоять минут десять, вздохнуть о грехах, свечку поставить, - был свой Ангел Хранитель по имени Акопус. Ангел был обыкновенный, Ангел как Ангел, только кудри у него были черные. Он и подсказал ему купить книги для одинокой девочки. Это было вчера.

- Я вспомнил, как вы в первый день подружились с лягушатами, и решил, что вам должны нравиться книги о животных. Я угадал?

- Да, дядя Акоп. Спасибо вам большое!

- Читайте на здоровье, Анна Дмитриевна!

Но, выходя из библиотеки, Акоп Спартакович вдруг остановился в дверях и задумался.

А еще у Акопа Спартаковича, кроме Ангела Хранителя Акопуса, был свой персональный бес по имени Недокоп, или Недокопка, как его звали другие бесы. Это был мелкий черный бес с круглыми зелеными глазами на стебельках и огромнейшими ушами, свисавшими до колен. Немыслимые эти уши украшали сотни серебряных и медных колец, в то время как у Акопа было всего лишь одно скромное серебряное колечко в правом ухе. Бес Недокопка ужасно любил подглядывать и подслушивать «в пользу» своего подопечного, а потом нашептывать ему всякие пакости. Дело в том, что характер у молодого человека был в высшей степени неустойчивый: если один день он слушал своего Ангела Хранителя Акопуса, то на другой день прислушивался к бесу Недокопке, если вчера был в церкви, то сегодня шел в казино. Так и шла его жизнь, полосатая как зебра: день светлый – день черный. Идею купить книги для Ани подсказал ему Ангел Акопус, но это было вчера – вчера был Ангельский день. Сегодня Акопа Спартаковича направлял Недокопка, и он тут же постарался поправить дело, подсказанное Хранителем: подскочил к подопечному и начал что-то шептать ему на ухо.

- А угадал – значит и угодил, – задумчиво сказал Акоп Спартакович.

- Угодили, дядя Акоп.

- Не забудь сказать об этом боссу.

- Кому сказать?

- Нашему боссу Дмитрию Сергеевичу Мишину.

- А, папе... Хорошо, я скажу. – Ане стало грустно, что такой чудесный подарок Акопа Спартаковича оказался небескорыстным.

Как-то в библиотеку заглянула Жанна, увидела Аню, уютно устроившуюся с книгой на диване, и, как всегда, ничего не сказала. Но уже через полчаса в библиотеку явилась Юлька.

- Читаешь, сестрица?

- Читаю, сестра.

- Я тебе не помешаю, если тоже устроюсь здесь?

- Конечно, нет! А что у тебя за книга?

- Это «Агата Кристи».

- Ты любишь детективы?

- Валенок! «Агата Кристи» – это группа такая. Я буду музыку слушать.

Она включила телевизор, сунула DVD-диск в приставку и уселась напротив в кресло. Она ткнула в кнопку дистанционного управления, и тихая доселе библиотека будто взорвалась грохотом Юлькиной музыки.

В библиотеку через окна, вентиляционные отверстия и жерло камина так и посыпались бесы, привлеченные звуками любимой музыки. Они пустились плясать, кривляясь, вертяться и прыгая. Домовой Михрютка подпрыгивал на своих восьми лапах выше всех, даже выше Прыгуна, и при этом еще истошно мяукал по-кошачьи и плевался – в сторону Ани. Но рядом с Аней стоял Иоанн, и поэтому Михрютка плевал только издали и попасть в Аню никак не мог, а попадал все

на своих партнеров по танцам. Те, естественно, в долгу не оставались, пинали домового копытами, лапами и хвостами. Визги и крики бесов вплетались в музыку, но Юлька, кажется, этого совсем не замечала.

Аня тоже не замечала бесов, просто Юлькина музыка ей очень не понравилась. Минуты три она терпела, но, убедившись, что сестра и не думает убавлять звук, молча взяла свою книжку и отправилась читать в сад.

- Правильно сделала, детка, - похвалил ее Хранитель Иоанн, идя за нею в сад. - Эта музыка не для хороших девочек.

- Жанночка, ты мне проспорила! - сказала Юлька Жанне, вбегая к ней в будуар. - Наша псковитянка удрала не через десять минут, а через три. Что бы еще такое выдумать, а?

- Отстань. Сама думай!

- Подскажи, Жанна!

- Нет, моя дорогая, ты же знаешь, что я принципиально в твоей игре против сестры не участвую. Не хватало мне услышать от Мишина, что я ссору родных сестричек!

- Но ты же мне так хорошо подсказала с этой музыкой!

- Ничего я тебе не подсказывала и не собираюсь подсказывать. Я просто предположила, что Анна Мишина навряд ли больше десяти минут выдержит музыку, от которой ты так тащишься.

- Предположи еще что-нибудь, будь солнышком, Жанчик!

Из-за угла шкафа высунулась ухмыляющаяся черная морда ящера. Жанна незаметно для Юльки показала бесу кулак - «не тебя!». Жан исчез.

- Не буду. Это твоя проблема - портить жизнь сестре.

- Ежа ей в постель подсунуть?

- Она ему только обрадуется, ей как раз не хватает приятелей. Вспомни про лягушат!

- Цветочный горшок я на нее с лестницы роняла, водой из окна обливала, расческу ее клеем обмазывала...

- Горшок мимо пролетел, ты только цветок зря загубила. Воды она не боится, а расческа к раковине приклеилась, так что она ее и в руки взять не смогла. Акопчик новую ей купил.

- А он не догадался, кто Анькину расческу клеем вымазал?

- Нет, я ему сказала, что заклеивала над раковиной треснувшую заколку для волос, а расческа Анны там лежала - наверно, я на нее нечаянно и капнула клеем.

- Жанчик, что бы я без тебя делала?

Жан опять вопросительно высунулся из-за двери и снова исчез, когда Жанна махнула на него рукой.

- Юлия, сколько раз я просила тебя не называть меня Жанчиком?

- Больше не буду, Жанчик... Ой, прости! Но спасибо, что выручила с расческой, - и Юлька убежала по своим делам, а Жанна задумалась.

- Хочешь использовать ее нелюбовь к сестре? - спросил Жан.

- Угу. Почему бы мне ее не использовать в борьбе за свои права? Разве я не права?

- Ты права. Да здравствуют бесчеловечные средства в борьбе за права человека.

- Отвяжись!

- Ни за что и никогда - до самого твоего Перехода! А там, Жанночка, обниму я тебя крепко-крепко, и покатаемся мы с тобой с крутой горки твоих грехов как на саночках - и прямо в преисподнюю!

- Отстань со своими глупостями, ты мешаешь мне думать.

- Это не глупости, отнюдь! Это наше с тобой общее темное будущее, Жанна.

- Ты никак меня адом пугать надумал, Жанчик?

- Нет, это я просто мечтаю вслух. Я знаю, что адом тебя не испугаешь, ты ведь его представляешь чем-то вроде вечной дискотеки.

- А разве это не так?

- Почти так, только с одной поправкой: музыка для всех, но не все под нее танцуют. Но ты пока не думай об этом, Жанна, головку свою красивенькую не утруждай. Ты лучше поразмысли о том, как заставить сестричек друг дружку извести.

- Вот я и пытаюсь.

- У тебя получится, я в тебя верю.

- Спасибо, бес.

- Жанна! Я уже просил тебя не употреблять со мной это нелепое слово благодарности.

- Прости, я совсем забыла, что «спасибо» означает «Спаси Бог». Но это же предрассудки!

- Жанна! - Жан содрогнулся, скрючился, схватился обеими руками за свой черный живот и исчез.

- Подумаешь, нежности! - фыркнула Жанна.

Юлька решила точно узнать, что думает папа делать дальше с этой несносной псковской сестрой. Она выбрала момент, когда он был один у себя в кабинете, подкралась к нему, свернулась котенком у него на коленях, приласкалась, а потом начала потихоньку выпрашивать, надолго ли Аня приехала к ним в гости?

- А что? Боишься, что она уедет обратно в Псков? Не волнуйся, дочка. Скорее всего, она останется жить с нами и будет ходить вместе с тобой в лицей. Ты довольна?

- Еще как! - воскликнула Юлька, спрыгивая с папиных колен и бросаясь к двери.

«Ишь, обрадовалась», - подумал Мишин и снова углубился в свои бумаги.

- Жанна, Жанна! Какой ужас! - вскричала Юлька, вбегая к Жанне и бросаясь на диван.

- Что случилось, зайка? - равнодушно спросила Жанна, не поднимая головы от старинной толстой книги в кожаном переплете с медными застежками.

- Папа сказал, что эта ведьма останется навсегда с нами жить!

- Какая ведьма? - Жанна оторвалась от книги и удивленно поглядела на Юльку.

- Да сестрица моя псковская!

- Ну, зайка, знаешь... Ты все-таки выбирай выражения. Ведьма... Скажешь тоже!

- Это ты мне лучше скажи, как ее отсюда выжить?

- Не знаю, милочка, не знаю. Но все твои детские злодейства против терпения и смирения твоей сестры бессильны, вот это я тебе точно скажу. И знаешь что еще? Запомни хорошо мои слова: тебе от сестры не избавиться до тех пор, пока от нее не захочет избавиться сам Мишин.

- Не захочет он от нее избавляться, ведь она его любит, дрянь такая! И все кругом видят, что папка любит ее не меньше, чем основную дочь! Он никогда на нее не сердится! Никогда, никогда, никогда! - Юлька яростно заколотила ногами по дивану.

- Не обязательно сердиться. Можно, наоборот, захотеть избавиться от ребенка в доме по большой любви к нему.

- Это как?

- Если в доме ребенку угрожает серьезная опасность.

- Например?

- Недавно у одного бизнесмена выкрали сына и потребовали миллион зелененьких. Киднеппинг называется. Папаша выплатил миллион, получил сына назад и тут же отправил его учиться за границу - для безопасности. В привилегированную школу, между прочим.

- В Итон? В Харроу? - благоговейно спросила Юлька.

- Нет, не в Итон и не в Харроу - в Олдбекон. Это тоже очень хорошая школа, хотя и менее знаменитая.

Жанна только забыла добавить, что Олдбекон - тайная колдовская школа для мальчиков. Богатый бизнесмен сумел туда пристроить сынка за большую взятку. Он думал, что, овладев тайными науками, сын станет ему незаменимым помощником в делах: сумеет без труда завоевывать дружбу нужных людей, читать и направлять мысли конкурентов и партнеров в желательную сторону. Вышло иначе: за годы обучения в Олдбеконе беднягу превратили во что-то столь злобно-непотребное, что теперь родной отец отказывается брать мальчишку-колдуна домой на каникулы. Ничего этого Жанна Юльке, конечно, не сказала.

- Но я вовсе не хочу, чтобы папочка отправлял эту дуру учиться за границу! Я как раз сама хочу поехать учиться в Англию!

- Видишь ли, дорогая, у того бизнесмена не оказалось тещи в Пскове, а то не пришлось бы тратиться на закрытую школу в Англии: отправил бы мальчика к бабушке, и дело с концом.

- Поняла, все поняла! Нет, но какая же ты умная, Жанна! Спасибо за совет!

- Я тебе ничего не советовала, дорогая. Я просто рассказала тебе историю, которую прочитала недавно в журнале «Домовой».

- Ты - золото, моя добрая, умная и любимая мачеха! Пока, Жанночка! Мне надо бежать к ребятам!

- Иди, милочка. Целую.

- А что это за журнал такой - «До-мовой»? Для нас, что ли, выпускают? - спросил Михрютка.

- Да нет, это так называется журнал для «новых русских», - ответил Жан.

- Ишь как назвали! Уважают, значит, они нас, домовых?

- Это мы им подсказали, а они по глупости и выставили сей титул на обложку. Не могли же мы им предложить назвать журнал просто «Бес»? Однако наша Жанночка действительно ума палата! Теперь Юлька начнет киднеппинг организовывать. Надо будет помочь нашей озорнице...

- Обязательно поможем, как не помочь такой чудесной девочке! Как она сестричку-то возненавидела, а? Лютой ненавистью! Прелесть девочка, настоящий бесенок.

- Михрютка! - позвала Жанна.

- Я здесь, хозяйка! - материализовался Михрютка.

- Следи за девчонкой и обо всем мне докладывай.

- За которой?

- За обеими, пуфик ты мой колченогий!

- Слушаюсь, хозяйка! - Наполовину обиженный, наполовину обласканный Михрютка исчез.

К вечеру того же дня в кафе яхт-клуба Юлька держала тайный совет с друзьями. Присутствовали она, Юрик, Гуля и Кира. Присутствовал еще один человек, но он присоединился чуть попозже.

Все приставленные к подросткам бесы тоже собрались в кафе, поскольку Прыгун обещал им на ужин редкое лакомство, значившееся в бесовской кулинарной книге - представьте, есть такая! - в разделе «Детская преступность». Бесы ему не очень поверили, они знали своих подопечных и на особо лакомые грехи не рассчитывали, а тут на тебе - настоящее уголовное преступление! Но на всякий случай явились и к беседе подростков прислушивались с большим вниманием.

- Ну и как же ты себе представляешь свой киднеппинг? - спросил Юрик, когда Юлька поведала друзьям о своем плане.

- Очень просто. Знаете старый сарай на территории гребного клуба «Лига»?

- Знаем.
- Тебе, Юрик, завтра надо пойти туда и сбить замок, но аккуратно, чтобы потом можно было навесить новый. Ты, Гуля, купи в хозяйственном магазине большой замок: скажи, что тебе для дачного сарая нужен. Ты, Кира, отнеси туда охапки две сена...
- Я что, косить его должна? Я не умею...
- Ну что ты, Кира. Сено должно быть сухое, а не свежее - мне же на нем спать! Ты можешь его в зоомагазине купить, его для кроликов и черепах продают. А ты, Гуля, еще достань два спальных мешка.
- А откуда у меня спальники? Я не туристка.
- Юрик, у тебя есть спальные мешки?
- Один есть.
- Тогда возьми мешки на себя. Раздобудь второй и отнеси в сарай. Гуле как специалистке я поручаю продовольствие. Еду надо сложить в сумку для пикников, чтобы не испортилась, сейчас жарко. У нас есть такая. Хотя нет, нашу нельзя брать, ее папа потом узнать может. Придется купить новую - вот и непредвиденные расходы начинаются!
- Любой бизнес требует вложения первоначального капитала, - солидно заметил Юрик.
- Это верно, - вздохнула Юлька. - Зайдем ко мне, Гуля, когда пойдем отсюда, я тебе дам деньги на все покупки.
- Да ну, еще, в натуре, тащиться к тебе за деньгами. На свои куплю.
- А у тебя есть?
- Целая, типа, куча. Даже две кучи: бабушка и дедушка оба мне деньги суют, а на что их конкретно тратить - не говорят. Не жалеют меня, типа, сироту!
- Хорошо, мы тебе поможем. Купи побольше еды, сложи в сумку и отнеси ее в старый сарай.
- Только мне стрёмно идти туда одной с тяжелой сумкой: этот, типа, сарай весь кустами и крапивой зарос, и ваще там люди не гуляют.
- Моя, типа, телка правду базарит, - заметила Брюха и облизнулась, предвкушая Гулины страхи, когда та начнет пробираться к сараю. - Стрёмное место!
- А мне у сарайчика нравится, у сарайчика страшненько, - сказал Нулёк. - Может, мы там заодно пикничок уст-роим?
- Можно, но только уже после киднеппинга, - согласилась Барби. - Хорошее местечко у старого сарая, уютное - пусто, сумрачно, крапивно. Каждый год там кого-то или убьют, или разденут, или все вместе.
- Вот и хорошо, что там люди не ходят, а то Анька может со страху развопиться. С тобой Юрик пойдет, он спальники понесет и тебе сумку тащить поможет. Сходишь, Юрик?
- Схожу.

- А ты, Гуля, пепси купи побольше, ладно?

- Ладно.

- Так. Как будто с этим все... Завтра же я сочиню для папы письмо с требованием выкупа и отпечатаю его на Жаннином компьютере.

- А мне что, только сеном заниматься? Я вам что - фермерша? - спросила Кира.

- У тебя будет самая главная задача, Кира. Ты послезавтра к вечеру, когда мы с сестрицей будем уже в похищении, зайдешь к нам домой, поднимешься будто бы ко мне и подсунешь письмо под дверь папиного кабинета. На тебя никто внимания не обратит, ты у меня каждый день бываешь.

- А что в письме будет? - спросила Кира.

- Обычное требование выкупа: «Господин Мишин, если вам дорога жизнь ваших дочерей Юлии и Анны, внесите нам за них выкуп». И сумма.

- Какая сумма? - живо поинтересовался Юрик.

- Я еще не решила. Давайте обсудим.

- Ты это... не собираешься родного шнурка подставить по-крупному? - нахмурила белые бровки Гуля.

- Конечно, нет!

- Но ведь и по сто баксов за сестру ты с него тоже не возьмешь? - иронически спросил Юрик. - Надеюсь, ты себя дороже ценишь.

- Конечно! Сто баксов я и так с него беру каждую субботу - это мои карманные деньги. Если потребовать по тысяче баксов за каждую дочь, папка подумает, что ему пишут не гангстеры, а мелкая шпана, и еще заявит в милицию.

- Тысяча баксов - это несерьезно, - согласился Юрик.

Под распахнутым окном кафе в густых кустах благоухающей сирени отдыхал после двух суток изнурительного и упорного пьянства местный бомж, пьяница и хулиган Михаил Елизаров по прозвищу Бульдозер. Ему уже давно мешали спать голоса ребят, становившиеся все громче и громче, но он устроился в сиреневых зарослях всего только час назад, и ему лень было вставать и идти искать более спокойное место. Он понял, что заснуть ему не удастся, пока ребята не уйдут из кафе, и поневоле стал прислушиваться к их разговору. Последние фразы разбередили его сердце: «Людам опохмелиться не на что, а для них тысяча баксов - «это несерьезно»! У-у, блин, так бы и придушил...». И он стал злобно слушать дальше, проклиная свою горькую судьбу, вынудившую его на всем острове выбрать для ночлега именно это место, где его раздражают такими разговорами.

На самом деле Бульдозеру надо было не проклинать, а благодарить, и не судьбу, а Жана с Михрюткой, которые, подталкивая и нашептывая, всех их направляли: Юльку с компанией со стороны виллы Мишина и Бульдозера со стороны пивного киоска навстречу друг другу. И встреча эта благополучно состоялась. Теперь Жан и Михрютка сидели, невидимые, на травке рядом с негодующим бомжом и внимательно следили как за беседой подростков, так и за

размышлениями Бульдозера.

Хранитель Юлиус парил довольно высоко над крышей кафе. Видя свою Юльку в обычной компании друзей, он особенно не волновался – так, наблюдал издали. И зря он, конечно, не волновался...

- Так на чем же ты остановилась? Сколько возьмешь с папочки? – спросила Кира.

- Я думаю затребовать с него по десять тысяч баксов за каждую.

- Нормально, – кивнул Юрик. – Не знаю, какие там расценки у настоящих мастеров киднеппинга, но для начинающих звучит солидно. Нам выходит по пять тысяч – это тоже хорошо.

«Ух ты! Двадцать тысяч баксов! Интересно, это за что же?» – Бульдозер по невежеству своему и понятия не имел, что это такое – киднеппинг.

«Ему надо объяснить, в чем суть дела», – подумал Жан и щелкнул пальцами. Из кончиков его когтей вылетели зеленые искры и полетели в направлении бесовки Барби. Кивнув своей полкой головкой, Барби подошла к подопечной, запустила свою крохотную ручку прямо внутрь Кириной головы и стала перемешивать ее мысли.

Кира вздрогнула, нахмурилась и спросила:

- Я вот только не пойму, а как произойдет само похищение? Что-то у меня в голове все перемешалось.

- Да очень просто. Весь завтрашний день я потрачу на то, чтобы подружиться с Анькой. К вечеру мы будем такими любящими сестрами, что папочка от радости начнет подпрыгивать. Послезавтра я отправлюсь с ней на прогулку, подведу ее к старому сараю и предложу его осмотреть.

- Так она тебе и полезет какой-то сарай осматривать! – засомневалась Кира.

- Ползет, ползет как миленькая! Я ей совру, что это не сарай, а заброшенная часовня, вот наша богомолка и клюнет. Как только мы окажемся внутри, ты, Юрик, подкрадешься и закроешь за нами дверь на замок.

- Ой, а там эти, типа, пауки и крысы! – заволновалась Гуля.

- Неважно, что пауки, а важно, что на окнах железные решетки! Значит, Юрик, ты нас запираешь, и после этого нам останется только подождать, пока папочка отнесет в условленное место выкуп. Как только деньги будут у вас, ты, Юрик, снова пойдешь к сараю и откроешь замок. Я подожду полчаса, будто бы опасаясь похитителей, а потом мы с сестрицей выйдем из сарая и отправимся домой. И после этого я еду учиться в Англию, а моя дорогая сестрица – в Псков, к бабушке!

- А ты собираешься в Англию?

- Угу. Жанна там подыскала для меня какую-то жутко привилегированную школу для особо одаренных девочек. Называется «Келпи».

- Это ты у нас – особо одаренная?

- Угу. Так мачеха говорит. Это школа для духовно продвинутых.
- Келпи – это школа для маленьких ведьм, – пояснил Прыгун. – Я тоже с Юлькой туда поеду, буду присматривать за ней.
- Завидую, в натуре, – честно призналась Брюха. – Хотя я предпочла бы Брокен в Германии. Классная школа ведьм!
- У твоей ума не хватит учиться ни в Келпи, ни в Брокене, – сгорая от зависти, заявила Барби. – Вот у моей данные есть.
- Зато денег нет!
- Кому что дано, – философски заметил Нулёк. – Не ссорьтесь, девочки.
- Учти, что до отъезда в Англию тебя твой папик без охраны даже в бассейн конкретно не пустит, – предупредила Юльку Гуля.
- Потерплю до Англии, там бассейны лучше!
- А тебе не жаль будет с нами расстаться? – спросила Кира: ей-то ехать учиться за границу не светило.
- Перебьюсь! И вы перебьетесь: получите каждый четвертую часть выкупа, и любые слезы разлуки моментально высохнут!
- Я на свои пять тысяч баксов обновлю к осени свой гардероб, – мечтательно сказала Кира. – Гуля свои наполовину проест, наполовину растеряет, а ты, Юрик?
- Я положу на свой гамбургский счет. А ты сама, Юлька?
- Я свою долю приберегу для Англии.
- Ну и правильно, – одобрила Кира.
- Постойте, девчонки! – сказал Юрик. – Юлька, а ты уже нашла место, куда твой клиент должен принести деньги?
- Ну, это самое простое! Вот хотя бы... вот эти часы!

В углу кафе, исключительно для интерьера, стояли старинные напольные часы с боем, которые уже при советской власти не били и не ходили.

- Я напишу, чтобы клиент принес пакет с деньгами к открытию кафе, когда здесь еще никого нет, заказал мороженое, а когда официантка пойдет за ним, открыл дверцу и опустил пакет на дно часов. Вы из кустов следите за папой, и как только он уйдет, вы заходите в кафе, занимаете столик рядом с часами и, выбрав момент, забираете деньги. И все! Дело сделано!

Да, еще одну записку напиши ты, Гуля, для нас с Анькой и положи ее в сумку: «Девочки Мишины, не волнуйтесь, вас похитили, сидите тихо, а то хуже будет». Как бы для нашего успокоения. Напишешь, Гуля?

- Напишу, ладно уж...

- Ну вот, кажется, и все. За работу, ребята! Киднеппинг начинается!

- Класс! - хором сказали Юлькины друзья.

«Класс! - подтвердил мысленно Буль- дозер. - Только пока вы будете из кустов следить за кафе и за вашим клиентом, я уже буду в кафе. Зайду туда с утра, спрячусь в туалете и буду подглядывать: как только клиент деньги принесет, я заберу пакет из часов и через кухню выйду в новую светлую жизнь! Двадцать тысяч баксов... Квартиру куплю, машину куплю... Да я галстук куплю!».

Ребята расплатились и покинули кафе.

За ними шла довольная четверка бесов: в этот вечер их подопечные, сами того не понимая, действительно пополнили ряды малолетних преступников. Прыгун своих собратьев не обманул, они за этот вечер до отвала напитались скверными намерениями подопечных, а впереди их ожидал самый настоящий пир!

Бульдозер привстал и выглянул из кустов сирени: любопытно ему было взглянуть на мелких, но шустрых малолетних «новых русских». Поглядев на них издали, он плюнул и снова улегся под душистой сиренью. Он отдыхал, мечтал, он размышлял, а потом принялся подсчитывать: «Квартира, если приличная, стоит не меньше пятнадцати тысяч, машина - пять... А как это дело отпраздновать, а выпить на что?! Нет в жизни счастья! Эти «новые русские» так и норовят рабочего человека ограбить!».

Надо честно сказать, что рабочим человеком Бульдозер отродясь не был, а если когда и работал, то только на зоне, куда как-то залетел на годик за пьяную драку. Однако теперь он и впрямь решил потрудиться. Он нехотя поднялся на ноги и побрел к старому сараю в гребном клубе - осматривать место будущего преступления, благо все еще было светло как днем.

- Порядок! - сказал Жан Михрютке, и они полетели к Жанне - доложить, что ее личный план проведения киднеппинга уже начал срабатывать - Бульдозер клюнул.

Глава 6

Утром следующего дня Аня проснулась, почувствовав во сне чей-то взгляд. Она открыла глаза и увидела, что на спинке ее кровати сидит Юлька в голубой шелковой пижамке.

- Привет! - сказала Юлька. - Наконец-то соизволила глаза открыть. Я уже, наверно, целый час тут сижу и жду, когда моя сестрица проснется.

- Юля? Доброе утро, Юля. А что ж ты меня не разбудила?

- Еще чего! Я все эти дни устраивала тебе достаточно пакостей, но на такую - будить тебя, когда ты так сладко спишь, я не способна. Я мириться пришла.

- Я с тобой не ссорилась, Юля.

- Ну, обижалась ведь?

- Обижалась, был грех, - вздохнула Аня. - За это прости меня, сестра!

- Ну ты даешь! Это за что же ты-то у меня прощения просишь?
- А за то, что обижалась. Я должна была сразу понять, что с тобой происходит.
- А что такое со мной происходит? - насторожилась Юлька.
- Я все понимаю, Юленька. Тебе нелегко так сразу привыкнуть к тому, что наш папа будет любить теперь не тебя одну, а нас обеих.
- Ладно, давай просто замнем. Я-то у тебя прощения просить не собираюсь.
- А я тебя и так сразу простила, как только поняла, в чем дело. Знаешь, я всегда так мечтала иметь сестру, так завидовала девчонкам, у которых есть сестры!...
- Да ну? А я всегда хотела быть одна, чтобы все - мне одной, мне, любимой! Но теперь я решила, что неплохо иметь сестру. В общем, давай поднимайся и пойдем ко мне.
- Зачем?
- Как это зачем? Вещи твои перенесем ко мне в комнату. Потом позавтракаем и гулять отправимся. Я тебе наш остров покажу, в бассейн ходим. Где твои домашние туфли?
- Ты знаешь, я их в спешке дома оставила, в Пскове.
- Твой дом теперь тут! Ну-ка, надевай мои, - и Юлька сбросила с ног домашние туфли в виде двух лохматых белых щенков.
- Ой, какие тапочки-лапочки! - умилилась Аня, разглядывая смешные домашние туфли.
- Нравятся?
- Очень!
- Дарю, сестра!
- Я бы отказалась, но сил нет! - ответила Аня, улыбаясь и надевая на ноги туфельных щенков. Ее не столько тапочки обрадовали, сколько само событие: ее сестра сделала ей первый подарок!
- Ну вот, поднялась наконец. Пошли!
- Подожди, куда ты так спешишь? Я должна принять душ, прочитать утренние молитвы, сделать зарядку...
- Душ мы можем вместе принять у меня, зарядка отменяется - мы сегодня в бассейн идем, а молитвы и вовсе не обязательно читать.
- Это верно, - заметил подслушивающий за дверью Михрютка.
- Нет уж, ты прости, Юля, но без утренней молитвы день начинать нельзя - все кувырком пойдет.
- Это верно, - заметил Иоанн, сидевший на подоконнике распахнутого окна. Юлиус, примостившийся на карнизе того же окна снаружи, согласно кивнул и сказал:

- Вот бы твоя мою с собой молиться позвала!

- Ты уж очень многого сразу хочешь, брат. Не думаю, что твоя Юлия уже созрела для этого. Но попытаться можно, отчего нет? Я шепну Аннушке.

- Благодарствуй, брат!

- Ах, ну да, - вспомнила Юлька, - Жанна говорила мне, что ты богомолка. Хорошо, побежали вместе под душ, а потом ты читай свои молитвы, а я буду делом заниматься - найду для тебя одежду.

- У меня есть одежда. Вот - джинсы, майки, а еще у меня с собой платье, сарафан, юбка и две блузки, а для плохой погоды еще свитер и куртка. Вот сколько я всего привезла! Это все бабушка: нехорошо, говорит, отца вводить в лишние расходы.

- Покажи!

Аня встала, достала из-под кровати сумку, вытащила ее на середину комнаты и раскрыла.

- Вот, смотри, это все одежда.

Юлька мигом перетряхнула скромные Анины пожитки.

- Так, с псковскими модами все ясно. Это не Париж! Совсем не Париж, а наоборот.

- Наоборот от Парижа это что - Дальний Восток?

- Вроде того. А в чемодане что - обувь?

- Обувь - под кроватью. Кроссовки. А в чемодане у меня книги, которые надо прочитать за лето.

- Отличница! - Юлька грозно и обличающе наставила на сестру палец.

- Так уж получилось... А у тебя что в школе?

- Сплошные тройки. Но учти, что школа особая, элитная - лицей! Не чета псковским ликбезам! А вообще-то я мечтаю учиться в Англии. Жанна обещает меня за этот год подготовить к поступлению в закрытую школу для девочек, «Келпи» называется. Это такая привилегированная школа, что о ней даже мало кто знает.

- А я мечтаю поскорей вернуться в Псков.

Как раз в этот момент бес Прыгун осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату - проверить, как там его подопечная угнетает сестрицу? На него пахло жарким светом: комната была за эти дни уже намолена Аней; на столе, прислоненные к стопке книг, стояли иконы, на подоконнике раскрытого окна сидел Ангел Иоанн, а за окном порхал Юлиус. Оба Ангела сияли, ведь их девочки впервые мирно беседовали друг с другом! Всего этого Прыгун выдержать не мог: он зажмурился, отшатнулся и плотно прикрыл за собой дверь. «Я лучше тут, в коридорчике погуляю», - сказал он себе.

Юлька призадумалась.

- А разве ты не собираешься насовсем у нас остаться?

- Я бы рада, и папа этого хочет, но я никак не могу, - вздохнула Аня. - У меня в Пскове бабушка осталась. Она болеет, ей помощница нужна. Я уже папе сказала, что к осени обязательно должна в Псков вернуться.

- Вот, значит, как. Уедешь, выходит, к осени... Сама...

- Почему сама? Папа отвезет, - удивилась Аня.

Юлька расстроилась. Это что же получается, надо отменять затею с киднеппингом? Но, во-первых, Юлька не любила менять свои планы, а во-вторых, ей не понравилось, что только что обретенная и горячо ненавидимая сестра вдруг возьмет и укатит по своей воле обратно к себе в Псков! А замечательная игра в киднеппинг, в которую Юлька уже втянула всех своих друзей, что же, из-за нее пойдет прахом? Это даже как-то и несправедливо получалось. Нет, решила Юлька, негодую на сестру, киднеппинг все равно должен состояться! Неожиданно у нее возникла еще одна обидная мысль.

- Слушай, Ань, а это что же получается: у тебя есть бабушка, а у меня нет?

- Почему у тебя нет? Бабушка Настя и твоя бабушка тоже.

- Она строгая?

- Строгая.

- Верующая?

- Очень верующая.

- Ну, мне такой не надо.

Аня хотела сказать, что никто бабушку Настю ей пока и не предлагает, но спохватилась и промолчала. А Юлька, тряхнув лохматой рыжей головой, спросила:

- Тут, кажется, кто-то в душ собирался? Ну так пошли!

- Погоди, мне еще надо халат достать, зубную щетку, полотенце. Они у меня тут, под матрасом.

- Под матрасом?

- А где мне их еще держать?

- Уборщица придет комнату убирать, увидит - стыда не оберешься. Сиротка-беспризорница, вещички под матрасом! Ты что, не могла стул принести и хотя бы на стул свое барахлишко сложить?

- И рассердить из-за какого-то стула мою грозную сестрицу?

- Да ладно тебе! Бери зубную щетку и пошли, а полотенце и халатов в ванной полно.

- Зачем мне чужой халат, когда у меня свой есть?

- Там нет чужих халатов, это же моя ванная. А с этого дня будет наша! Туда даже войти можно только через мою комнату. Здоровско, правда?

- Не знаю. Мне трудно сказать, у нас ведь не было ванны.
- Ка-ак? А где же вы мылись?
- Летом дома, в сараюшке. А когда холодно, в городскую баню ходили.
- Это вроде сауны, да? Удобно устроились: и мытье, и удовольствие!
- Да ты что, Юль? Неужели ты и вправду не знаешь, что такое городская общая баня? Покупаешь билет за десять рублей, стоишь в очереди, а потом идешь и моешься с другими женщинами и девочками, вот и все удовольствие.
- Разве это не весело?
- Да уж, весело. Особенно когда очередь на час. Ребенок ты, Юля.
- Ага, а ты, конечно, старше меня... Кстати, Ань, а кто из нас старше?
- Как это - «старше»? Мы же в один день родились, четырнадцатого июля.
- Да, но кто родился раньше?
- Разве это важно?
- Когда в королевской семье рождалась двойня, это было очень даже важно: родившийся первым становился наследником престола, а тот, кто опоздал хотя бы на одну минуточку, уже навсегда оставался только принцем.
- Подумать только, какая горестная судьба - всего лишь принцем! Хорошо, что мы родились не в королевской семье, а то хлопот не оберешься с этим престолонаследием.
- Точно. Но у кого бы все-таки узнать, кто из нас старше?
- Я знаю у кого - у бабушки Насти. Вот поставят ей телефон, она позвонит мне, и я спрошу.
- А ты знаешь, кто из них родился раньше? - спросил Ангела Иоанна Юлиус, в радости вьющийся перед распахнутым окном комнаты, как пчела перед цветком.
- Нет, брат, не знаю. Мы ведь слетели к ним только при крещении.
- Да, спроси, пожалуйста, у нашей бабушки. Я надеюсь, что старшая все-таки я... Ой, что ж это мы так заболтались? Все! Потопали в душ! - спохватилась Юлька. - И давай прихватим твой чемодан и сумку - чего им тут стоять?

Аня убрала иконы и книги в чемодан и сложила в сумку раскиданную Юлькой одежду. Девочки вдвоем ухватили чемодан за ручку и с трудом подняли его, а Юлька прихватила еще и Анину сумку.

- Умная у меня сестра, на каникулах книжки читает... Ты бы хоть не такие тяжелые выбирала! Счастье, что моя комната рядом. Заруливаем!

Ангел Иоанн двинулся за ними по коридору, а Хранитель Юлиус снаружи перелетел к окну Юлькиной комнаты.

Наглый Прыгун успел обскакать Иоанна: когда Ангел вслед за девочками подошел к Юлькиной комнате, бес уже стоял у двери на страже.

- Куда спешим? - поинтересовался он у Ангела, угрожающе наклоня рога, похожие на усы гигантского кузнечика.

- Иду за моей подопечной отроковицей Анной. Я ее Ангел Хранитель.

- Очень приятно, гм. Но и я, видишь ли, тут тоже не просто так околачиваюсь, а приглядываю за своей подопечной - отроковицей, как ты выражаешься, Юлией. Нахожусь здесь с самого ее детства, приставлен к должности низшим начальством, то есть пребываю на законных основаниях. А потому я не позволяю тебе войти в ее жилище.

- Так ведь и я не самозванец, а законный Хранитель, приставленный к рабе Божьей Анне с момента ее крещения. Между прочим, темный, у Юлии тоже имеется законный Ангел Хранитель Юлиус.

- Ну, это еще доказать надо!

За их полемикой с интересом наблюдал сверху Михрютка: он как раз пробежал по потолку коридора вниз головой и остановился послушать.

- Многих детей крестят, - нагло философствовал Прыгун, - да не всех в вере воспитывают. Юлька в вашего Хозяина не верит, и потому мы давно твоего Юлиуса на крышу к воробьям загнали. Дай срок, и тебя туда отправим. Между прочим, я что-то не слыхал, чтобы Юлькина сестра тебя вызывала, а я на слух пока не жалуясь. Так что в Юлькину комнату без особого приглашения ты не войдешь.

Ангел вспыхнул гневным светом - Прыгун отпрыгнул в сторону.

- Но-но, - прогнусавил он, - ты не очень-то иллюминируй, не у себя дома! Ишь, расслаился... Закон на моей стороне: не звали тебя - ну и не лезь! Можешь тут постоять, в коридорчике.

Ангелу Иоанну пришлось подчиниться.

- Молодец, Прыгун! - одобрил действия беса Михрютка. - Ишь, разлетался по всему дому, купидончик, фейерверки пускает! Огнетушителя на тебя нету, у-у-у! - И домовой, уцепившись за потолок четырьмя лапами, двумя другими парами погрозил Ангелу Иоанну. И тут же, стоило Ангелу искоса на него глянуть, сжался в комочек, чуть не свалился с потолка и в страхе помчался к ближайшей вентиляционной решетке.

- Ну, как тебе моя комната? - небрежно спросила Юля.

Аня испуганно огляделась и сказала:

- Ничего комната - большая, светлая...

- Большая! Светлая! - передразнила Юлька Аню. - Ты что, не видишь, как она обставлена?!

Комната у Юльки и в самом деле была обставлена по высшему мебельному классу: кровать с розовым шелковым балдахинном, огромный платяной шкаф-купе, совсем взрослый мраморный туалетный столик с огромным вращающимся зеркалом, уставленный баночками-тюбиками-коробочками, металлический письменный стол цвета «титан» и рядом такой же компьютерный

столик, телевизор с приставкой для DVD. Одну стену сплошь занимали стеклянные полки, укрепленные на серых металлических трубках: там были книги, игрушки, DVD-диски, «сидишки» и множество всяких безделушек. Но в каком все это было ужасающем беспорядке! На дне сухого аквариума лежал плюшевый тигренок в обнимку с бело-розовой кроссовкой, в углу стояла тарелка с недоеденным бутербродом...

- У тебя, Юля, кто - котенок или щенок?

- Были рыбки и хомяк, но рыбки сдохли, а хомяк убежал. Теперь я собираюсь завести собаку. А почему ты спросила?

- Ну, у тебя тут такой беспорядок...

Юлька подбоченилась и сузила глаза в две злые амбразуры.

- И это все, что ты заметила? - спросила она таким тоном, будто сейчас накинется на Аню и начнет выцарапывать ей глаза. Но тут же она взяла себя в руки и продолжала уже спокойным голосом: - Мне просто некогда и неохота убираться на каникулах. Да еще Екатерина Ивановна отпуск взяла. Есть, конечно, Таня, которая ее временно замещает, но я ей не очень доверяю и не разрешаю заходить в мою комнату. Еще украдет что-нибудь...

- Как ты можешь так, Юля? - тихо спросила Аня. Теперь гневалась она.

- Ты про что? - опешила Юлька.

- Как ты можешь подозревать человека в воровстве, если он ничего у тебя не украл?

- А, сейчас все воруют!

- И ты тоже?

- Я?! Зачем мне воровать - у меня все есть.

- По-твоему, воруют только те, у кого чего-то нет?

- Конечно!

- Ах, вон оно что... - Аня побледнела. - Значит, ты считаешь, что только бедные способны воровать?

- Конечно. А ты что, не согласна?

- Нет.

- Ну, тогда согласишься хотя бы на то, что каждый имеет право на свое мнение. Это, видишь ли, называется плю-ра-лизм! - Этому словечку Юльку обучила Жанна. - Я тебе высказала свое мнение, а ты должна принять его к сведению и не спорить. Но можешь тоже в ответ высказать свое мнение, а я тоже приму его к сведению, вот и все. Так поступают все цивилизованные люди.

- Хорошо, я приняла к сведению твои слова, - сказала Аня. - Так вот, Юля, в сравнении с тобой я, конечно, отношусь к бедным. Поэтому мне лучше прямо сейчас уйти из твоей комнаты, пока ты меня не заподозрила в воровстве.

Аня развернулась и пошла к двери. По дороге она остановилась и сбросила с ног милые тапочки со щенячьими мордочками.

- Возьми их назад, мне от них ногам жарко.

Юлька бросилась к ней и ухватила ее за плечи.

- Ань, ну не сердись, я ведь просто так сказала, не подумав! - протянула Юлька, придав голосу нотку раскаяния. - Ты ведь знаешь, что я расту здесь, как оранжерейный цветок. - Это выражение Юлька позаимствовала из сериала, который они недавно смотрели с Кирой и Гулей. - Я ведь жизни совсем-совсем не знаю и во многих вещах не разбираюсь. Ну хочешь, я признаю, что была не права? Хочешь?

Аня поглубже вдохнула, прочитала на одном дыхании короткую молитву Ангелу Хранителю, выдохнула и почувствовала, что ее гнев уже прошел.

- Ладно, Юля. Давай сегодня просто не будем на эту тему говорить, ведь это наш первый общий день. Но как-нибудь потом мы с тобой это обязательно обсудим.

«Как же, жди! Тоже мне нашлась воспитательница!» - ехидно подумала Юлька, но вслух ничего не сказала. Ей было до тошноты неприятно, что она почти что попросила прощения у сестры.

Прыгун, в восторге ожидавший, что Юлька вот-вот вцепится сестрице в волосы или хотя бы выставит ее из комнаты, разочарованно отвернулся от двери и покосился на Ангела. Иоанн невозмутимо стоял у стены, скрестив руки на груди.

Аня подошла к туалетному столику и увидела раскрытую коробку с заколками, бантиками и резинками для волос всевозможных расцветок и видов. Она стала их перебирать и разглядывать.

- У тебя, Юля, совсем недавно была коса?

- Как же - недавно! Уже полгода назад остригла. Хочешь, я подарю тебе все эти заколки и держалки для волос?

- Спасибо, не хочу. Мне хватает моих резиночек и лент.

Она покосилась в сторону Юльки. Та стояла красная, наклонив голову, и чуть не плакала.

- Пожалуй, мне нравится вот эта заколка, - чуть улыбнувшись, сказала Аня, - и вот этот голубой бантик я бы тоже взяла.

- Дарю! - обрадованно закричала Юлька и бросилась обнимать Аню.

- Беру! - засмеялась Аня и поцеловала Юльку.

Оглядывая комнату, Аня увидела в углу за шкафом небольшой костыль, блестящий и с ярко-розовыми пластмассовыми ручками.

- А почему у тебя тут костыль?

- Я в прошлом году ногу сломала.

- Надо же, какой он легкий и красивый, - сказала Аня, вертя в руке костылик, - никогда не видела таких нарядных костылей.

- Дарю!

- Да зачем он мне? - засмеялась Аня.

- Мало ли, вдруг пригодится? Бери!

- Спасибо, щедрая ты душа! Я должна принять в подарок от любимой сестры розовый костыль и радоваться, как Полианна?

- Это кто такая? Подружка псковская?

- Полианна - это девочка из книжки: она получила в подарок на Рождество костыли и радовалась, что они ей не нужны.

- Ну, так можно с утра до ночи радоваться! - фыркнула Юлька.

- Именно так Полианна и делала, - сказала Аня.

- Глупая какая-то девчонка.

- Вовсе нет! Она была очень мудрая. Она сама играла в такую игру - всегда находить повод для радости - и всех вокруг этой игре научила.

- Расскажешь мне про эту забавную... как ее зовут?

- Полианна. Ей дали имя в честь двух ее тетушек, которых звали Полли и Анна. Мы с бабушкой очень любим эту повесть, мы ее несколько раз вслух перечитывали. Конечно, я могу тебе ее пересказать, но проще попросить дядю Акопа купить тебе эту книжку. Мне кажется, у каждой девочки в ее библиотеке должна быть «Полианна».

- Ладно, скажу Акопчику, чтобы купил. А теперь пошли душ принимать! - Юлька подошла к небольшой двери, поначалу не видной за роскошным пологом ее кровати. - Давай топай сюда, тут моя ванная!

Прошло минут пять.

Стоя в коридоре, Хранитель Иоанн прислушался: из Юлькиной ванной комнаты доносился такой шум, как будто там стояло дерево, полное воробьев. Ангел встревожился и насторожился.

Пока Аня была малышкой, он всегда присутствовал при ее купании: следил, чтобы девочка не ошпарилась, не захлебнулась, не простудилась. Когда она подросла, он стал соблюдать принятые у людей правила приличия и не входил в кухню, когда мама Нина и бабушка Настя мыли там Аннушку, но всегда был неподалеку - на всякий случай. Вот и сейчас, стоя в коридоре, он пытался на слух понять, что же это такое происходит в ванной комнате?

Прыгун в комнату, а тем более в ванную тоже не лез, но стоял с другой стороны двери и усмехался с таким видом, будто ему очень хорошо известно, что в ванной комнате происходит что-то неладное! Но Прыгун врал. Не словами, потому что он делал это молча, а всем своим притворно понимающим видом. Бесы, как и некоторые неискренние люди, обожают эту коварную разновидность лжи. Но Ангел Иоанн послушал, послушал и остался невозмутим. «У,

лапоть крылатый, - злобно подумал Прыгун, - ничем его не проймешь!».

А в ванной происходило вот что. Юлька ухватила гибкий душевой шланг и преследовала сестру с фонтаном в руке. Та сначала визжала и спасалась бегством, а потом запрыгнула в ванну, раскрутила кран и прижала пальцами струю воды: фонтан у нее получился даже больше и сильнее Юлькиного. По стенам, по полу, по окну и даже по потолку хлестал настоящий ливень, а от бивших в окно солнечных лучей по всей ванной весело вспыхивали и тут же безмятежно угасали миллионы крохотных радуг.

Девочки подняли такую возню и визг, что Жанна, чей будуар был неподалеку, проснулась от шума.

- Жан!!! - завизжала она, зажимая уши.

- Я здесь, хозяйка. - Жан выставил из-под кровати свою безобразную пасть и зевнул. - Что случилось?

- Это я тебя спрашиваю, что случилось? Что там за детские крики на лужайке?

Жан прислушался.

- Это не на лужайке, это наша Юлька гоняет сестру по ванной комнате.

- А, ну пусть гоняет... А то мне показалось, будто они веселятся.

- Все! Кончаем водные процедуры, - объявила Юлька, когда в ванной комнате не осталось ни одного квадратного сантиметра сухой поверхности. - Выбирай себе купальный халат вон в том шкафу.

- Юль, да их тут как в магазине! А это что - китайский?

- Японский. Нравится?

Аня кивнула, разглядывая разрисованный цветами и бабочками шелковый халатик.

- Дарю!

- А ты разве его не носишь?

- У меня в шкафу есть еще один такой, только зеленый, с золотыми и красными драконами. Тот мне больше идет.

Аня надела халат и стала оглядываться.

- Ты чего ищешь, Ань?

- Тряпку. Надо же тут все вытереть.

- Да ну его! Таня придет, я позову ее, и она все уберет.

Юлька сказала это, чтобы сделать приятное сестре: вот она позовет Таню, чтобы она за ними убрала ванную, - покажет, что она ей доверяет и тем самым угодит Ане. Но Аня молча подобрала с пола свою майку и начала ею собирать воду и потом выкручивать над унитазом.

- Да брось ты это!

Аня невозмутимо продолжала вытирать пол. Юлька пожала плечами, схватила полотенце и стала помогать сестре.

- Ах, какие у нас воспитанные и хорошие сестры Мишины! Какие они у нас добродетельные и трудолюбивые! - приговаривала она, гоняя воду полотенцем по всей ванной.

- Выжимай полотенце почаще, трудолюбивая! погоди, я тебя еще заставлю комнату как следует убрать, если ты хочешь, чтобы я действительно к тебе на все лето переселилась.

«Ага, разбежалась, торопясь, - думала Юлька, пытаясь на скользком полу, - на все лето! Завтра я от тебя, голубушка, избавлюсь на всю жизнь!». Но вслух она сказала другое:

- Да, порядок там давно надо навести. Как-нибудь соберемся и наведем.

- А почему не сегодня?

- Сегодня мы идем гулять по острову. На это весь день уйдет.

- Тогда завтра?

- Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра.

- Хорошо, последний срок - послезавтра, - сказала доверчивая Аня.

«И опять я тебя надула!» - ехидно подумала Юлька.

Закончив уборку в ванной, девочки пошли в комнату одеваться и причесываться. Одевшись, Аня внимательно оглядела комнату и спросила:

- Юль, а ты не могла бы освободить где-нибудь местечко для моих икон?

- Запросто! Куда ты хочешь их положить?

- Поставить, - поправила Аня. - Можно где-нибудь на полках, поближе к окну? Только тут совсем нет места...

- Сейчас будет! Тебе какую полку - эту, ту?

Юлька одним взмахом руки очистила полку, на которую указала Аня: на пол полетели мягкие игрушки, пара старых видеокассет, кроссовка без пары и высохший букетик ландышей вместе с пустой вазочкой. Впрочем, на полу по всей комнате валялось так много разнообразных вещей и вещиц, что беспорядка от решительных Юлькиных действий ничуть не прибавилось.

Аня вынула из чемодана четыре иконы: мамино наследство - икону Божьей Матери «Всецарица», икону Спасителя - подарок бабушки, небольшую иконку преподобной Анны Кашинской и совсем маленькую, но очень ею любимую иконку Ангела Хранителя. Она поставила их на пустую полку и оглянулась на Юльку.

- Юля, а ты не хочешь вместе со мной прочитать утренние молитвы?

- В другой раз, ладно?

- А тебе не мешает, если я стану молиться вслух?

- Ну что ты! Молись на здоровье! А я надену наушники и буду слушать музыку.

Аня вздохнула, отвернулась и шепотом принялась читать перед иконами утренние молитвы.

Ангел Иоанн у дверей Юлькиной комнаты внимательно слушал и ждал. Рядом ежился и корчил рожи бес Прыгун, которому молитвы Анины ужасно не нравились. Вот Аня дошла до молитвы Ангелу Хранителю, и как только она начала ее читать, Ангел Иоанн решительно двинулся к двери. Прыгун рванулся было к нему, но Ангел грозно сказал:

- А вот теперь прочь с дороги, темный! Будто не слышишь? Меня зовут!

Бес взвыл и понесся вскачь по коридору - искать Жана или хотя бы Михрютку, чтобы пожаловаться на Аню с ее Ангелом.

Хранитель встал за спиной Ани, дослушал молитвы до конца, перекрестил ее, погладил по головке и отошел к окну. Там на карнизе, голубком примостившись, сидел Ангел Юлиус, взволнованно заглядывая в Юлькину комнату.

- Хорошо бы окно открыть, Аннушка, - сказал Иоанн.

- Хорошо бы окно открыть, Юля, - повторила за ним Аня.

- Открой, если хочешь.

Довольный Юлиус уселся поудобней на подоконнике раскрытого настежь окна.

- А теперь сюрприз для тебя - выходное платье в двойном экземпляре! - объявила Юлька. И показала на свою кровать, на которой лежали два голубых пикейных платья.

- Какие платья! Юля, откуда такая роскошь?

- Одно мне Жанна купила на той неделе, а вчера я сама сгоняла в тот же бутик и купила точно такое же для тебя. Ну-ка, примерь!

Аннушка надела платье, подошла к зеркалу и обомлела.

- У меня еще никогда не было такого красивого платья! Вот бы бабушка увидела!

- Класс! Тебе голубой идет даже больше, чем мне. И волосы так хорошо лежат, - сказала Юлька, тоже надевая платье. - Ты не заплетай косу - так лучше. Дура я, что волосы перекрасила: вот теперь я вижу, что светлые мне больше идут.

- А ты можешь волосы в обратный цвет перекрасить?

- Могу, конечно. Но тогда мы с тобой совсем одинаковые будем.

- Не беспокойся, не будем. У нас все-таки лица разные.

- У тебя, если приглядеться, веснушки заметны, а я свои еще в мае вывела. И вообще мне мое лицо больше нравится.

- Вот и хорошо. Я своим тоже вполне довольна: лицо как лицо, не хуже и не лучше других.

- Я сейчас макияж наведу, и тогда тебе со мной никак не сравниться!
- Конечно. Я же краситься не стану.
- А почему?
- А потому.
- Разве верующим нельзя краситься?
- Почему нельзя? Можно. Только сами верующие обычно считают, что делать этого не стоит.
- А почему не стоит, можешь объяснить?
- Могу, но сейчас не хочу.
- А чего ты сейчас хочешь?
- Завтракать, вот чего.
- Ой, и правда, уже девять! Пошли скорей вниз.
- Пошли. И знаешь что, Юля?
- Что?
- Ты или перестань за мной ухаживать за столом, или прекрати озорничать.
- Как это - озорничать? Я не озорничаю за столом, меня в лицее хорошим манерам обучают, а дома еще и Жанна воспитывает.
- А кто в мою чашку перед завтраком каждый день соль насыпает?
- Так ты замечала? А я думала, что ты такая неразборчивая - заглушаешь соль сахаром и пьешь. А что, очень противно?
- Ты вот в свою чашку насыпь соли и попробуй, тогда и узнаешь!
- А зачем же ты пила?
- Я не хотела поднимать шум за столом, чтобы не огорчать папу. Он бы подумал, что ты меня совсем не любишь.

Юлька едва удержалась, чтобы не сказать, что так оно и есть.

- Он ведь не знает, что ты, глупенькая, просто хотела обратить на себя мое внимание, - продолжала Аня.

Юлька так и задохнулась от ярости. Если бы не сознание, что впереди ее ждет освобождение от сестры, она бы не сдержалась, вцепилась бы ей в косу и оттаскала как следует.

После завтрака Юля сразу повела Аню в бассейн, потом они забежали домой пообедать, а после отправились гулять по острову.

По приказу Жанны за сестрами увязались Прыгун и Михрютка.

Ане очень понравился обширный парк с неожиданными выходами к воде, стадион ошеломил ее своей огромностью, но особого восторга не вызвал. Она удивленно разглядывала виллы «новых русских», знаменитостей и политических деятелей, а потом вдруг спросила:

- Юля, а на вашем острове есть церковь?

- Нет. Но раньше была часовня. Она и теперь стоит, только в ней ничего нет. Я знаю это место.

- И можешь мне показать?

- Ну, если хочешь, завтра могу тебя туда сводить.

Юлька ликовала: сестрица прямо своим ходом шла в ловушку!

- Это очень далеко?

- Да нет, не очень. Но надо одеться соответственно - не лезть же в заброшенную часовню в этих платьях. Завтра наденем джинсы и пойдем.

- Чудно! Я так и думала, что должна быть церковь или часовня: странно, чтобы в старом Петербурге был остров, а на нем не было церкви.

- А была церковь? - спросил Юлиуса паривший рядом Иоанн.

- Конечно, была! Остров этот некогда царь Петр подарил любимой своей сестре Наталье Алексеевне, царица и построила церковь. А еще до того островитянами был обретен в земле древний крест, оставленный первыми просветителями северных русских земель. Имена же их весть един Господь.

Девочки шли по широкой улице под сенью старых раскидистых вязов.

- А на острове собираются строить церковь? - спросила Аня.

- А зачем она нужна? Если кому-то надо, он может съездить в центр, там полно церквей.

- Странно. Неужели все эти богатые люди, которые живут здесь, такие бесстрашные?

- Вовсе они не бесстрашные. Ты посмотри - заборы, закрытые ворота, охранники, решетки на окнах.

- А церкви нет...

- А зачем им еще и церковь?

- Чтобы от зла охраняла. Бесы боятся колокольного звона.

- Ну ты даешь, сестрица! Жанна говорит, что темные духи ничего на свете не боятся.

- Жанна врет, а вот девчонка правду говорит, - сказал Михрютка Прыгуну. - Знаешь, Прыгун, почему я такой мелкий? От колокольного звона! Я ведь при соборе жил. До революции это тяжелое было место, зато платили хорошо. Потом те, которые без Хозяина жить решили, устроили в храме музей: хорошо-то как стало! Вместо кадила - маятник Фуко, я на нем качаться любил... Колокольный звон запретили, и все бесы такие упитанные стали. А сколько церквей взорвали, разобрали, под склады пустили! У-у, какая власть у нас тогда была! Да, было

времечко, эх, не ценили мы его! Теперь не то... Вот и на этом острове того и гляди что-нибудь этакое, с крестом, построят.

- Типун тебе под жвалы! - ответил Прыгун и даже еще больше позеленел от такого страшного предположения домового.

По Вязовой улице, идущей параллельно Малой Невке, сестры подошли к гребному клубу, со всех сторон, кроме водной, заросшему старой сиренью.

- Знаешь, - сказала Юлька, - я что-то устала. О, уже семь часов! Давай посидим на лавочке, отдохнем и пойдем домой, а завтра продолжим прогулку и сходим в часовню.

- Давай так и сделаем.

- Смотри-ка, мои друзья идут! - воскликнула Юлька, увидав Юрика с Гулей и Кирой, вышедших прямо из ворот клуба. - Эй, ребята! Привет! Как дела?

- Порядок! - ответил Юрик. - А у тебя?

- Тоже полный порядок. Гуляете?

- У нас деловая прогулка: мы тут одной нашей хорошей знакомой кое-что относили.

- Понятно...

- Пока, сестрички!

- Пока, ребятки!

Юлькины друзья ушли, а за ними вскоре поднялись со скамейки и сестры. Аня ничего не заподозрила, а Юлька выяснила все, что хотела: ребята уже побывали в сарае и отнесли туда сено, спальные мешки и продукты. Теперь оставалось только письмо...

Хуже обстояли дела у Бульдозера. У него была проблема - найти приличный костюм, чтобы послезавтра его беспрепятственно пустили в кафе при яхт-клубе. В поисках костюма или хотя бы пары недраных брюк с чистой майкой он уже с утра обегал всех своих знакомых. Но не много у него было друзей, имевших в гардеробе хороший костюм или даже просто вторую пару брюк, и никто из них не соглашался дать Бульдозеру на время свою приличную одежду, даже если она у них и была. С горя он уже решился на покупку собственного костюма, но денег у него, разумеется, тоже не было, а в долг... Ну подумайте сами, кто же даст Бульдозеру в долг больше, чем на бутылку водки? Разве что вовсе наивный человек, а вот уж таких знакомых у Бульдозера точно не было. В общем, положение казалось безвыходным, и к ночи Бульдозер решился на отчаянный шаг.

В одном из крестовских гребных клубов служил ночным сторожем скромный старичок Вадим Кириллович Буденвайзер. Его степенный и достойный вид, холеные пышные усы, золотые очки и опрятный старомодный костюмчик удивления ни у администрации, ни у членов клуба не вызывали: многие интеллигентные пенсионеры в нынешнее время стремятся найти приработок к пенсии и соглашаются на любую работу. Если бы Бульдозер не сблизился в свое время на зоне с бывалыми уголовниками, ему бы и в голову не пришло, что благообразный старичок-сторож не денежки к пенсии прирабатывает в гребном клубе, а держит там явку для воров в законе. Старичок-паучок Буденвайзер сидел в этом неприметном уголке, а к нему сходились паутинки криминальной сети всего Санкт-Петербурга, и когда по сигналу паханов - главарей

преступного мира – он дергал у себя в уголке кончик какой-нибудь паутинки, на другом конце города порой гремели взрывы и грохотали автоматные очереди. Недаром были так похожи на паучьи лапки сухонькие узловатые ручки Буденвайзера, украшенные старинным серебряным перстнем с крохотной сердоликовой геммой – отличительным знаком его роли в преступном мире. Кстати сказать, гемма эта была некогда похищена из витринной пирамидки Эрмитажа, и цена ее в долларах определялась семизначным числом. Бульдозер слышал на зоне, что через лапки Буденвайзера проходили многие и многие воровские миллионы. А кличка у него была, конечно, Буденный – в соответствии с усами и фамилией. Вот к нему поздно вечером, можно сказать, уже ночью и явился на поклон Бульдозер.

– Товарищ Буденный, – воскликнул он, падая перед ночным сторожем на колени, – будь отцом родным! Выручи мелкого воришку, с тобой в одном КПЗ сидеть недостойного!

– А я, голубчик, в КПЗ отродясь не сидел и сидеть не буду, – ответил ему, усмехнувшись в буденновские усы, Буденвайзер. Бульдозера он, конечно, знал, а кто на острове его не знал? Знал не только в лицо и по кличке: ему было известно даже настоящее имя бомжа, а вот это уж мало кто знал, это уже и сам Бульдозер позабыл. – И что это ты со мной, Миша, так церемонно: «Товарищ Буденный!». Ну, подумай сам, Мишенька, какой же я тебе товарищ? Гусь свинье, как известно, совсем не товарищ. Так что ты зови меня попросту – Вадим Кириллович. И на «вы», пожалуйста, если тебя не затруднит.

– Как скажете, Вадим Кириллович.

– Ну, веди беседу: с чем ты явился к старику Буденвайзеру?

Слушая рассказ Бульдозера, старик то и дело заходил мелким старческим хохотком.

– По десять тысяч зелененьких за сестру, говоришь? На круг выходит всего двадцать тысяч. Ну, это несерьезно!

– Баксов, Вадим Кириллович, баксов – не рублей!

– Я слышу, слышу, что баксов. Все равно несерьезно. Дети, они и есть дети.

«Ну, блин, двадцать тысяч баксов для него несерьезно!» – благоговейно ужаснулся Бульдозер.

– Так. Вот и чайник закипел. Сейчас мы с тобой, Миша, сядем пить чай и немного порассуждаем, подумаем. Немного – это тебе не повредит.

Старичок снял с электроплитки слегка помятый алюминиевый чайник, достал стаканы, баночку прошлогоднего варенья, батон белого хлеба.

– Садись, Миша, не стесняйся. Так ты где срок тянул?

Минут пятнадцать Буденвайзер с Бульдозером мирно пили чай и разговаривали «за жизнь», а потом, увидев, что Бульдозер уже расслабился, старичок резко сменил тему:

– Теперь, Миша, начинаем думать и вспоминать. Некая девочка по имени Юлька хочет избавиться от приехавшей в гости сестры. Вспомни, как зовут сестру?

– Дак... как тут вспомнишь? А на... О, вспомнил! Аней сестру зовут.

– Откуда приехала сестра?

- А это... Из Пскова. Это уж я сразу запомнил: у меня кореш в Пскове живет. Я еще подумал тогда, что съездить бы надо кореша навестить, когда деньги будут... А вот они, денежки-то, и пришли! - И Бульдозер в восторге хлопнул грязной ладонью по застеленному свежей газеткой столу.

- Тише, Миша, тише, - поморщился Буденвайзер. - Ты, дружок, не шуми, я этого не люблю. Теперь картина проясняется: это Митя Мишин неделю назад в город Псков за дочерью прямо со дня рождения старика Гуляровского укатил. Так, один клиент есть. Ах, детки, детки! Двадцать тысяч долларов! Даже такой простак, как Мишин, и тот не клюнет. Ну, тут мы, пожалуй, внесем корректировку... Теперь скажи мне, Мишенька, что еще за дети там были? Ты их видел?

- А то! Когда они уходили, я спецом на них глянул. Парнишку я знаю, это Виктора Сажина сынок, Юркой зовут. А девчонки... Одна рыжая...

- Это Юлия Мишина, так сказать, организатор. Хи-хи! А две другие девчонки?

- Ну, девчонки и девчонки... Обыкновенные!

- Обыкновенных девочек не бывает, но это тебе, Миша, понимать не дано. Как они выглядели?

- Одна очень толстая, а другая совсем худая, как дистрофик.

- Толстая и тонкая? Обе блондинки?

- Вроде так...

- Понятно. Имена помнишь?

- Кира и вроде Галя...

- А не Гуля?

- Точно, Гуля!

- Все теперь ясно. Одна из них единственная внучка миллионера Гуляровского, а вторая - Кира Лопухина, красавица и дочь красавицы. У Лопухиных кроме красоты ничего за душой нет, и хотя красота - это в своем роде тоже капитал, взять с них нечего. А вот о Сажине и Гуляровском разговор особый... Молодец, Миша, даже не ожидал я от тебя таких ярких проявлений интеллекта.

Бульдозер расплылся от похвалы и заулыбался неопрятным щербатым ртом.

- Давай-ка мы с тобой, Миша, повторим исходные данные. Значит, завтра утром Юлия Мишина ведет сестру Анну в старый сарай на территории гребного клуба, а Юра Сажин их там поджидает и запирает на замок. Кира Лопухина завтра же вечером относит письмо с требованием выкупа в дом Мишиных.

- А деньги Мишин должен принести в кафе при яхт-клубе и положить на дно старинных часов.

- И кто же по их плану придет за деньгами?

- Все трое - парнишка и две девчонки. А мне их опередить надо и деньги самому забрать. Ну вот я, Вадим Кириллович, и пришел к вам просить денег в долг, чтобы завтра костюмчик себе

справить. Ведь в этом виде меня в кафе не пустят, как вы считаете?

- Определенно не пустят, и правильно сделают. Тебе вообще нечего делать в этом кафе. Но деньги на костюмчик я тебе, Мишенька, дам. На костюмчик и там еще на что-нибудь по твоему вкусу - выпить, закусить, с друзьями погулять. Вот, держи. Ровно двадцать тысяч. Рублями. Так тебе, Миша, проще и спокойней.

Вадим Кириллович достал из портмоне и отсчитал Бульдозеру пачечку крупных купюр.

- Спасибо вам, това... Вадим Кириллович, большое спасибо! Я как выкуп получу, так сразу валюту обменяю и верну вам должок.

- Не надо ничего возвращать, Мишенька. Это твоя законная доля.

- Ох, какой же вы человек, Вадим Кириллович! Век не забуду!

- А вот тут ты, Мишенька, ошибся. Забудешь. Забудешь и меня, и всю эту историю с девочками Дмитрия Мишина, и дорогу к сарайчику, и часики антикварные в кафе яхт-клуба - все надо забыть!

- Как это?

- А так - начисто. Не твоего это ума дело - киднеппинг. Другие люди этим займутся, поумней тебя. А теперь иди, Миша, иди. Пойди выпей водочки. И выпей как следует, чтобы завтра ни о чем уже и не вспоминать. А если вдруг ты нечаянно что-нибудь вспомнишь или с похмелья к яхт-клубу заявишься, то...

И тут приятный старичок совсем не интеллигентным движением вдруг выхватил откуда-то маленькую, всего-то в ладонь длиной, но очень остро заточенную финку и молниеносно выбросил ее прямо к горлу опешившего Бульдозера. Почувствовав легкий укол, не сильней комариного, Бульдозер в ужасе завизжал и отскочил назад.

- Ты все понял, Миша?

- П-понял!

- Будешь молчать?

- Б-буду!

Ехидное оружие куда-то само собой исчезло, а старичок сказал ласково:

- Ну, а коли понял, так и ступай себе, Мишенька. Но костюмчик ты себе завтра все-таки купи, уж очень ты пообносился, братец. А теперь сгинь с моих глаз, будь любезен.

- С-слушаюсь, - испуганно прошептал Бульдозер и послушно исчез - как с глаз Буденвайзера, так и из нашей повести.

Глава 7

Утром следующего дня сестры после завтрака стали собираться «на экскурсию к старой

часовне».

- Надо подумать об одежде. Пойдем в джинсах.

- В часовню - в джинсах?! В церковь девочки в джинсах не ходят.

- У нас ходят! - отрезала Юлька. - Это никакая не церковь, а заброшенная часовня. И потом - там же крапива кругом! В джинсах пойдем. Вот только думаю, что мои тебе будут немного широковаты. Ну-ка, примерь! - Юлька вытащила из шкафа и подала Ане джинсы.

- Вот и хорошо, что широковаты: на мой взгляд, ты слишком узкие носишь.

- На твой провинциальный взгляд, сестрица!

- Ага, на мой провинциальный взгляд, - согласилась Аня, натягивая джинсы. - Как будто неплохо...

- Неплохо? Да ты посмотри, какая фирма!

- Это по-английски, что ли? - спросила Аня, выгнув спину и пытаясь рассмотреть нашитый сзади кожаный ярлычок.

- Валенки ты псковский!... Ах да, еще надо обувь подобрать. Сейчас найдем тебе кроссовки.

- Зачем? У меня свои есть.

- Ага, псковские. Ты вот эти примерь!

Аня слегка поморщилась, но послушно стала примерять Юлькины кроссовки.

- Юля, они мне малы...

- Не выдумывай! Рост у нас одинаковый, один размер платьев, значит, и туфли должны быть одного размера. Мне-то они в самый раз.

- А мне малы!

- Ничего не понимаю...

Обе задумались.

- Слушай, Юля, а ты босиком много ходишь?

- Дома иногда хожу, а так только по пляжу.

- Теперь понятно, почему у меня нога на размер больше - я все лето босиком бегаю.

- И бабушка Настя тебе разрешает?

- Она считает, что это полезно.

- Хочу к бабушке! - пошутила Юлька.

- Я тоже, - вздохнула Аня.

Пришлось Юльке уступить, и Аня обула собственные кроссовки. Потом они натянули майки – Аня голубую, а Юлька черную.

Выйдя из дома, сестры отправились по Вязовой улице в направлении гребного клуба «Лига». Аня радовалась солнечному дню и тому, что идет она на прогулку по красивому зеленому острову вместе с любимой сестрой и что скоро она увидит старую часовню и помолится там.

А злоумышленница Юлька радовалась тому, что киднеппинг уже начался и все идет как по маслу: письмо написано и еще вчера отдано Кире, Юрик наверняка уже сидит в засаде у старого сарая, а в самом сарае для узниц приготовлена охапка душистого сена, спальные мешки и необходимый запас продовольствия.

Они подошли к открытым воротам гребного клуба, вошли в них и направились по асфальтированной дорожке мимо главного здания, мимо причалов и эллингов и уже по песчаной дорожке приблизились к сплошной стене цветущей и благоухающей сирени.

- Здесь уже недалеко, - сказала Юлька.

- Знаешь, Юль, бабушка мне говорила, что на том месте, где когда-то была церковь, благодать сохраняется на века. Даже если от часовни остались одни развалины, я все равно там помолюсь.

- Помолишься, еще как помолитесь! - пообещала Юлька. - Топай за мной, богомолка!

Они углубились в почти непроходимые сиреневые джунгли. Дорожка сначала превратилась в узкую тропку, а потом и ее не стало. Неправдоподобно огромные сиреневые кусты смыкались над головами сестер, высокая крапива задевала и жалила их голые руки. «Если бы не дело, ни за что бы сюда не полезла! Надо было свитер надеть...» - думала Юлька, пробираясь вперед и таща за руку Аню.

- Ты хоть ведаешь, куда твоя Юлия ведет Аннушку? - спросил Иоанн брата.

- Нет, братец, не ведаю. Но знаю, что никакой часовни в этих местах нет и никогда не было. Тут загородная усадьба была, службы, конюшни... А вот часовни не было!

- Это и я чувствую, что здесь ни благодатью, ни молитвой не веет!

- А меня вот что тревожит: я уж минут пятнадцать зрю, что за ними следом двигаются Прыгун и Михрютка. Ну, Прыгун, тот от Юлии не отстает, это понятно. А вот домовый-то по какой такой причине из подвала выбрался и за отроковицами увязался?

- Не знаю, брат... Ты отроковиц зришь?

- Нет, не зрю... А вот теперь узрел - вон они!

Ангелы парили над зарослями и сверху едва угадывали, куда идут девочки. Они то и дело теряли их из виду, кружили в воздухе и возвращались, заметив мелькание голубой или черной маечки сквозь волнующееся на ветерке зелено-сиреневое море.

Кусты расступились, и перед девочками оказался старый заброшенный сарай. И не просто старый, а старинный: толстостенный, из темно-красного кирпича, с просевшей и проржавевшей железной крышей, с темной и тяжелой дубовой дверью. Дверь была чуть-чуть приоткрыта.

- А нам повезло! - воскликнула Юлька. - Дверь открыта. Обычно тут висит большущий замок, а сегодня его нет, и мы можем заглянуть внутрь. Заглянем?

- Стой, Аннушка, стой! - закричал Иоанн, пикируя вниз. - Не ходи в сарай - там опасность!

- И ты, Юля, не ходи! Послушай ты хоть раз своего Хранителя, - без особой надежды быть услышанным прокричал и Ангел Юлиус, спускаясь на крышу сарая вслед за Иоанном.

- А страшновато как-то, - сказала Аня, с опаской заглядывая в таинственную полутьму за приоткрытой дверью.

- Крыша провалилась... А раньше над крышей был золотой купол, - вдохновенно врала Юлька. - Такой большой, красивый, с золотым крестом!

- Надо идти, - сказала себе Аня и шагнула к двери.

- Не надо! - крикнул Иоанн.

- Ой, не надо! - вторил ему Юлиус.

Но было уже поздно: Аня шагнула за дверь, а за нею, что-то насвистывая, в сарай вошла Юлька. Вошла и медленно закрыла за собой дверь.

Тотчас из кустов крадучись вышел Юрик с большим амбарным замком наготове. Он продел дужку замка в петли, и замок громко щелкнул.

- Вот оно! Попались! - встревоженно закричал Юлиус.

- Похоже, что так, - кивнул Иоанн. - И непохоже, чтобы отрок сделал это просто в шутку, как-то не так у него глаза блестят.

- Попались, - довольно прошептал Юрик и на цыпочках стал отходить обратно в кусты.

- Я чувствовал, что Юлька что-то недоброе затевает! Как это прискорбно, что ее сердце и мысли от меня закрыты!

- Да куда уж прискорбней... - согласился Иоанн. - Однако ты не зело печалься, брат. Юлька твоя, конечно, отроковица злонравная, но ты учти, что Господь любое зло может в добро претворить. Ты ведь сам возжелал, чтобы она больше общалась с моей Аннушкой? Ну вот и радуйся, они теперь наобщаются вдосталь: парнишка-то сбежал и, видно, не скоро их отсюда выпускать собирается. И что это за шутки у современных отроков?

- Боязно мне за подопечных наших, Иванушка...

- Ну так и я боюсь, однако унывать-то чего ж? Просто будем настороже, брат.

- Смотри, смотри: домовой через дыру на крыше внутрь пролез! А где Михрютка Запечный - там и пакости. Пойдем за ним?

- Погоди, брат. Если домовой попытается напугать отроковиц, мы услышим и отсюда. Тут снаружи что-то уж больно бесами несет...

- Так это ж Прыгун! Прыгает, как козел, и смердит так же.

- Нет, тут не одним Прыгуном пованивает. Давай-ка мы, брат, лучше будем снаружи наших отроковиц охранять.

Девочки не слышали ни Юрика, ни Ангелов. Они стояли посреди сарая и оглядывались. В «часовне» оказались два окна, забранные решетками, узкие и расположенные высоко над полом: одно рядом с дверью, другое напротив. Они выходили в те же сиреневые заросли и потому света давали немного. «Часовня» была пуста, только в углу лежали ворох соломы и какие-то узлы или тюки.

- Как-то тут жутковато, - неожиданно для себя искренне сказала Юлька и поежилась.

- И стены пустые... Ты подумай, ну ничего, ничего не осталось от часовни - ни клочка росписи, ни кусочка резьбы! И решетки на окнах какие-то странные, не церковные.

- Так это раньше, давным-давно здесь была часовня, а потом из нее устроили склад, а после и его забросили.

- А ты случайно не знаешь, Юля, кому была посвящена часовня?

- Понятия не имею! Если хочешь, считай, что Анне и Юлии. Есть такие святые?

- Есть. Только наши с тобой святые жили в разные времена. Они никогда не встречались, не может им быть посвящена одна часовня.

- Жаль.

- Юль, а давай выйдем и посмотрим снаружи, может быть, там сохранилась какая-нибудь надпись?

- Да ничего не сохранилось, я бы давно увидела! - Юлька испугалась: а вдруг Юрик еще не успел их запереть? Но потом подумала, что в случае чего заманить доверчивую Аню обратно в «часовню» будет нетрудно, и пошла к двери. Она толкнула ее и убедилась, что Юрик уже успел все сделать, как надо.

- Ань, а ты знаешь... Ты только не пугайся!

- Что такое?

- Кто-то запер за нами дверь.

- Юль, ты же ее сама и закрыла! Я еще хотела тебе сказать, чтобы ты не закрывала, а потом увидела, что тут свет есть, и не сказала. Сама себя пугаешь, сестричка. Ты толкни дверь посильней, она и откроется!

Юлька потолкала дверь.

- Не открывается.

- Эта дверь такая старая и тяжелая, ее просто заклинило, наверно. Давай вместе попробуем, - сказала Аня.

Они начали вместе изо всех сил толкать дверь, и Юлька при этом давилась от еле сдерживаемого смеха. Дверь, естественно, не поддавалась.

- Юленька, это ведь кто-то просто озорничает, да? - внезапно испугавшись, спросила Аня.
- Ничего себе озорство - руки бы оторвать!
- Это ребятишки балуются, да?
- Хорошенькое баловство - уши бы надрать!
- Кто-то нас в шутку запер, а потом придет и выпустит, да?
- Да я бы за такие шутки...
- Ой, Юленька, я боюсь! Ведь никого рядом не было, когда мы подходили к часовне, а нас кто-то взял и запер...
- Вот это-то и странно, - многозначительно произнесла Юлька. Она видела, что Аня уже сама не своя от страха, но ей хотелось еще позабавиться.
- Послушай, Ань, давай я встану под окном, а ты влезешь мне на плечи и выглянешь в окно - есть там кто-нибудь или нет?

Но ничего из этого не вышло: кое-как взгромоздясь на Юлькины плечи, Аня дотянулась до решетки, даже ухватилась за нее руками, но подтянуться не сумела.

- Давай сделаем наоборот, - предложила Юлька, - я влезу тебе на плечи и попробую подтянуться.

Так и сделали. Оказалось, что в лицее спортивная подготовка поставлена лучше, чем в псковской средней школе: Юлька уперлась одной ногой в поясницу Ане, другой оттолкнулась и вмиг оказалась на ее плечах. Потоптавшись на них в полное свое удовольствие, она запросто подтянулась на прутьях решетки и встала на узенький, в полкирпича, подоконник. Она стояла, держась руками за прутья, и глядела сквозь пыльное стекло на непроглядные заросли сирени.

- Ну, что там?
- Стекло очень грязное, ничего не видно. Протереть бы его чем-нибудь! У тебя случайно нет носового платка?
- Есть, конечно. На, Юленька!

Аня встала на цыпочки, Юлька, держась одной рукой за решетку, нагнулась и взяла у нее платок, потом попробовала протереть стекло.

- Нет, не берет. Можно я поплюю на твой платок?
- Плюй! - согласилась Аня.
- Ну, совсем другое дело, вот теперь я все вижу! Огромный замчище на двери! Все, Анька, нас заперли. Крепко заперли. И это, конечно, не дети - откуда у детей замок? - И Юлька прямо с окна спрыгнула на пол часовни, так что старые доски пола вздрогнули и поднялась пыль.
- На твой платок! Держи! - И она сунула Ане грязный комочек, бывший когда-то Аниным чистеньким платочком с кружевцем.

- Ага, спасибо...

Аня хотела было положить платок обратно в карман джинсов, но потом поглядела на него, передумала и аккуратно положила грязный комочек у самой двери сарая, сказав себе при этом: «Не забыть бы захватить, когда выберемся отсюда, может, отстирается...».

- Ой, Юленька, что же мы теперь делать-то будем? – спросила она горестно.

- Как чего? Ждать!

- Чего ждать-то?

- Когда тот, кто нас здесь запер, явится и откроет дверь.

- А вдруг это бандиты и они нас заперли, чтобы дожидаться темноты, а как только стемнеет, они придут и убьют нас?

- Долго же им темноты ждать придется. Ты забыла, сейчас ведь белые ночи!

- Да, верно, – с некоторым облегчением сказала Аня, – по крайней мере, нам не придется в темноте сидеть.

- Сидеть – это ты правильно придумала. В ногах правды нет. Вон в углу сено – давай сядем! Ну-ка, что это тут? Барахло какое-то, сумка...

- Юль, может не надо трогать? Вдруг это вещи бандитов, которые нас заперли? Лучше бы к ним не прикасаться...

- Вот еще! Они нас заперли, а мы будем с ними церемониться? Ну-ка, что тут такое? Анька, нам крупно повезло!

- Очень повезло...

- Да нет, ты сюда погляди! Тут два спальных мешка и сумка с едой. Посмотрим, что в сумке...

- Юленька, это бандитский притон: ты только посмотри, сколько бутылок!

- Ну да, только бутылки – с пепси. И пирожные, и йогурт, и яблоки, и шоколад, конечно!

- Почему «конечно», Юленька? – спросила Аня.

- В таком ассортименте непременно должен был быть шоколад. Чипсы! Два больших пакета чипсов. Живем, Анька!

- Не знаю, долго ли нам жить осталось, – скорбно сказала Аня.

- Да ну тебя, паникерша! О, тут записка!

В записке крупными печатными буквами было написано: «ДЕВАЧКИ МИШИНЫ! НЕ ВОЛНУЙТИС И НА ПОМОЩ НИ КАВО НЕ ЗАВИТЕ – ФСЕ РОВНО НЕКТО НИ УСЛЫШЕТ, А ТОЛЬКА БУДИТ ИСЧО ХУЖЭ. СЕДИТИ СПАКОЙНА И ЖДИТИ КАГДА АТЕЦ АДАСТ ВЫКУП. ПОХЕТИТЕЛИ».

Юлька прочла записку вслух, а потом мрачно объявила:

- Вот так, Аннушка. Все ясно. Это киднеппинг!

- Что?

- Киднеппинг. Нас с тобой похитили, чтобы получить от нашего папы выкуп. Вот так!

Юлька сложила записку и хотела сунуть ее обратно в кармашек сумки.

- Дай и мне прочесть, - попросила Аня, стуча зубами.

- На!

Аннушка прочла записку, и глаза у нее округлились от страха.

- Ой, Юленька, мы пропали! Нас похитили жуткие бандиты, уголовники-рецидивисты! Они получат от папы выкуп, а нас убьют!

- С чего ты взяла? Киднеппингом занимаются, как правило, гангстеры, а не бандиты. Похитители детей - это вполне приличные люди, только деньги очень любят.

- Что ты, Юля! Какие «приличные люди»? Ты прочти-ка еще раз записку! Ты только посмотри, тут же в каждом слове по две ошибки!

- Ну и что? Ты разве ошибок никогда не делаешь?

- Да я просто не сумею в слове из трех букв сделать четыре ошибки!

- В каком слове? Покажи!

- Да вот посмотри, как они слово «еще» написали!

Юлька снова взяла у Ани записку и стала ее перечитывать.

- И-с-ч-о... И правда, получается четыре ошибки в слове из трех букв. Ну и что?

- А то, что люди, которые нас тут заперли, почти совсем не учились в школе! Ты понимаешь, что это значит?

- Что же это значит? - с интересом спросила Юлька.

- А то, что они с детских лет сидели по тюрьмам и им некогда и негде было учиться, вот что! Юленька, я боюсь! - И Аня зарыдала, уткнувшись в Юлькино плечо.

«Ну, Гуля... Не могла попросить Юрика или Киру проверить ошибки», - подумала Юлька, глядя перепуганную Аню по голове.

- Ань, прекрати ты эти рыдания сиротки, прошу тебя! Не к людоедам же мы в лапы попали, в самом-то деле...

- М-может, и к людоедам! Одна девочка в нашем классе читала про что-то такое в газете...

- По-твоему, людоеды столько еды для нас приготовили, чтобы откормить нас, а потом съесть? Перестань рыдать, а то и мне страшно станет. Меня, между прочим, тоже похитили, но я же не реву. Давай утри слезы и будем лучше о чем-нибудь постороннем разговаривать. Нам ведь с

тобой до сих пор по душам поговорить не удавалось, а вот теперь настал самый подходящий момент.

- О чем будем разговаривать? - спросила Аня, послушно вытирая слезы краем майки.

- Ну, вот ты вчера сказала, что ни за что не станешь краситься. И коса у тебя такая длинная, как будто ты никогда волос не стригла.

- Так оно и есть, - кивнула Аня. - Я только самый кончик косы иногда обрезаю, чтобы он не был похож на крысиный хвостик. Ой, Юля, как ты думаешь, а тут крыс нет?

- Думаю, нет. Тут для них слишком светло и еды нет.

- Есть еда - полная бандитская сумка.

- А раньше ее тут не было, поэтому крысы еще не успели набежать и расплодиться.

- Откуда ты знаешь? Может, бандиты тут постоянно держат запасы для пленников? Может, эта еда тут уже месяц лежит на полу, а под полом - крысы!

- Сейчас проверим. На йогурте всегда стоит дата выпуска и срок годности. Так, йогурт не просрочен - значит, продукты куплены недавно.

- Дай взглянуть!

Юлька немного смутилась: на упаковке йогурта стояла вчерашняя дата. Но оказалось, что Аню волновала вовсе не дата.

- Черничный. Мой любимый йогурт.

- Ну так и съешь!

- Не хочу. Я открою стаканчик, а крысы учуют запах и набегут. Хотя нет, сейчас они не прибегут: крысы выходят на охоту ночью.

- Сейчас ночи светлые, и крысы не охотятся, а сидят по норам круглосуточно. Никто никогда в нашем городе в белые ночи крыс не видал! - сочинила на ходу Юлька. - А йогурт давай сюда: мы должны экономить еду, мы ведь не знаем, сколько нас тут продержат.

- Надеюсь, не до середины августа, а то мне к бабушке пора будет ехать.

«Раньше укажишь к своей бабушке, не волнуйся!» - подумала Юлька, а вслух сказала совсем о другом:

- Слушай, Ань, а почему ты не хочешь остричь волосы покороче? С короткими гораздо удобнее, да и современной.

- Я не хочу бабушку огорчать. Она любит, когда девочки ходят с косами.

- Провинция! Вы такие отсталые обе, и ты, и твоя бабушка, что просто жуть берет.

- Юля! - Аня вдруг выпрямилась, сдвинула брови и погрозила сестре пальцем. - Про меня можешь говорить что хочешь, но запомни: про бабушку Настю - ни слова, ни полслова, ни запятой в неуважительном тоне!

- Да ладно тебе! Между прочим, она и моя бабушка. Она тебя балует?
- Да вроде не очень. А вот любит – страшно сказать как. И я ее очень, очень люблю...
- Странно: любит и не балует, – задумчиво произнесла Юлька. Но потом опять повернула на свое: – Ань, а тебе никогда не хотелось сделать макияж?
- Что сделать?
- Накраситься.
- Конечно, нет! Я же не дикарка, чтобы раскрашивать лицо. А вот ты сама, Юль, не боишься, что это опасно – мазать кожу всякой разной химией? Мне кажется, так можно на всю жизнь лицо испортить.
- Теперь каждая уважающая себя девочка красится.
- Уважающая себя? А это еще зачем – самим себя уважать? Это все равно что утром просыпаться и самой себе доброго утра желать, а вечером – спокойной ночи. Дурацкое, по моему, занятие.
- Каждый уважающий себя человек сам себя уважает... Тьфу, запуталась я с тобой!
- Конечно, запуталась! – кивнула Аня. – Пусть нас с тобой, Юленька, другие уважают, если мы этого заслуживаем.
- Ха! Вот если я осенью в классе появлюсь с ненакрашенными ресницами и бровями, вот меня как раз и перестанут уважать. Не хватало мне ходить, как Гуля, с белыми бровями и ресницами!
- Они у тебя от природы не белые, а светло-русые. Ведь это их естественный цвет, Юля.
- Да кому он нужен – естественный? Меня никто не узнает, если я в класс явлюсь с этими «светло-русыми» бровями и ресницами! Такое давно никто не носит!
- Меня бы тоже никто не узнал, если бы я перекрасила волосы в рыжий, а брови с ресницами в черный цвет.
- Тебя здесь и так никто не знает.
- Как это – никто? А ты? А папа? А мой Ангел Хранитель? Мне бы стыдно было перед моим Ангелом такой маскарад устраивать. Ты уж меня прости, Юленька.
- Так и быть, прощаю. А знаешь, честно говоря, когда я на тебя смотрю, мне даже нравится мое лицо без макияжа.
- Ну вот видишь!
- А когда я дома гляжу в зеркало, так и тянет что-нибудь подправить!
- Это потому, что ты не веришь в свою природную красоту.
- А она у нас с тобой есть, эта природная красота?

- Конечно, есть. Мы созданы по образу и подобию Божьему, а Бог - это и есть красота. Чем ближе мы к Нему, тем красивее.

- Ух ты, как это у тебя важно звучит! Надо запомнить, чтобы блеснуть при случае. Ты у меня сестричка-философичка!

- А ты у меня сеструшка-болтушка!

- Анька! Я тебя, кажется, и вправду любить начинаю!

- А я тебя успела уже очень полюбить, Юленька ты моя дорогая, сестричка моя единственная. Вот мы попали сюда, и я узнала, какая ты храбрая и какое у тебя доброе сердце. Я реву, а ты меня всякими глупостями отвлекаешь, не даешь мне как следует испугаться. Ну как тебя не любить за это?

От этих Аниных излиятий Юльке на мгновение стало ужасно стыдно. Но она взяла себя в руки и от стыда отмахнулась: завтра их «освободят», Аня уедет, и они с друзьями будут весело вспоминать этот замечательный киднеппинг и потешаться над ее незадачливой сестрицей... И чтобы окончательно избавиться от угрызений совести, Юлька решила поесть.

- Послушай, Ань! Ты знаешь, что уже скоро двенадцать?

- Надо же, как быстро летит время в неволе!

- Это ты очень точно заметила. Слушай, а ты не проголодалась?

Услышав эти слова, Михрютка, доселе тихо сидевший в самом темном углу под потолком, вздрогнул и начал внимательно слушать, пошевеливая острыми жвалами.

- Странно, но есть почему-то хочется, - сказала Аня. - В последний раз я такая же голодная была, когда мы с папой ехали из Пскова.

- Он тебя что, совсем не кормил в дороге? - с интересом спросила Юлька.

- Мы с ним останавливались, ужинали в какой-то шашлычной. Но день был постный, так что я только салатик съела - больше в меню ничего для меня не оказалось.

- Винни пух с голоду, но держал пост! А ты папе об этом сказала? - спросила Юля, выкладывая на спальный мешок еду из сумки.

- Нет.

- А почему?

- Постеснялась.

- Ну и напрасно: он бы их заставил шашлык из осетрины или из креветок для тебя приготовить.

- А если бы у них не нашлось ни осетрины, ни креветок?

- Для папы - не нашлось?! Ну, не знаю... Для папы как-то всегда все и везде находится.

- Ты знаешь, а ведь это правда, - задумчиво сказала Аня. - Мы заехали с ним в Пскове на

телефонную станцию. Папа сказал, что зайдет на минутку к директору и попросит поставить телефон нашей бабушке. Он вышел через пять минут и сказал, что все в порядке и телефон будет поставлен на следующей неделе. Наверное, наш папа какой-то особенный...

- А я тебе про что говорю? Так что зря ты не попросила осетрины. Ох, я бы сейчас съела кусочек! Ну, а ты чего бы сейчас хотела?

- Жареной картошки с луком.

- Тоже неплохо. Но у нас только пирожные, яблоки, йогурт, шоколад и пепси. Сразу видно, что нас похитил мастер своего дела!

- Почему мастер?

- По детскому киднеппингу. Понимает, что детям в первую очередь полезно.

- Йогурт и яблоки?

- Шоколад и пепси. Прямо пикник!

«Сейчас я вам наплюю в йогурт, вот тогда и будет у вас пикничок», - злобно подумал Михрютка и начал высасывать яд из желез, чтобы побольше ядовитой слюны заплюнуть девочкам в йогурт: это была самая важная часть плана Жанны! Михрютка очень гордился тем, что именно ему доверили отравление сестер.

- Ну, давай есть!

- Нет, давай сначала помолимся.

- Ох, какая же ты неугомонно-богомольная, Ань! Ведь ты утром уже молилась, зачем еще и перед едой молитвы читать? От этого что, еда вкуснее становится?

- Будет вам сейчас вкусненько! - пробурчал Михрютка, теперь уже висевший прямо над расстеленным для еды спальником и ожидавший лишь момента, когда девочки откроют стаканчики с йогуртом.

- Может, и не вкуснее, но здоровее - это уж точно. Если не молиться перед едой и не крестить ее, то можно и заболеть.

- То-то у меня иногда живот болит, особенно если много шоколада съем! Шутка. Ладно, молись. Только недолго.

Аня склонила голову и начала читать молитву:

- Очи всех на Тя, Господи, уповают...

Михрютка на потолке съежился в комочек и задрожал: ему показалось, что Аннушка прямо под ним разожгла костер, от которого к нему летят раскаленные искры молитвенных слов.

- И Ты даеши им пищу во благовремени, - продолжала Аня, - отверзаеши Ты щедрую руку Свою и исполняеши всякое животное благоволение». А ты, Юля, скажи «Аминь».

- Это еще зачем?

- Ну, ты же слушала молитву, а когда ты говоришь «Аминь», это значит, что ты с нею согласна. «Аминь» значит «истинно, верно».

- Аминь! - заорала Юлька и схватила ореховый йогурт.

От неожиданного Юлькиного «аминя» Михрютка поперхнулся и проглотил накопленную в пасти ядовитую слюну. Сильный, видимо, был яд, потому что от него у самого домового сразу же скрутило брюхо. Обожженный и отравленный, он уполз обратно в свой угол. «Ничего, - подумал он. - Там еще йогурт остался, успею яду набраться и все равно исполню дельце, которое мне хозяйка доверила. Надо же, молиться перед едой вздумали, дуры какие! Михрюточку обидели и без отравы остались!».

- Ань, а про какое животное в этой молитве говорится? - спросила Юлька.

- «Живот» по церковно-славянски значит «жизнь», а «животное»...

- Понятно - жизненное! - перебила ее Юлька и похлопала себя по животу. - Да здравствуют животные радости! Интересно, а бандиты не забыли положить ложечки для йогурта? Нет, не забыли. Культурные бандиты нам попались!

- Это еще вопрос, кто кому попался...

- Выше нос, сестрица! Держи свой черничный!

Съев по йогурту, девочки перешли к сладостям, запивая их пепси прямо из бутылок.

- Где-то сейчас наш папа? - вздохнула Аня.

- В офисе, наверно, где же еще? Ты думаешь, бизнесменом легко быть? Он так крутится, так крутится весь день!

- «Живет-бывает купец, и бывают у него две дочки»...

- Это что за сказка?

- Это папа еще в Пскове сочинил про себя и про нас с тобой. Он сказал, что бизнесмен - значит купец.

- Ну да. Или ворюга.

Аня поперхнулась сухим пирожным. Юлька бросилась колотить ее по спине.

- Да тише ты, Юля, спину мне ломаешь! Все, проскочило уже. Юль, а почему ты сказала, что бизнесмен - значит купец или ворюга?

- Да не «купец или ворюга», а «или купец, или ворюга» - это две большие разницы. Бизнесмен, который честно ведет дела, как наш папка, - это купец, а бизнесмен, который ловчит и всех обманывает, - это ворюга. Поняла теперь, простота?

- Теперь поняла. Ты меня, Юля, так больше не пугай, ты выражайся точнее, ладно?

- Буду стараться, но уж как получится. У меня по литературе тройка.

- А по русскому?

- Само собой! Зато по английскому годовая - пять! Спикаю не хуже других, а читаю почти свободно.

- Счастливая, ты можешь мою любимую английскую книгу в подлиннике прочесть.

- Какую книгу?

- «Хроники Нарнии» Льюиса.

- А у меня любимая книга тоже английская - «Властелин колец». Я ее даже больше «Гарри Поттера» люблю.

- «Властелин колец» - моя третья любимая книга.

- А вторая - «Полианна»?

- Да, вторая - «Полианна». Юля, а ты знаешь, что Толкиен и Льюис были друзьями?

- Откуда мне знать?

- Это в предисловии написано.

- Никогда предисловий не читаю.

- Ну и напрасно.

- Исправимся - какие наши годы? А ведь это здорово, что наши любимые книги написаны друзьями, правда, Ань?

- Правда, Юль.

Разговорчики девчонок мало интересовали домового: он уже оправился после нечаянно проглоченного яда и теперь опять перебежал к тому месту на потолке, под которым сидели девочки, - готовился к новому нападению.

Сестры поели, и Аня прочла благодарственную молитву:

- Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ. Не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, но яко посреди учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир дая им, прииди к нам и спаси нас.

- Аминь! - завопила Юлька, взмахнув допитой бутылкой пепси.

- Тьфу! - Разгневанный и опаленный молитвой, Михрютка не удержался и сплюнул ядовитой слюной в сторону, не сообразив, что опять зря расходует яд, предназначенный для отравления сестер. Увидев, что они все равно уже кончили есть, он потащился обратно в свой пыльный, затянутый паутиной уголок.

- Тебе все понятно, Юля?

- Нет, но звучит красиво.

Девочки сложили оставшуюся еду обратно в сумку, и теперь им снова стало нечего делать. Они сели рядом на разложенных спальниках, и Аня спросила:

- Интересно, долго ли нам тут сидеть придется?
- Вот папа придет из офиса, найдет письмо от похитителей и примется нас спасать.
- А почему ты думаешь, что они пришлют ему письмо?
- Так всегда делают при киднеппинге.
- А-а...

Вдруг Аня подняла голову и спросила дрожащим голосом:

- Юленька, я тебя очень прошу, скажи мне правду!
- Какую еще правду? - с подозрением спросила Юлька.
- У нашего папы здоровое сердце?
- Фу, ну ты и вопросыки задаешь! - с облегчением фыркнула Юлька. - Нашла время о папином здоровье беспокоиться!
- Как же ты не понимаешь, Юля! Если у нашего папы слабое сердце, у него может случиться инфаркт, когда он узнает, что нас с тобой похитили.
- Ой, об этом я не подумала, - упавшим голосом сказала Юлька. Но тут же принялась успокаивать и себя, и Аню: - Да здоровое, здоровое у него сердце! Он в теннис играет и зимой в проруби купается.
- Бедный наш папочка, сколько же ему предстоит переживаний!
- Ты лучше о нас сейчас думай, это ведь нас с тобой, а не его похитили.
- Но ты представь, что было бы с тобой и со мной, если бы нашего папу похитили бандиты?
- Да отстань ты со своими глупостями, не трави душу! Давай лучше чем-нибудь займемся, чтобы зря не терзать друг друга.
- Ты права, Юленька. Давай помолимся.
- Этого мне только не хватало! Перед едой молись, после еды молись, ну а задаром-то чего же молиться?
- Не задаром, а за папу нашего! Я, конечно, и одна могу помолиться, но для папы лучше, чтобы обе дочери за него молились. А то Господь подумает, что я прошу у Него для папы здоровья, а ты - нет.
- А он, Господь твой, папе поможет, если у него вдруг станет плохо с сердцем?
- Если услышит наши молитвы - обязательно поможет!
- А как сделать, чтобы услышал?
- Молиться искренне, от всего сердца.
- Подожди, дай подумать...

Юлька задумалась глубоко и серьезно. С одной стороны, за папу не помешает помолиться – ну, хотя бы на всякий случай. Но с другой стороны, киднеппинг, который может так здорово расстроить папу, это полностью ее, Юлькина, затея: честно ли в таком случае будет молиться Аниному Богу о папином здоровье? А кроме того, молиться Богу за папу – это значит признать перед Богом свою вину. А она вовсе ни о чем не жалеет, никакой особенной вины за собой не признает, а только немножко сомневается...

- Не буду молиться, – решила она вслух. – Вредно так много молиться.

- Еще как вредно-то! – проворчал Михрютка, съезживаясь в своем темном уголке под потолком, откуда, почуяв беса и брезгуя таким соседством, уже давно разбежались все пауки.

- Неужели ты за папу ни чуточки не беспокоишься? – удивилась Аня.

- Да беспокоюсь я, беспокоюсь! Отстань, надоела! – Юлька вскочила с места и начала ходить по сараю, потирая плечи и голые руки.

- Бр-р, холодно почему-то становится, а ведь на улице наверняка жара. Давай поболтаем, что ли?

- Прости, Юленька, но я уже устала от разговоров, я буду молиться.

- А мне мысли в голову лезут, когда мы молчим, – пожаловалась Юлька. – Ладно, давай уж я помолюсь вместе с тобой за папу...

- И не вздумай, и не смей, дура! – зашипел Михрютка, грозя сверху мохнатыми когтистыми лапами и рискуя свалиться с потолка. – Твои молитвы все равно никто не услышит!

- Только я боюсь, что от моих молитв никакого толку не будет, – сказала Юлька. – Бог твой меня не услышит.

- Это почему? – удивилась Аня. – Тебе положено молиться, ты ведь крещеная.

- Я – крещеная? – удивилась Юлька. – С чего это ты взяла?

- Ну как же? – в свою очередь, удивилась Аня. – Родились мы обе четырнадцатого июня, так? А через две недели, двадцать восьмого июня нас крестили.

- Откуда ты знаешь?

- У меня документ есть – свидетельство о крещении.

- Так это у тебя! Это же тебя, а не меня крестили.

- Прости, Юленька, но ты какие-то глупости говоришь. Сама подумай: две девочки-близнецы рождаются в один день в одной семье, и вдруг одну крестят, а другую – нет. Позабыли, что ли? Так быть просто не могло.

- Ну да, получается, что и меня тоже крестили в одно время с тобой, мы ведь тогда вместе жили. А у меня никакого свидетельства нет...

- Может, оно у бабушки хранится? Вот поставят ей телефон, мы позвоним и спросим.

- Ладно. Учи давай, как за папу молиться!

- Повторяй за мной: Господи! Спаси и помилуй раба Твоего Дмитрия, защити его от всех врагов видимых и невидимых, пошли ему здравие душевное и телесное!

- Господи... спаси и помилуй... - У болтушки Юльки язык вдруг начал заплетаться, но она упорно, слово за словом повторяла Анины слова.

- Караул! Совсем достали скверные девчонки своими молитвами! - закричал Михрютка и сиганул сквозь дырявую крышу сарая наружу. - Весь левый бок Михрюточке ошпарили! Прыгун, Прыгун, ты где? Спасай свою девчонку, пока не поздно, - ее молитвам учат!

Прыгуна возле сарая и не было: обнаружив, что Ангелы Хранители не оставляют сестер, он решил с ними не связываться и удрал на другой конец острова, к Кактусу в гости. Но зато под окном часовни так и стояли на страже Иоанн с Юлиусом. Контуженный молитвой бес-домовой свалился прямо им под ноги. Иоанн поддел его своим мечом и, размахнувшись, отправил его кувыркаться через всю сиреневую рощу.

- Не смей мешать людям молиться! Вот видишь, - обратился он к Юлиусу, - я же говорил, что Господь любое зло может в добро претворить. Поздравляю, брат: твоя отроковица сейчас впервые в жизни помолилась, да еще как помолилась-то! От всего сердца, с любовью, с жаром.

Юлиус кивнул. Он сиял, и слезы в его глазах тоже сияли.

- Слава Тебе, Господи, слава Тебе! - только и сумел он вымолвить.

Глава 8

Между тем киднеппинг развивался вовсе не по Юлькиному плану и даже не по плану злокозненной Жанны.

Жанна собиралась по получении Мишиным письма о выкупе внушить ему, что все это - проделки каких-то мелких хулиганов и письмо надо просто передать через Павлушу в милицию. Дальше все должно было развиваться таким образом: милиция устраивает засаду в кафе, Мишин относит туда пакет с фальшивыми деньгами, милиционеры хватают злосчастного Бульдозера и обвиняют его как в глупом киднеппинге с ничтожной суммой выкупа, так и в гибели сестер. Но Мишин письма не получил, то есть он его получил, но не через Киру, а Бульдозер, как мы знаем, вообще исчез.

После обеда Кира Лопухина, как и было условлено, положила в сумочку письмо с требованием выкупа, вышла из дома и направилась к Мишиным. Между их с Юлькой домами лежал изрядный участок парка. Проходя по пустынной аллее, она услышала, что кто-то бежит за нею вдогонку. «Бегун какой-то», - подумала Кира: по Крестовскому парку бегало много ревнителей здоровья. Но, поравнявшись с нею, неизвестный бегун вдруг сорвал у нее с плеча сумочку, в которой лежало письмо к Мишину, и помчался дальше.

- Стойте, стойте! Там нет никаких денег! Там только важное письмо! Отдайте мне, пожалуйста, мою сумку! - кричала Кира, несясь по аллее вслед за вором, но тот свернул на боковую дорожку и исчез в кустах. Преследовать его дальше Кира не решилась и, расстроенная, вернулась домой. Она сразу же вызвала по телефону Юрика и Гулю и, когда те явились к ней, рассказала им о пропаже письма.

- Ерунда, - сказал Юрик, - мы же знаем его содержание. Сейчас напишем другое письмо, и ты его отнесешь к Мишиным.

- Ну нет, больше я ни с какими письмами никуда не пойду, я боюсь! - сказала Кира. - Вы что, не понимаете, что произошло? Письмо попало в руки настоящего преступника. Вы думаете, он не сообразит, как им воспользоваться?

- Факт - сообразит, - поддакнула Гуля.

- Да не берите в голову, - успокаивал их Юрик. - Мелкий воришка, охотник за дамскими сумочками и вдруг - киднеппинг! Вы что, девчонки? Да выбросит он письмо, и все дела!

- Сегодня, между прочим, понедельник. Когда я еще только вышла из дома с этим несчастным письмом, у меня было предчувствие, что случится что-то нехорошее и...

- Тебе перешла дорогу черная кошка с пустым ведром, - продолжил за нее Юрик. Кира вместо Бога верила в черную кошку, в несчастливое число тринадцать и прочую ерунду, и Юрик об этом знал.

- Ты зря, Юрка, в натуре, смеешься, - заметила Гуля, - тут ведь не прикол, а прокол!

- Он может надо мной смеяться сколько хочет, но я-то твердо знаю, что из дома никуда сегодня больше не выйду, - решительно заявила Кира. - Я не хочу, чтобы меня выследили бандиты, а потом мы с мамой в одно прекрасное утро проснулись с перерезанными горлами.

- Ну, тогда Гуля ходит и отнесет.

- Не, на меня стрелки не переводи! Я тоже не очень хочу, чтоб меня, сироту, в тихом парке замочили! - возмутилась Гуля. - Это Юлькины фишки, а мы из-за нее подставляться должны?

- И это говорит лучшая Юлькина подружка! - поддразнил ее Юрик.

- Ты можешь на меня не наезжать, Юрка?

- На тебя наезжать? Да тебя, сироту крестовскую, и не объедешь! - усмехнулся Юрик.

- Ты лучше глянь, что с Киркой творится, в натуре! Вон как она от мандража подурнела!

- Врешь! - Кира подскочила к зеркалу. - Ни капельки я не подурнела. Наоборот, мне очень идет одухотворенная бледность.

- Так, может, ты теперь к сараю сбегаешь, чтобы еще больше одухотвориться и заодно Юльку предупредишь? - спросил Юрик. - Ладно, трусихи! Сидите и не высывайтесь, я сам пойду к Юльке и спрошу, как теперь быть. Может, она сама напишет другое письмо.

- Ну да, у нее там в сарае комп припрятан! - усмехнулась Гуля. - А писать от руки ей по жизни нельзя - отец узнает ее почерк. Как же она нас, типа, нагрузила!

- Юлька может написать письмо печатными буквами, - сказал Юрик. - Все, девчонки! Я пошел к сараю: подзову Юльку к двери, изложу ей проблему шепотом через замочную скважину, а дальше пусть сама решает. Ждите меня, я скоро! Но потом все равно кому-нибудь из вас придется нести письмо к Мишиным: пять тысяч долларов на дороге не валяются!

Юрик слинял. Гуля закисла. Она ведь по жизни была неслабый товарищ, в натуре, и ей было

стрёмно за Юрика... Тьфу! Этот сленг такая противная прилипчивая штука - вот видите, что получается? Придется, наверно, с Гулей на время расстаться, по-моему, она на меня плохо влияет... Никогда не шалите со сленгом, дети! Он может вас неожиданно подвести и подпортить вам репутацию. Ну его!

Юрик бежал всю дорогу до сарая, а подбежав к нему, резко остановился перед дверью и оторопел: вместо большого амбарного замка, который он собственноручно повесил сегодня утром, на двери сарая висел совсем другой замок - граненый стальной цилиндр с цифрами. Юрик растерялся. Он подошел к самой двери, приложил к ней ухо и прислушался. И тут же его голову накрыло что-то мокрое, противное и плотное. Он попытался кричать, но почувствовал сильный удар по голове и отключился.

Юлька и Аня спали. В сарае было прохладно, поэтому сестры залезли в один спальник, а другим укрылись сверху. Они обнялись, пригрелись и уснули. Проснулись они от шума: скрипнула дверь, и что-то крупное и тяжелое рухнуло на пол.

- Ой, что это? - вскричала Юлька. - Смотри, Ань, нам чей-то труп подбросили! Папа-а-а!

- Папочка-а-а! - закричала и Аня, глядя на темное и неподвижное человеческое тело, лежавшее посреди сарая.

Так они с Юлькой сидели и вопили изо всей мочи, пока тело на полу не зашевелилось и не стало медленно и неуклюже подниматься. Девочки замерли от ужаса.

- Сама ты труп, Юлька. А еще дура, - сказал Юрик, сбрасывая мокрый шарф с головы и садясь на полу. Он потер лоб. - У, гады, головой об дверь стукнули!

- Они угадали, что это твое слабое место, - придя в себя, тут же моментально среагировала Юлька. - Слушай, Юрик, а кто это «они»?

- Ну, те, которые меня сюда впихнули.

- Ты их видел?

- Как я мог их видеть, когда они мне шарф на голову накинули?

Юрик понюхал шарф.

- Тьфу! Обыкновенная вода...

- А ты надеялся на хлороформ?

- Да ладно тебе...

Юрик подошел к двери и потолкал ее плечом.

- Заперто... Кто ж это, интересно, меня сюда впихнул и дверь за мной запер? Между прочим, Юлька, там на двери теперь цифровой замок висит.

- Вы знаете, Юра, нас тоже тут заперли, когда мы с Юлей зашли часовню осмотреть, - начала было рассказывать Аня, но Юлька ее оборвала:

- Помолчи, Ань, минутку, а? Юрик, расскажи толком, как ты сюда попал?

- Ну, я сюда пришел... Слушай, а давай-ка отойдем в уголок и я тебе все на ухо расскажу. Извините, Аня, у нас личные секреты.

- Да, пожалуйста... - немного обиженно протянула Аня. - Я могу и уши заткнуть.

- И очень правильно сделаешь! - бросила Юлька.

Они с Юриком отошли в угол, и он начал что-то шептать ей на ухо. Слушая его, Юлька раскрывала рот все шире и шире, а когда он закончил, заревела в голос.

- Ты чего это, Юлька? Ну напишешь другое письмо... Хотя, впрочем, написать-то можно, вот отнести некому.

- Ты ничего, Юрик, не понимаешь! Это уже настоящий киднеппинг начинается, вот что! Письмо перехвачено, а папе будет отправлено другое. Твоему, кстати, скорее всего, тоже - иначе зачем бандиты тебя к нам подбросили? А где Гуля с Кирой?

- Они у Киры. Я им велел сидеть и не высовываться, пока я за ними не приду.

- Это ты правильно решил, а то их тоже поймают и сюда запихнут. Ой-ой-ой, что же теперь будет? - рыдала Юлька.

Аня подошла к ней и обняла за плечи.

- А иди ты! - Юлька сбросила с плеча Анину руку. - Из-за тебя все!

- Я-то тут при чем? - обиделась Аня. Она отошла от сестры и села на спальник, обняв колени руками. Она ничего не поняла, кроме одного: Юля почему-то снова начала на нее злиться, и это Ане было горше всего.

- Юрик! Ты такой умный! Ну придумай что-нибудь, а? Как нам отсюда выбраться? - заняла Юлька.

- Твоя затея - ты и думай. Сама со своим киднеппингом разбирайся.

- Ага, все на меня одну сваливать, да? Это нечестно! Тебе ведь тоже эта затея нравилась, признайся! Значит, ты так же виноват, как и я.

- Извини! Ты - организатор, а я только скромный соучастник преступления.

- Какого преступления, Юра? - спросила Аня.

- Преступление называется киднеппинг, прекрасная псковитянка. Юлька вздумала разыграть...

- Юрка, замолчи сейчас же!

- Не могу молчать! Дело приняло такой оборот, что твоя сестра тоже имеет право знать, что происходит на самом деле. Ты сама признала, что идет уже не игра в киднеппинг, а самое настоящее похищение с последующим выкупом. И ты права, что сумма выкупа навряд ли останется прежней.

- Юрка, замолчи сейчас же! А то я как сейчас закричу! - И Юлька уже разинула рот, чтобы выполнить угрозу.

- Кричи погромче, Юлька, чтобы бандиты точно услышали и пришли проверить, чего это ты тут разоралась.

Юлька испуганно прикрыла рот ладошками.

- Вот так-то лучше. - Юрик сел рядом с Аней на спальник и задумался. Юлька села по другую сторону от сестры и опустила голову на колени.

Насчет нового киднеппинга Юлька не ошиблась: как раз в это время прямо в офис Мишину принесли письмо - то самое, отпечатанное Юлькой на компьютере Жанны. Только теперь сумма - десять тысяч долларов за каждую сестру - была обведена жирным черным фломастером и к ней были приписаны два нуля: за сестер требовали уже два миллиона долларов!

Прочитав это письмо, Мишин сначала взревел медведем, потом схватился за голову, потом - за телефон. Прежде всего он позвонил домой и узнал от Павлуши, что ни девочек, ни Жанны дома нет: как ушли с утра, так до сих пор еще не вернулись. Он начал было набирать номер одной из спецслужб, но передумал и положил трубку. Вынул мобильник и стал звонить по нему, но связи с Жанной не было. Он вызвал к себе секретаря Акопа Спартаковича.

- Акопчик, ты не знаешь, где Жанна?

- Уехала в салон красоты на весь день.

- А, вот почему мобильник не отвечает! Ну что ж, придется все решать самому. Акопчик, ты сможешь срочно найти покупателя на мой дом?

- Вы хотите продать виллу, Дмитрий Сергеевич?

- Да, и очень срочно.

- Как именно срочно?

- Сегодня. Сейчас.

- Понятно. За сколько?

- За два миллиона.

- Два миллиона она, безусловно, стоит, но срочно за эту сумму продать не удастся. За один миллион я найду покупателя через час, а за два...

- Нет! Мне эти два миллиона нужны к завтрашнему утру. Надо попробовать занять в долг.

- Быстро найти такую сумму в долг тоже непросто. Хотя есть один вариант... Дмитрий Сергеевич, а когда вы сможете вернуть долг?

- Как только продам дом.

- Наверное, я должен заранее подыскать вам квартиру, чтобы вы могли освободить виллу?

- Не надо. Я на время поеду к теще и дочек с собой возьму. Да это все потом! Сейчас главное - найти деньги...

- Я подскажу вам, у кого можно занять такие большие деньги под залог виллы. Но предупреждаю, Дмитрий Сергеевич, проценты будут огромные!

- Примерно?

- Десять процентов.

- Только-то?

- Десять процентов в день, Дмитрий Сергеевич.

- Да, круто... Но выхода нет. Устраивай мне два миллиона под этот процент, Акопчик.

- И еще я должен вас предупредить, Дмитрий Сергеевич, что кредитор - страшный человек. Он может с должника шкуру спустить, и вовсе не в переносном смысле...

- Не имеет значения, Акопчик. Если с моими девочками что-нибудь случится, мне все равно не жить. Давай свяжи меня с этим кредитором. Я его знаю?

- Вы его, может быть, и видели, но по-настоящему его мало кто знает. Как-то мне пришлось иметь с ним дело, и с тех пор, если этот человек мне ночью приснится, я потом неделю спать боюсь и без снотворного не засыпаю.

- Сведи меня с ним сегодня же и как можно скорее.

- Как скажете, Дмитрий Сергеевич.

И Акоп Спартакович одной рукой достал мобильный телефон, а другой начал листать записную книжку. Обе руки его дрожали.

Сегодня у Акопа Спартаковича был Ангельский день, и поэтому за его плечами стоял Хранитель Акопус, а бес Недокопка прятался за углом кабинета, как всегда в такие дни особенно злой на подопечного. Недокопка знал, что Мишину Акоп по-настоящему предан, а потому решил напакостить: предупредить Жанну о том, что собирается делать Мишин. Уж кто-кто, а Жанна сумеет сделать так, чтобы Мишину не удалось спасти своих девчонок!

Кроме того, Недокопка уже понял, что Акоп сейчас отправится к пакостному старичку Буденвайзеру, и по правилам ему, бесу приставленному, надо было бы туда Акопа сопровождать. А Недокопке страшно не хотелось идти в логово Буденвайзера: а вдруг там случайно окажется темный князь Санкт-Петербурга, свирепый демон Ленингад? Есть такие исчадия ада, перед которыми другие бесы дрожат и трепещут. Вспомнил Недокопка Ленингада и от ужаса содрогнулся. На первый взгляд и не скажешь, что так уж опасен Ленингад: маленький, ничтожный, картавый, на лысого человечка похожий. Но злобы он был поистине адской, не щадил ни людей, ни зверей, ни бесов. «Лучше я домой полечу, Жану обо всем доложу», - решил струхнувший мелкий бес.

Недокопка помчался на виллу Мишина, облетел весь дом, но не нашел ни Жана, ни Михрютки. Ну, Жан, тот, видно, все еще в салоне красоты с Жанной прохлаждается, дамским злословием лакомится, а домовый-то куда пропал? Одни только тупые бесы-«быки» играли в комнате охранников в картишки, но им нельзя было доверить важную информацию - через минуту все забудут. «Что ж это домовому нашему дома не сидится? - раздраженно подумал Недокопка. - Слетаю-ка я к Кактусу, может, он там светскую жизнь ведет?»

Михрютка, которого меч Иоанна отбросил от сарая почти до реки Малая Невка, и впрямь пребывал в компании Кактуса. Но туда он прилетел не за светской жизнью, а жаловаться. Домовой знал, что Кактус весьма симпатизирует Жанне и с одобрением наблюдает за ходом киднеппинга. Кактусу, конечно, не понравилось, что девчонки в сарае всю молотят. Михрютка жаловался, что ему из-за этих молитв не только не удалось отравить сестер, как велела Жанна, но даже и пострадать пришлось:

- Ты глянь, начальник, опалили меня, как цыпленка! А левый бок ошпарили так, что он теперь обязательно облезет. Где это видано - домовой с лысиной на боку? Ты их накажи, начальник, обязательно накажи за Михрюточку-сироточку!

- Ладно, домовой, пошлю я бесов наказывать этих малолетних богомолок. Я им покажу, как на моем острове по сараям нелегальные молитвенные собрания устраивать! - пообещал Кактус, раздраженно подрагивая колючкой под левым глазом.

Довольный Михрютка разгуливал теперь среди бесов, показывал облезлый бок и жаловался: «Молитвой контузило!».

- Привет, Михрютка! - окликнул его Недокопка. - Ты чего тут ошиваешься?

- На отдыхе. Раненый я.

- Слушай сюда, домовой. Когда Жан вернется из салона красоты, расскажи ему, что дельце, которое они затеяли с Жанной, пошло-поехало совсем в другую сторону, - и Недокопка поведал Михрютке о том, что произошло в офисе Мишина.

- Не слабо! - восторженно взвизгнул домовой и полетел домой - поджидать Жана с хозяйкой. Домового переполняло чувство злорадного торжества. И бесы чувствовать умеют.

- Юля! Ты можешь рассказать мне всю правду? Что это за ужасную игру ты затеяла? - в конце концов потребовала Аня.

- Я думаю, пора ей рассказать, - сказал Юра.

- Кто она такая, чтобы я перед ней отчитывалась?

- Ёж - птица гордая, пока не дадут пинка - не полетит. Смотри, Юлька, доиграешься...

- Ни до чего я не доиграюсь, и вообще - это моя игра!

- Твоя, твоя... Опаньки! А ну-ка, тихо, девчонки, я голоса чьи-то слышу!

- Кира с Гулей? - с надеждой спросила Юлька.

- Нет, голоса мужские. - Юрик осторожно подошел к двери и прислонил к ней ухо. - Тихо, они сюда идут!

- Ой! - пискнула Юлька и бросилась в объятия сестры, та прижала ее к себе и тоже прислушалась.

Грубый мужской голос негромко пробормотал за дверью:

- Все в порядке, замок на месте.

- Ладно. Через пару часов опять подойдем, проверим.

- Слушай, Вован, а тебе не хочется взглянуть, что это за девчонки, за которых пахан два «лимона» требует? Стоят ли они двух «лимонов»?

- Ну, если хочешь - взгляни. Можешь даже потрогать. Код замка ты знаешь.

- Счас откроем...

У двери сарая стояли два крепко сбитых черных человека, то есть не совсем чтобы черных, но в черной кожаной одежде и с черными мыслями наготове.

За их спинами стояли бесы, похожие на огромных оживших снеговиков, но не смешных, а очень страшных: с огромными угольными зубами и голубоватыми круглыми льдинками вместо глаз.

- Отморозки явились! - сказал Юлиус, с тревогой глядя на жутких снеговиков.

Увидев, что один из черных людей достал ключ и собирается открыть замок и войти в сарай, Ангел Иоанн ласточкой слетел с крыши, а за ним устремился и Юлиус. Хранители выбросили мечи и с двух сторон одновременно коснулись ими висевшего на двери замка. Отморозки хотели им помешать, но передумали, испугавшись раскаленных мечей.

Один из черных людей протянул руку к замку, дотронулся до него и тут же с истошным криком отлетел метра на три и угодил прямо в заросли крапивы.

- Вот так-то, - сказал Иоанн, и Ангелы убрали мечи.

- Ой, блин! Что ж это нас не предупредили, что замок под током?

- Не предупредили - значит, не надо было. Вставай, пошли отсюда. Сказано - проверять снаружи, вот и не надо было тебе лезть. Придется доложить...

Ребята услышали, как за окном прощуршали ветки, затрещали под тяжелыми шагами сухие сучья, а потом за стенами сарая снова наступила тишина.

За черными людьми двинулись в кусты и бесы-отморозки, и только там, где они стояли, на траве остались два инистых круга.

- Юрик, что делать будем? - взмолилась Юлька. - Ты у нас один мужчина, выручай.

- Дошло до тебя, гордая птица-ёж? Только я понятия не имею, что тут можно предпринять. Решетки нам не выломать, подкоп рыть нечем, кричать опасно - бандиты услышат. Прямо садись и молись!

- Правильно! - сказала Аня. - Нам остается одно - молиться нашим Ангелам Хранителям. Я так рада, Юрик, что вы это понимаете.

- А я рад, Аня, что вы не теряете чувство юмора, - невесело усмехнулся Юрик. - Юлька вон совсем скисла и потекла. И ведь это она, она все затеяла! Юлька, сейчас самое время ввести Аню в курс дела.

- Не буду! - Юлька сердито отвернулась.

- Тогда я сам все расскажу. Ум хорошо, два лучше, а три - это уже консилиум. - И Юрик обстоятельно рассказал Ане всю историю с киднеппингом, включая нападение на Киру.

- Юра, а что такое «лимоны», про которые там за дверью говорили? - спросила Аня сдавленным от обиды, горя и страха голосом. - Это случайно не гранаты?

- Нет, псковитяночка наивная, «лимоны» - это по-блатному миллионы.

- А вы какой выкуп с моего папы требовали?

- Десять тысяч долларов...

- Так много?!

- Десять тысяч долларов за каждую.

- Я только не понимаю, - сказала Юлька, - как это двадцать тысяч зеленых превратились в два миллиона, про которые те за дверью говорили?

- Чего ж тут непонятного? В твою игру, Юленька, серьезные люди включились, вот и пошла игра на серьезные деньги.

- Да ладно тебе пугать! Достанет папка деньги и отдаст им. Неужели ему два миллиона дороже двух дочерей? Ну, потом поругает меня, конечно...

- Юлька, признайся: это ты сама себя уговариваешь или сестру? - спросил Юрик. - Я вот боюсь, что с моего отца потребуют не меньше, если не больше, - я все-таки единственный сын и наследник. Да, Юлька, заварила ты кашу...

- Ага, пока дело только нас с Анькой касалось, так вы все веселились, а как тебя самого задело - так я одна во всем виновата стала!

Нет, Юльку пробить было непросто, и Юрик махнул рукой, не стал больше спорить. К тому же в глубине души он понимал, что Юлька в чем-то права.

И вот потянулись для несчастных узников долгие и унылые часы заключения в мрачной темнице. Пытались они разговаривать о чем-нибудь постороннем, но в голову лезли только тревожные мысли; предложила Юлька поесть - кусок никому в горло не шел. Сидели, молчали, переживали, думали.

В это время утомленная борьбой за красоту, а также неизвестностью, Жанна вернулась домой. Она специально поехала в салон красоты, чтобы иметь стопроцентное алиби на этот день, но, не имея информации о том, как идет киднеппинг, изводилась и нервничала.

Жан, прибыв домой вместе с Жанной, тотчас вызвал к себе Михрютку и потребовал доложить обо всем, что произошло за это время с сестрами.

Михрютка катался перед Жаном по полу, держась всеми восемью лапами за круглый живот, и надрывался от хохота.

- Ой, не могу! Ой, помру со смеху! - надрывался Михрютка. - Что тут у нас без тебя содеялось, Жанчик!

- Ты докладывай, докладывай. Потом будешь кататься и кривляться, - холодно осадил его

Жан. - Ну, в чем дело?

- Наша-то хозяйшка как прокололась! Девчонки попали в руки настоящих бандитов, и те требуют с Мишина за них выкуп - два миллиона. Мишин собирается занять эти два миллиона у одного живоглота под залог виллы. Продаст виллу, а сам знаешь куда двинет? В Псков, к любимой теще! Отвезет к ней сестричек на сохранение и какое-то время сам с ними там поживет.

- Подожди, так сестры живы?

- Живы, живы! Рыдают себе в своем сарае.

- А почему это они до сих пор живы?

- По чистой случайности. Да наплевать на них, противных, их все равно завтра в Псков увезут!

- Так-так... Непонятки... Не пойму я, а ты-то чему радуешься, Михрютка? Ведь это же твой дом продают!

- А мне плевать! Это вам всем убраться отсюда придется, а я как прописался в подвале за отопительной системой, так там и останусь. Мне это Кактус обещал за мои раны, полученные в ходе борьбы с религиозными предрассудками. Новые люди придут, а в доме старый домовый проживает - редкая вещь по нынешним временам, «раритет» называется. Новые хозяева меня уважать будут, никто «осьминогой табуреткой» обзывать не станет... А Жанночка твоя пролетела, как фанера над Парижем! Ее-то Митя в Псков не возьмет, и отсюда уходить придется. Вот тебе и игра в киднеппинг! Доигралась хозяйка! Сама она пуфик колченогий!

- Подожди злорадствовать, игра еще не закончена.

- Ты думаешь?

- Уверен. Какой-то нахал наехал на Жанну, но этот бедняга просто нашей Жанны не знает, а то бы поостерегся!

Михрютка так и присел на все восемь лап.

- Жан, а Жан!

- Ну?

- Ты не говори хозяйке, что я шутил насчет ее киднеппинга.

- А ты разве шутил, Михрютка?

- Шутил, конечно, шутил! Ты и сам знаешь, Жанчик, как я предан нашей дорогой хозяйшке, ведь я за нее готов в огонь и в воду! Я ведь почему девчонок не перетравил? Бульдозер-то, на которого Жанна собиралась милицию навести и отравление свалить, сам свалил в неизвестном направлении! Так что я Жанночку спас, можно сказать.

- Ну-ну... Ладно, ты сиди дома и следи за событиями. Я слетаю к сараю, проверю, как там девчонки, а потом к Кактусу - узнаю последние новости: интересно, кто ж это Митю так круто подставил? А ты смотри за домом! И в адрес хозяйки больше не смерди, а то...

- Не буду, Жан, ну что ты... Ага, улетел! Ну, лети, лети. Вот вернешься молитвами девчонок

ошпаренный, на саламандру пятнистую похожий – посмотрим тогда, кто из нас смердит! У-у-у, всех ненавижу-у-у... Пойти, что ли, с минотаврами в картишки перекинуться?

День шел к концу, наступала белая ночь. За пыльными окнами сарая свет слегка померк, но в узилище тесном, со всех сторон сиренью затененном, стало почти совсем темно...

- Темень тут какая, страшно, – хныкала Юлька, – а еще белая ночь называется...

- Молчи, не хнычь. Ты помни, что папе нашему куда страшней, – сказала Аня, обнимая Юльку. – Ты думаешь, это легко – терять самых близких родных? А папа думает, что сразу обеих своих дочек потерял. Ему сейчас намного хуже, чем нам с тобой.

Юлька вздохнула и притихла

- Юра, скажите мне, какие неприятности из-за нас могут быть у папы? – попросила Аня.

- Большие могут быть неприятности, псковитянка. Обычно у бизнесменов деньги ни в кармане, ни в банке не лежат – деньги у них работают. Это Юлька по глупости думает, что богатому человеку найти за один день два миллиона – раз плюнуть. Мишин должен будет быстро ликвидировать либо свое дело, либо свою недвижимость, или занять два миллиона у людей, которые тем и живут, что ссужают другим деньги в долг под большие проценты. Такой долг растет потом с каждым днем, и если должник вовремя не расплачивается, кредиторы поступают с ним очень сурово.

- Убивают? – побелевшими губами спросила Аня.

- Бывает, что и убивают.

Юлька при последних словах Юрика заревела в голос. Аня не стала ее успокаивать, а отошла в самый темный угол, села на пол, сжалась в комочек и замерла.

Прошло какое-то время. Юлька рыдала уже потише, но зато начала громко икать.

Аня подобрала с пола кусок отлетевшей с потолка известки и стала чертить им что-то на стене в своем углу.

- Вы что там скребетесь, как мышка, Аня? – спросил Юрик, поднимая голову. – Хотите освободиться по способу графа Монте-Кристо? Напрасный труд: этот сарай построили пару веков назад. Тогда умели кирпичи делать крепкие, а известь замешивали на кислом молоке.

Аня ничего не ответила. Она вовсе не пыталась выковыривать кирпичи из стены, а рисовала на ней известкой большой крест.

- Это она нас отпевать задумала, – мрачно сказала Юлька, разглядев Анин крест. – Ой-ой-ой! И сестренку я погубила, совсем у нее крыша поехала...

Аня заштриховала слегка контур креста, и в сгущающейся тьме сарая крест показался Юльке и Юрику светящимся странным жемчужным светом.

- В самом деле, зачем вы рисуете крест, Аня? – спросил Юрик.

- Здесь не сохранилось ни икон, ни креста, а я хочу как следует помолиться своему Ангелу Хранителю. Крест – это чтобы он скорее меня услышал и понял, как мне сейчас трудно.

- О чем же вы будете его просить?

- О том, чтобы он помог нам отсюда выбраться и спас нашего папу.

- Вы что, в самом деле верите, что какой-то Ангел явится сюда по вашему вызову и выпустит нас на свободу?

- Да, верю. Если будет на то Божья воля, Ангел обязательно откликнется и поможет нам спастись, а главное - спасти нашего папу от всех неприятностей.

Юлька встала и подошла к Ане.

- Сестра, прости меня!

- Бог простит, сестра, - ответила Аня.

- А можно я снова буду с тобой молиться?

- Можно и нужно. Становись рядом и повторяй за мной: «Ангеле Божий, Хранителю мой святой...

- Ангеле Божий... Хранителю мой святой...

- Бедные девочки... - покачал головой Юрик.

Тут он услышал, как за стеной снова зашуршали кусты, захрустели сухие веточки под тяжелыми ногами. Потом чей-то грубый голос произнес:

- Ну, показывайте, где тут Вована током шарахнуло?

- Опять пришли! - предупреждающим громким шепотом сказал Юрик. - Кончайте молиться!

- Ай! - пискнула Юля. Но Аня обняла ее, притянула к себе поближе и стала молиться еще жарче и громче.

- Черт, чего это такое с замком? Ого! Замок-то прямо спекся, будто по нему паяльной лампой прошлись. Дела-а!

Сестры продолжали молиться.

- Надо проверить, что за непонятки такие? Придется дверь ломать...

- Ангел мой миленький, - хныкала Юлька, - ты меня прости, что я тебе так долго не молилась. Я обещаю тебе, что каждый день теперь молиться тебе буду, даже в церковь с Анькой ходить стану, только ты сейчас спаси нас! Ну, пожалуйста-а-а, Ангел!

- Ты слышишь, Иван, ты слышишь? Это ведь она меня зовет на помощь, деточка моя сладкая! Лечу к тебе, солнышко мое! Спасу я тебя, сокровище мое, из беды выручу!

Ангел Юлиус начал носиться над сараем, вокруг сарая, сквозь сарай, под конец даже нырнул вниз головой под сарай и вылетел из-под земли шагах в десяти от него - уже вверх головой.

Ангел Иоанн тем временем раскалил свой меч добела. Перед ним стояли двое черных, за ними маячили в кустах два «отморозка», а высоко в небе кружилась тройка бесов, посланных

Кактусом для наказания сестер за молитвы.

Юлиус вдруг спустился к Иоанну, остановился рядом и что-то зашептал ему.

- Выводи их, - сказал в ответ Иоанн, - я вас прикрою.

Юлиус поглядел на небо.

- Справишься один?

- Да их же всего трое в небе да пара в кустах!

- Ну, помоги тебе Господь, а я пошел вниз!

- Ступай с Богом, - кивнул ему Иоанн.

Юлиус прислонился к двери и исчез в ней. Иоанн приготовился к бою.

Бандиты совещались:

- Ломать? Ломать - не строить. Ты взломаешь дверь, а парнишка и девчонки там спят. Ну и что ты будешь делать - новую дверь сколачивать?

- Да как быть-то?

- Тебе за чем следить приказано? Цела ли дверь и висит ли на ней замок. Так?

- Так.

- Все цело?

- Цело.

- Отдыхай.

- Понял.

- На всякий случай мы в кустах засядем и оттуда будем наблюдать за сараем и за дверью.

- Понял.

Оба бандита отошли в кусты, улеглись там прямо в крапиву - им, кожаным, она была не страшна - и стали оттуда следить за обстановкой возле сарая.

С ними рядом неподвижно стояли два «отморозка».

Иоанн одним взмахом крыл взлетел на крышу сарая и выбросил меч над головой. Сверкающий меч превратился в длинную струю огня.

- Господи, благослови! - громко воскликнул Хранитель Иоанн, салютуя небу. Затем он опустил свой пылающий меч и начал вращаться вместе с мечом, держа его двумя руками и заключая старый сарай и всех в нем находящихся в непроницаемый огненный конус. Сам он при этом оставался неприкрытым от нападения сверху.

Тройка бесов ринулась на него сверху с трех сторон, а в лапах у них были огромные черные

ножи. Меч Иоанна описал плавную дугу, захватив ею двоих нападавших. С истошным визгом оба подбитых беса закувыркались в воздухе, как подстреленные вороны, и пропали. Третий с воем помчался прочь. Иоанн опустил меч. «Только-то? – подумал он. – А я даже и не разогрелся как следует!». И Хранитель сел отдыхать на краю проваленной крыши сарая, поглядывая сверху на «отморозков». Но те никак не реагировали на короткую схватку Ангела с бесами, стояли себе в кустах и стояли.

Но поспешил Ангел с отдыхом. Не таков был Кактус, чтоб смириться с тем, что какой-то залетный Ангел одним взмахом меча раскидал его вояк! Он их и послал-то к сараю больше для потехи – девчонок поугагать. Едва выслушав рапорт уцелевшего беса о позорном поражении, Кактус рванул в небо.

– Все на вылет! – завопил он на весь остров. – К сараю! За тьму кромешную, на Ангелов, вперед! За мной! Вперрред!!!

И огромная стая бесов с криками и огненными всполохами понеслась к месту сражения. Оказавшись над сараем, стая сбилась в плотную тучу и начала снижаться кругами: впереди и ниже всех, ощерившись колючками, летел сам Кактус, похожий на страшный черный и круглый снаряд. В хвосте стаи летели рядом Прыгун и Нулёк: они держались чуть в стороне от крупных бесов, опасаясь их грозных когтей и зубов.

Стая бесов, снижаясь вслед за Кактусом, становилась все больше похожа на огромную черную вращающуюся воронку, под хоботом которой стоял одинокий Ангел с огненным мечом.

В пыльные окна сарая бились отсветы каких-то дальних молний, как будто где-то далеко начиналась гроза. Пленникам показалось, что за окнами вдруг внезапно наступила тьма, какой в белые ночи не бывает даже во время грозы. И тут девочки и Юра услышали, как раздался громкий треск ломающегося дерева.

«Это бандиты дверь ломают!», – подумал Юрик и бросился к девочкам, чтобы обнять их, заслонить собой и принять на себя первый удар.

И в этот момент старая прогнившая доска под ними, уже начавшая трещать и прогибаться, не выдержала их общего веса, и все трое так в обнимку и провалились сквозь пол сарая.

Рухнув вниз, ребята некоторое время лежали кучей и боялись пошевелиться. Юра поднялся первым и помог подняться оглушенным падением девочкам.

– Куда это мы провалились? – спросила Юлька.

– В подвал, похоже, – ответил Юрик.

– Смотрите, тут какой-то свет! – воскликнула Аня. – Он откуда-то со стороны идет.

– Это какая-нибудь гнилушка светится. Я читала, что гнилое дерево может излучать свет, – сказала Юлька.

– Девочка моя! Умненькая! Отважненькая! Хоть и боится не меньше Аннушки, а виду не подает, – умилялся Юлиус, стоя в углу подвала с поднятым мечом – не пылающим, а так, слегка светящимся – ровно настолько, чтобы чуть-чуть осветить мрачное подземелье, не пугая при этом ребят.

– Девочки, вы потише говорите, – предупредил Юрик. – Пусть бандиты, когда ворвутся в сарай,

хотя бы не сразу нас обнаружат.

- Да разве братец Иван даст им ворваться, пока вы еще не выбрались отсюда? - усмехнулся Ангел Юлиус. - Юленька, погляди наверх, детка!

Юлька поглядела наверх.

- Ой, вы только посмотрите, Юрик, Аня! Над нами уже никакой дыры нет: доска, сквозь которую мы провалились, спружинила и снова встала на место!

- Ну, теперь нас бандиты не найдут, - сказал Юрик, - и мы с вами спокойно можем тут отсидеться.

- Да, если никто из них не наступит на эту доску и не провалится к нам, - резонно заметила Юлька.

- Юленька, из подземелья есть выход, поищите его, - сказал в самое ухо Юльке ее Хранитель.

- Надо бы осмотреться как следует, ощупать стены, - сказала Юлька. - Вдруг из этого подвала есть выход?

- Давайте обойдем стены кругом. Я пойду влево... - начал было Юрик, но Аня его перебила:

- Нет, Юра, давайте не расходиться по сторонам. Мы с Юлей боимся остаться без вас в темноте. Правда, Юль?

- Правда, Ань.

Они взялись за руки и пошли все вместе вдоль ближайшей стены, а Юрик при этом свободной рукой ощупывал сырую кирпичную кладку. Они обошли один угол, ничего не нашли и пошли вдоль следующей стены.

- Есть! - громко прошептал Юрик. - Не знаю, что это - ход или просто дыра, но если вы не боитесь, идите туда. Мне кажется, там в глубине свет.

Это Ангел Юлиус уже вступил в подземный ход со своим мечом, показывая ребятам дорогу.

Аня высвободила правую руку, за которую держалась Юлька, и перекрестилась.

- С Богом! - сказала она и снова взяла сестру за руку. Ребята осторожно двинулись вперед, в неизвестную темноту подземного хода, в глубине которого едва заметно светился кончик Ангельского меча.

Между тем вокруг старого сарая разгорелась страшная битва. Иоанн знал, что Юлиус уже увел детей подземным ходом, но он решил дать им уйти подальше. Небесный воин поднял меч над головой и вращал его, не подпуская бесовскую рать. Но бесов было слишком много: они накрыли и сарай, и заросли сирени вокруг такой плотной тучей, что, если бы не огненный меч, Ангел оказался бы во тьме кромешной. Они издали плевали в него огнем и черной ядовитой слизью - когда она попадала на Ангельские ризы, то прожигала их насквозь. Разъяренный Кактус отламывал от собственного туловища длинные острые колючки и бросал их в Иоанна словно дротики, и Ангел едва успевал отражать мечом эти смертоносные орудия. И могуч был Ангел Иоанн, и опытен в битвах с бесами, но он был один, а бесов слетелось великое множество, они накрывали его волна за волной, и он начал уставать. Огненный меч вращался

все медленней и медленней... И тут Иоанн вдруг вспомнил, что Хранитель города Петрус обещал ему помощь. Вот только сейчас он не мог извлечь зеркало, чтобы связаться с ним, – обе руки были заняты мечом. «Все равно попробую вызвать подмогу, авось услышит», – решил он и воскликнул:

- Хранитель города Петрус! На помощь!

И Петрус его услышал даже без зеркала. И увидел Иоанн, как посветлело небо на востоке и оттуда к нему вдруг устремилась алмазно сияющая звезда с широким огненным шлейфом: это градохранитель Петрус с целой армией Ангелов летел к нему на выручку. Сверкающая огненная волна обрушилась с неба и накрыла весь остров. С воем бросились бесы врассыпную, спасаясь от Ангельских мечей. Но Ангелы настигали духов тьмы и разили без всякой пощады. Отсеченные кожистые крылья, безобразные головы, когтистые лапы, извивающиеся ядовитые хвосты, мохнатые, кольчатые, бородавчатые тулова так и летели во все стороны. Поражаемые Ангелами бесы падали на землю, мгновение корчились на ней, а потом прямо сквозь нее проваливались в преисподнюю – и ни пепла, ни гари не оставалось от них на земле. Постепенно и небо стало очищаться от адской скверны.

Перед Кактусом, на круглом теле которого сочились черной слизью пеньки обломанных копьеподобных колючек, предстал великолепный, даже и в гневе своем прекрасный Градохранитель Петрус.

- Сдавайся, бес! – крикнул он, поднимая двумя руками меч над головой Кактуса.

- Уже! Уже сдался! – завопил тот, прикрывая лапами безобразную голову. – Опустить свой меч, Петрус, мы уходим!

По команде Кактуса уцелевшие бесы устремились в бегство. Последним исчез сам Кактус. Тем и закончилась великая битва при сарае.

- Ну, вот и все, – сказал Петрус, опуская меч.

- Вот и все, – повторил Ангел Иоанн. – Благодарствую, Петрус, Хранитель великого города.

- И я тебя благодарю, Хранитель Иоанн. Хорошо мы сегодня почистили этот остров! Давно я собирался это сделать, да все не было повода к открытой схватке. Больше моя помощь тебе не требуется?

- Нет, дальше, я думаю, мы с Юлиусом сами управимся.

- А как ваши подопечные сестрички?

- Ежели честно молвить, так скучать они нам с Юлиусом совсем не дают. Но друг дружку они любят, а теперь еще и вместе Богу молятся. Это ведь главное.

- Истинно, так. Так ты, Иван, не жалеешь, что прилетел в град Петров?

- Отнюдь.

- Вот и славно. Что ж, оставайся с Богом, а мы полетели.

- С Богом, Петрус, и вы, братие! Благодарствуйте все!

Белоснежная стая победивших Ангелов во главе с Петрусом полетела к центру города, а Иоанн

остался у сарая, оглядывая пейзаж после битвы. Ни одна былинка, ни один листик крапивы не пострадал в ходе сражения, а ведь какая была сеча! Ангел с сожалением оглядел свой прожженный во многих местах стихарь и сокрушенно покачал головой. Потом он подвесил меч к поясу и полетел разыскивать Юлиуса с девочками и Юриком.

Из кустов выпрыгнул уклонившийся от военных действий Прыгун и опасно огляделся.

- Эй, Нулёк, а ты где? - хриплым шепотом позвал дезертир.

- Да не ори ты - Ангелы услышат! Здесь я, - из-под другого куста на четвереньках выполз Нулёк. Он по-собачьи встряхнулся, и с него во все стороны полетели ошметки сажи и клочья обгоревшей шерсти. - Ох, ну и досталось нам сегодня! Подумать только, а начиналось-то все с небольшой шутки...

- Ага, с шуточки-потешечки, а вышли одни сплошные неприятности. Битву при сарае наши проиграли, моя Юлька попала под дурное влияние сестры и молиться начала. Слушай-ка, Нулёк, а ты не знаешь, где теперь наши пасомые?

- Ой, Прыгун, ты только никому не проговорись: ведь я со своим Юркой начисто связь потерял!

- Да ты что? - испугался Прыгун и от ужаса втянул в обезьяньи плечи петушиную голову. - Да как же это? А я-то на тебя рассчитывал! Юлька моя крещеная, и как только ей втемяшилось помолиться разок своему Ангелу, тот, конечно, тут же явился - не запылится. Рассиялся, крылья над нею поразвесил, ну и закрыл от меня девчонку! Теперь я прыгаю по кустам, ищу ее, а она как сквозь землю прова-лилась! А с твоим-то парнишкой что случилось?

- Ты понимаешь, Прыгун, он себя напрочь позабыл!

- Со страху, что ли?

- Надо полагать. Совсем о себе мальчишка не помнит, все только об этих девчонках заботится - ну я его и не слышу.

- Ты хочешь сказать, что в твоём Юрке эгоизма ни капли не осталось и тебе зацепиться не за что?

- Вот именно - ни капелюшечки!

- Какой кошмар!

- Еще бы! А какой был мальчик, какая гордыня, какое эго! Помню, было ему еще лет пять, подохла у него собачка Шарик, вроде бы любимая. Слышу, мальчик мой в истерике бьется, головкой по паркету стучит, а родители кругами бегают. Я испугался, что он искренне горюет, подлетаю и слышу: «Немедленно купите мне новую собаку, прямо сейчас купите! Как смел гадкий Шарик без моей команды помереть?». Каково, а?

- Да, талантливый ребенок.

- И вот с такими задатками да еще развитым прекрасным потакающим воспитанием, и вдруг, на тебе, в рыцаря превратился! Не обидно ли?

- Обидно, Нулёк. Да ведь и мне не сладко. Почти десять лет я Юлькиного Ангела на взмах крыла к ней не подпускал, а вот теперь они вдвоем куда-то от меня скрылись, а я по кустам

собачкой бегаю, следы вынюхиваю.

- И как, вынюхал что-нибудь?

- Да нет, куда там! Говорю ж тебе: как сквозь землю провалились!

- Придется к Кактусу лететь с повинной: так, мол, и так, упустил я своего подопечного. А Кактус после сегодняшнего позорного поражения, поколоченный и покалеченный, наверняка сидит в своей норе, колючки отращивает и на всех подряд зло срывает.

- Беда, Нулёк! А лететь тебе к Кактусу все равно придется, а то еще хуже будет.

- Да на чем лететь-то, когда у меня и крылья обвисли? Никакой ведь подпитки от подопечного!

- Тогда я один поскачу к Кактусу.

- Давай, скачи. Обо мне только пока ничего не говори, может, я еще связь с Юркой налажу. Я вот думаю, а вдруг он возгордится своим рыцарским поведением? Как только гордынька в нем появится, я его тут же - цап! - и запеленгую. Я могу рассчитывать, что ты пока ничего Кактусу про меня не скажешь?

- Да нет, Нулёк, не можешь. Я сразу же Кактусу доложу, что ты своего подопечного упустил. Я лучше про себя с Юлькой умолчу.

- Ах ты, предатель! - У Нулька от ярости в зобу дыханье сперло.

А коварный Прыгун еще и глумился:

- Конечно, предатель, а ты как думал? Я же не Ангел и даже не человек.

Нулёк заверещал и бросился на него, но Прыгун вовремя отскочил в сторону.

- Ну ты не очень-то, обезьян паленый! Я еще доложу, как ты неуважительно о мудром стратегическом отступлении Кактуса отозвался. А ты сиди тут и жди расправы. Чао! - И Прыгун скрылся в зарослях крапивы - зеленый в зеленом. Нулёк понял, что найти и догнать его не получится, и решил отложить месть на будущее.

Глава 9

Подземный ход был невысок, Юрику даже приходилось нагибать голову, чтобы не задевать потолок. Под ноги ребятам то и дело попадались выпавшие из стен кирпичи и какой-то подозрительный мусор. Было холодно, сыро, пахло гнилью. Через некоторое время пол начал уходить вниз, и у ребят под ногами захлюпала вода. Ноги стали вязнуть в глубокой грязи.

- Стойте! - воскликнула вдруг Аня. - Я кроссовку потеряла!

- Попробуй нащупать ногой, - посоветовала Юля.

Юрик подошел к Ане, нагнулся, опустил обе руки по локоть в густую вязкую жижу и попытался нашарить злополучную кроссовку.

- Не могу найти!

- Ладно, Юра, хватит вам в грязи елозить! Уж лучше я дальше пойду босая на одну ногу...

- Неуклюжая ты, Ань! - проворчала Юлька. - Юрка, кончай в грязи елозить, мы только время теряем. А ты, Ань, опирайся на меня покрепче и ступай на носок - меньше риска поранить ногу.

- Очень холодно ноге-то...

- А ты шагай веселей и согреешься. Хромай, хромай вперед, сестренка!

Они прошли по вязкой грязи еще несколько сотен метров. Юрик, шедший впереди, вдруг остановился.

- Тут начинаются ступеньки... - сказал он.

- Ура! Я знала, что ход нас куда-нибудь выведет! - обрадовалась Юлька. - Вот здорово!

- Угу, здорово, - сказал Юрик. - Только ведут эти ступеньки не вверх, а вниз.

- Иди вперед, Юлия, не сдавайся! - звал Ангел Юлиус. - Там впереди - свобода.

- А у меня предчувствие, что там впереди - выход, - сказала Юлька. - Давайте попробуем спуститься по ступенькам: назад мы всегда сумеем подняться!

- Не уверен, не уверен... Может, мне одному спуститься и проверить, что там? - размышлял Юрик вслух, поеживаясь.

- Какой же вы храбрый, Юра! - тихо сказала Аня, и эти слова решили дело.

- Стойте тут, девчонки, и не двигайтесь, а я пошел на разведку...

Сестры замерли на месте и только слушали, как из темноты впереди слышатся плеск и злобное чавканье тины.

- Я понял, где мы! - раздался впереди приглушенный голос Юрика. - Здесь выход прямо под причал гребного клуба. Идите сюда!

Девочки осторожно начали спускаться по ступенькам. Они спускались, а вода поднималась. Когда ступеньки кончились, они стояли уже по пояс в холодной и пахнущей тиной воде. Сначала они даже не поняли, что уже вышли из подземного хода и стояли теперь просто на дне реки. Стало еще холоднее, но зато светлее. Прямо над их головами были доски причала, и сквозь щели между ними пробивался свет белой ночи, а впереди, за краем причала, розовела узкая полоска вечерней зари.

- Вам туда! - сказал Юлиус, показывая в сторону зари.

- Нам туда! - повторила Юлька. - Я вижу свет. Пойдем вперед, а там выберемся из-под причала и поплывем к берегу.

- Давайте руки! - сказал Юрик. - И еще, девчонки: давайте не шуметь - мы не знаем, кто там сверху на причале может оказаться.

Они пошли вперед, держась за руки. Край причала приближался, но и вода поднималась. И вот они уже под крайней доской причала. Девочки стояли по шею в воде, а Юрику она теперь

была по грудь. На причал забраться отсюда было невозможно, даже Юрик не доставал рукой до его края. Он огляделся.

- Поплывем вправо, там берег ближе. Только бы ноги не свело, вода холоднющая, а еще конец июня называется... Раздевайтесь!

- Зачем раздеваться? - спросила Аня.

- Чтобы не утонуть, горе мое! - сказала Юлька. - Давай снимай джинсы и бросай тут! Видишь, Юрик свои уже скинул. В джинсах ты не сможешь плыть - они будут стеснять движения.

- Как же я их так вот просто сниму и брошу, ведь это же твои фирменные джинсы!

- Анька, не доставай меня сейчас, не воспитывай - некогда! Снимай давай! И кроссовку вторую сбрось, она-то уж тебе теперь совсем ни к чему. Ну, что ты стоишь, как манекен в витрине?

- Юля... Юрик... Вы знаете, а я ведь плавать не умею.

- Ну, ты даешь, сестрица! До двенадцати лет дожить и плавать не научиться!

- Мне еще нет двенадцати...

- А то я не знаю. Что будем делать, Юрик? Давай ты поплывешь один, а мы с Аней тут побудем. Вон там, в клубе, окошко светится, там наверняка сторож сидит. Ты скажешь ему про нас, и он вызовет спасателей и милицию.

Ангел Юлиус вдруг явственно почувствовал, что ночной визит Юрика в гребной клуб грозит ребятам крупными неприятностями - со стороны освещенного окошка так и веяло злом. Нельзя было пускать Юрика в гребной клуб «Лига». Хранитель вздохнул - ему очень не хотелось этого делать! - и слегка коснулся кончиком меча Юлиной ноги под коленкой.

- Вау! - воскликнула Юля и, шипя от боли, начала растирать икру.

- Что с тобой?

- Ногу свело. Это от холода. Юрка, нам нельзя тут стоять и мерзнуть: если мы тут останемся, то у меня такие судороги начнутся, что я от боли вопить начну. Я закричу - а бандиты прибегут. Нам это надо?

- Так что же делать?

- Поплыли к берегу все втроем, мы с тобой будем Аню на воде поддерживать. Другого выхода нет.

- Есть, - тихо сказала Аня. - Вы вдвоем плывите, а я пока тут останусь. А потом уж вы как-нибудь и меня спасете. Только, Юленька, прошу тебя, вы сначала папу предупредите, а после меня спасать начинайте. Я ничего, я п-п-почти не з-з-замерзла...

- Хуже нет, как угодить с девчонками в экстремальную ситуацию, - проворчал Юрик. - Значит, поступаем так. Аня становится посередине и держится за наши плечи, и так мы все выплываем за причал и держим вдоль него к берегу. Если по дороге тебя, Юлька, прихватит судорога, ты бросаешь нас и ложишься на спину. Я вытаскиваю Аню и возвращаюсь за тобой. Всем все ясно? Пошли!

- По-по-пошли! - сказала Аня.

Ане казалось, что плыли они вдоль черного причала несколько часов. Глаза она зажмурила от страха, ногами колотила без толку и попадала иногда по спине Юрику или Юльке, и воды она наглоталась вдосталь, но продолжала цепко держаться за их плечи. У Юльки судорог в воде больше не случилось. И вот уже Юрик первый коснулся ногами дна. Он сразу же подхватил захлебывающуюся Аню поперек живота и поволок ее на берег. Следом плыла, а затем брела по дну Юлька.

Юрик благополучно вынес Аню на берег и огляделся: вокруг было спокойно и пусто. Он занес Аню на причал, опустил ее на доски и сам лег рядом. За ними на причал вбежала дрожащая Юлька и рухнула рядом. Все трое лежали рядом и всем телом впитывали последнее тепло из нагретых за день досок. Целых пять минут им казалось, что они согреваются. Но легкий ветерок от воды не высушил, а только остудил их кожу, и они снова начали замерзать.

- Теперь скорей бегите домой! - нашептывал Юлиус Юльке на ухо. Но не удалось ему уберечь ребят от неведомой опасности, уж очень они, бедные, продрогли.

- Бегом туда, в гребной клуб! - командовал Юрик. - Разбудим сторожа и позвоним домой, чтобы за нами прислали машину.

Они вскочили, побежали к входу в здание клуба, где светилось такое уютное издали окно, и принялись звонить в звонок у запертой двери.

Все, что мог сделать Хранитель Юлиус в данной ситуации, это извлечь зеркало и вызвать на подмогу Иоанна.

- Слушай, брат, мы тут оказались у гребного клуба, а в нем, чую, какое-то страшное бесовское гнездо. Лети на подмогу!

- Лечу, брат! - ответил Хранитель Иоанн и через несколько мгновений уже стоял рядом с Юлиусом.

Сторож услышал звонки, открыл дверь и вышел на крыльцо. Увидев мокрых и дрожащих ребят, он широко распахнул дверь:

- Проходите, молодые люди!

- Мы купались, а кто-то украл нашу одежду, - начала было врать Юлька, но старик замахал руками:

- Потом, потом расскажете, барышня! Проходите в мою дежурку, у меня как раз чай горячий. Сначала обогреетесь, а потом будете рассказывать, что там такое с вами приключилось.

Старик провел их в маленькую теплую комнатку и усадил на продавленный диван. Потом он вышел и через минуту вернулся, неся три фужайки с эмблемой клуба «Лига».

- Надевайте скорей!

Он выставил на стол три стакана и налил чай.

- Сахару кладите побольше. Пейте и согревайтесь!

Ребята так и прикипили к стаканам со сладким горячим чаем. Потом Юрик, немного

отогревшись, спросил:

- Где тут у вас телефон? Нам надо домой позвонить, чтобы за нами приехали.

- А телефон у нас тут, к сожалению, уже три дня как испортился. И ближайший таксофон не работает - трубку хулиганы срезали.

- И мобильника нет?

- Откуда у простого сторожа может быть мобильник, юноша?

- Ладно. Тогда мы пойдем, нам срочно домой надо.

- Да вы и не просохла еще толком! Куда я вас таких отпущу? Простудитесь еще... Мы вот что сделаем. Тут неподалеку дежурит мой знакомый милиционер, и у него, конечно же, есть мобильный телефон. Давайте номера телефонов: я позвоню и объясню вашим родителям обстановку.

- Нашему папе звонить нельзя, - сказала Юлька. - Я должна ему сначала все объяснить. Если кто-то чужой позвонит, он только еще сильнее разволнуется. Юрик, дай твой телефон!

Старик вынул из кармана записную книжечку и приготовился записывать.

- Ну-с, диктуйте ваш номер, Юрий.

Юра продиктовал номер отцовского мобильника и прибавил:

- Зовут моего отца Виктор Андреевич Сажин. Скажите ему, чтобы приехал за мной.

- Ваш отец - известный предприниматель Виктор Андреевич Сажин? Это слишком умный господин, чтобы поверить звонку незнакомого человека. Вот что, молодой человек, вы мне скажите какую-нибудь примету, по которой ваш отец поймет, что я действительно звоню от вашего имени.

- Скажите ему, что на моем письменном столе лежат черные джинсы, а в их левом кармане - пачка «Мальборо» с ментолом. Попадет мне, конечно, от отца, когда он сигареты обнаружит, но зато уж сомневаться не будет, что звонок от меня.

- Да, очень жаль, что придется огорчить вашего достойного родителя, - покачал головой старик. - Но зато это прозвучит убедительно, не так ли, юноша? А нам как раз это и требуется. Ну так я немедленно иду и звоню вашему отцу. А вы грейтесь и можете даже подремать на диванчике. Думаю, у меня это займет полчаса, не больше. Не скучайте, молодые люди! Если понадобится туалет, он в коридоре рядом - найдете.

- Целых полчаса! - ужаснулась Юлька, когда старик удалился.

- Имей совесть, - одернул ее Юрик. - Человеку сто лет в обед, а он бросил все и побежал по нашим делам. Еще хорошо, если за полчаса обернется.

Ни Юлиус, ни Иоанн не знали, что за человек сторож гребного клуба «Лига». Но они ясно видели, что внутри благообразного старика с пышными усами клубится такая плотная и злая тьма духовная, с какой соперничать могут только очень крупные бесы. А еще они видели в его глазах не замеченное детьми злобное торжество. Поэтому Ангелы, не спускавшие со сторожа глаз, почти не удивились, когда старик запер дверь коридора, в который выходила дверь его

комнатушки, а сам поднялся на второй этаж клуба, зашел в один из кабинетов и там вынул из кармана мобильный телефон. Он позвонил, и ему сразу же ответили.

- Это я. Что там у тебя, Егор?... Так, детки, значит, в сарае, а вы на полянке. А теперь, Егорушка, открой дверь и проверь, все ли в сарае в порядке?... Взломайте дверь, раз замок не открывается, я подожду... Как это никого в сарае нет, а где же наши детки? Все осмотрели? И пол, и крышу? И куда же они, по-вашему, делись? Плохо работаешь, Егорушка, очень плохо: придется тебя наказать, голубчик. Значит, так... Уберете там следы и ко мне, в клуб. Все!

Закончив разговор, старик спустился по лестнице, вышел из клуба, запер за собой дверь, прошел на причал и там остановился на самом краю. Он снова вынул мобильный телефон и позвонил. Ему ответили, и он заговорил измененным голосом:

- Виктор Андреевич, вам звонит новый знакомый вашего сына Юрия. Он попал в большую беду и просит вашей помощи. Вы сейчас дома? Очень хорошо. Зайдите в комнату вашего сына и удостоверьтесь, что на его письменном столе лежат черные джинсы, а в их кармане находится пачка сигарет «Мальборо» с ментолом. Я слышу, слышу, что ваш сын не курит, но вы все-таки пойдите и посмотрите. После этого мы продолжим разговор. - После небольшой паузы старик продолжил: - Ну, убедились? Нашли сигареты? Мне о них сказал ваш сынок. Совершенно верно, кое-что с ним случилось. Сейчас он находится в добрых и заботливых руках, но если вы завтра утром не заплатите за него миллион долларов, он может попасть в другие руки, уже не такие добрые. Как передать деньги? А это вам объяснит ваш хороший знакомый Дмитрий Сергеевич Мишин: у него сегодня возникла точно такая же проблема с его дочерьми. Я думаю, вам стоит с ним встретиться. Прощаюсь, но не навсегда.

Закончив разговор, старик нагнулся и забросил свой мобильный телефон под причал.

Понаблюдав за поганим сторожем, обманщиком и бандитом, Ангел Иоанн сказал Юлиусу:

- Детей надо срочно выводить из клуба.

- А как?

- Летим!

Подлетев к окну комнаты сторожа, Ангелы убедились, что с детьми пока еще все в порядке.

Сестры в обнимку дремали в уголке дивана, а Юрик крепко спал, растянувшись во всю длину дивана и засунув для тепла ноги за спины девочек.

Рядом было еще одно окно - узкое, забеленное мелом. Это было окно туалета. Юлиус потрогал его - оно было заперто. Чего не сделает Ангел Хранитель для своей подопечной? Юлиус раскалил меч и аккуратно обвел им по периметру оконной рамы. Края стекла задымились, стекло качнулось и плавно выпало из рамы. Ангелы его подхватили и прислонили к стене рядом с окном - люди найдут и, может быть, вставят на место.

После этого они сквозь стену прошли в комнату, где спали дети.

- Теперь надо кого-нибудь разбудить и отправить в туалет. Давай ты, - сказал Юлиус, - у вас отношения более давние и близкие.

- Понял.

Хранитель Иоанн склонился над Аннушкой и ласково прошептал ей в самое ухо:

- Аннушка, детка! А не пойти ли тебе пописать?
- М-м! Не хочу! Кругом вода и вся мокрая! – сквозь сон жалобно проговорила Аня.
- Придется мне попробовать, – сказал Юлиус. – Юленька, сходи, детка, в туалет. А то случится неприятность – стыдно будет перед сестрой.
- Перетопчется, – буркнула Юлька и продолжала спать.
- Что же делать?... А, знаю! – Ангел Иоанн взял чайник старика и боком положил его на стол: из чайника на пол с тихим журчанием полилась вода.
- Зачем это, брат Иоанн? – удивился его манипуляциям Ангел Юлиус.
- Сейчас увидишь! Ты забыл, что они все-таки еще дети?

Все трое проснулись одновременно, но Юрик вскочил первым.

- Я в туалет, – зачем-то громко объявил он девочкам и направился за дверь. А выходя из туалета, он едва не столкнулся со спешившими туда же сестричками.

Пока Юлька с Аней справляли свои неотложные дела, Ангелы твердили им:

- Домой, милые! Срочно домой!
- Ань, а чего мы станем этого старика ждать? За Юриком отец приедет, только захочет ли он нас сразу домой везти? Если завезет сперва к Сажиным, то Юркина мама нас кормить начнет, я ее знаю! А наш папа в это время будет изводиться... Ань, мы уже согрелись, на нас теплые фуфайки – пошли домой?
- А далеко отсюда до дома?
- Да рядом совсем! За полчаса добежим, а если еще такси подвернется, так через десять минут будем на месте.
- Перед стариком как-то неудобно.
- Да ну его! Знаешь, он какой-то противный, лицо все в усах.
- Нехорошо так говорить.
- Да ладно тебе! Я хочу домой, вот и все.
- Я тоже.
- Значит, решено? А старику завтра отнесем фуфайки, все объясним, заплатим за чай и извинимся.

Они вернулись в комнату и изложили свой план Юрику.

- Глупо, – сказал Юрик, – может, мой отец уже подъезжает к клубу.
- Если он уже выехал, то мы его встретим по дороге! Ты оставайся тут, а мы побежали. – Юлька

от нетерпения уже начала подпрыгивать на месте.

- Ну уж нет! - решительно сказал Юрик, поднимаясь с дивана. - Одних бегать по ночному острову я вас точно не отпущу, нам сегодня достаточно бандитов подалось. Ладно, пошли навстречу моему отцу. Если не встретим, тогда я вас провожу, а сам вернусь в клуб и буду ждать его здесь.

- Юра! - восторженно глядя на него, воскликнула Аня. - Вы такой необыкновенный и ответственный! Вы удивительно умный, смелый и верный мальчик. У нас в Пскове таких нет.

- Поздравляю, Юрка, - захихикала Юлька, - ты сегодня затмил всех псковских рыцарей!

Юрик молча показал ей кулак, и они пошли к выходу. Убедившись, что дверь клуба сторож запер, ребята, разочарованные, вернулись на свой диван и опять легли спать, приняв прежние позы, и сразу же начали засыпать.

- Юрик, не могли бы вы убрать из-под нас ваши холодные ноги? - сонно спросила Аня.

- Ноги - это гадость, если много ног, - уже засыпая, поддержала сестру Юлька.

- А... Пожалуйста! - Ничуть на сестер не обидевшись, Юрик повернулся на бок, вытащил из-под них ноги и подтянул их к самому подбородку.

- Скажи Юлии про окно в туалете - она тебе сегодня внемлет, - сказал Иоанн, - а если я Аннушке скажу, мнится мне, Юлия может сестру и не послушать.

- Сейчас устроим! - гордо ответил Ангел Юлиус и подошел к спящим девочкам.

- Юленька, вам надобно уходить отсюда через открытое окно в туалете, - шепнул он на ухо Юльке.

- Ой, я вспомнила про окно в туалете, - вдруг вскочила Юлька. - Оно же открыто! Пошли домой через окно, ребята!

Все трое вышли в коридор и пошлепали босыми ногами к туалету. Они вылезли через туалетное окно и, не замеченные сторожем, обошли здание клуба и через несколько минут уже бежали под присмотром Ангелов по Вязовой улице.

На холодной и пустой улице девчонок вдруг охватил страх: им казалось, что из-за каждого куста на них вот-вот выбегут бандиты. Может быть, Юрик тоже боялся, но он бежал посередине, ухватив девчонок за руки, тащил их за собой и не оглядывался.

- Ангел мой, помоги мне! Ангел мой милый, помоги! - громко молилась Аня на бегу.

- Авиатакси вам Ангел подаст, Аня? - на ходу спросил Юрик. - Или он у вас извозом занимается в свободное время?

Они даже не успели задохнуться от бега, как на повороте их догнало свободное такси.

- Торопимся или из спортивного интереса бегаем? - спросил шофер из окна, сбавляя ход.

- Ужасно торопимся, - ответила обрадованная Юлька.

- На колесах торопиться удобней. Деньги есть?

- Деньги дома. Дом Мишина знаете?
- Знаю. Садитесь! - сказал шофер и затормозил.
- Ну, как? Помогают молитвы Ангелу Хранителю или нет? - спросила Аня в такси.
- Конечно, помогают! - горячо сказала Юлька. - Я первый раз в жизни сегодня своему Ангелу молилась - и во как помогло!
- Совпадение, случайность, - ответил Юрик.
- Вы еще скажите «привычка», как тот семинарист, который в чудеса не верил, - усмехнулась Аня.
- Ваш псковский знакомый? - спросил Юрик.
- Нет, это просто старинная история, которую моя... наша с Юлей бабушка любит рассказывать.
- Расскажите и нам, Аня.
- Прямо сейчас?
- А почему нет?
- Рассказывай, Ань, а то чем ближе к дому, тем больше я волнуюсь, - поддержала Юрика Юлька.
- Ладно, слушайте. История такая. На экзамене в семинарии батюшка спрашивает семинариста: «Скажи, чадо, что есть чудо?». «Не знаю, батюшка». «Ну, вот, скажем, забрался человек на верхушку Исаакиевского собора и упал. Упал, но не разбился. Это что будет?». «Случайность, батюшка». «Хорошо. Второй раз забрался тот же человек на Исаакий, опять упал и опять не разбился. Это что?». «Это, батюшка, совпадение». «Ну, ладно, чадо! В третий раз тот же человек полез на верхушку собора, опять упал и опять не разбился. Это что?». «Привычка, батюшка», - отвечает семинарист.

Смеялись Юлька с Юриком, смеялся шофер такси.

Смеялись и Ангелы, летевшие рядом над такси.

Шофер все еще посмеивался, когда выскочивший из дома Акоп Спартакович расплачивался с ним, не глядя на счетчик. Но ребятам, выбравшимся из такси, стало уже не до смеха: в доме Мишиных светились почти все окна, и свет этот не предвещал ничего хорошего.

Они вошли в холл - Юрик впереди, девочки позади, держась за руки. В холле они увидели сидевших друг против друга Мишина и Сажина, а между ними стоял столик, и на нем лежали бумаги и мобильные телефоны. Еще на этом столике лежала высокая пачка зеленых долларов и приготовленный для них коричневый конверт, в каких обычно пересылают журналы и книги.

Увидев ребят, отцы вскочили и бросились к ним: Сажин обнял Юрика, а Мишин подхватил, поднял и прижал к груди сразу обеих сестер.

- Папка, я должна тебе все объяснить! Это я во всем виновата! - шептала Юлька, обнимая отца и захлебываясь слезами.

- Да уж понятно, что не Аннушка! От такой сестры избавиться хотела, дурочка!

- Папочка, прости нас! - шептала ему в другое ухо Аня.

Мишин опустил девочек на пол и оглядел их.

- Ну, кажется, все в порядке, обе живы-здоровы!

- Папа, а ты откуда знаешь, что я хотела от Аньки избавиться? - спросила Юлька.

- От твоей подружки Натальи.

- Папа, но у меня нет подружки Натальи! - удивилась Юлька.

- Наташа Гуляровская, Гуля, как вы ее зовете. Она пришла ко мне, чтобы все рассказать, но от волнения бедная девочка принялась нести что-то совсем невразумительное. Сначала лепетала про какие-то шнурки, которые она потеряла, потом про то, как ей меня жаль... Я ничего понять не мог и позвал Акопчика, он и помог разобраться.

- Наталья Семеновна сказала, что считает своим долгом, в память своих безвременно погибших родителей, предупредить вас об ожидающих вас неприятностях, чтобы они не застали вас врасплох и тем самым не нанесли непоправимый вред вашему психическому здоровью.

- Гулька вот прямо так и сказала? - недоверчиво переспросила Юлька.

- Это авторизованный перевод со сленга на русский, - скромно пояснил Акоп Спартакович.

- Предательница... Ну, я ей покажу!

- Нет, это я тебе покажу! - рассердился Мишин. - Немедленно! Завтра же! Никогда я тебя, Юлька, пальцем не трогал, а вот завтра выпорю как сидорову козу. Ты у меня получишь сполна и за мои волнения, и за сестру!

- Папочка! - воскликнула, обнимая Мишина, Аня. - Не надо ее драть как сидорову козу! Юля хорошая, она меня спасала все время! Я ее очень люблю, папочка!

- Нет, папка, это Аннушка хорошая, это я ее теперь очень люблю. А я, папа, знаешь кто? Я злая и мерзкая эгоистка!

- Да ну? - удивился Мишин. - А я и не подозревал.

- Не спорь со мной, папка, я ведь себя изнутри лучше знаю. Я относилась к единственной сестре, как последняя свинья поросычья. А она меня молитвами спасала.

- Не пойму я что-то, кто там у вас кого спасал?

Юлька с Аней переглянулись и пошли к Юрику, понуро стоявшему перед своим отцом.

- Дядя Витя! Вы-то хоть Юрика не наказывайте! Если бы не он, мы бы с Аннушкой совсем растерялись и пропали. Он у вас такой умный, такой отважный, это он нас по подземному ходу провел. Верно, Ань?

- Верно. А как он за моей кроссовкой чуть не нырнул в страшную подземную реку, да, Юль?

Мы его еле-еле удержали. Знаете, Юрик ради нас ну просто на каждом шагу жизнью рисковал. Он меня от утопления спас, я ведь плавать совсем не умею.

- Чудеса! - удивился Сажин. - Я-то всегда считал, что Юрка у меня редкостный эгоист и думать способен только о себе. Ладно, сын, если Дмитрий Сергеевич простит тебе твое участие в этом глупейшем киднеппинге, то и я прощу.

- Раз Юрий берег моих дочерей в таких крутых испытаниях, то как же я могу его не простить? - сказал Мишин. - Мне страшно даже подумать, что девочки мои могли оказаться совсем одни во власти бандитов.

- Прощу и я, - сказал Сажин. - Но не сигареты! Ты бы видел, что с матерью сделалось, когда я на ее глазах вытащил из твоих брюк эту пачку «Мальборо»! С ментолом!

- Дядя Витя, - воскликнула Юлька, - да поймите же вы наконец, что Юрик собой пожертвовал ради нас! Он знал, что ему попадет за сигареты, но хотел нас поскорей домой доставить, вот и рассказал старику первое, что вспомнил.

- Пап, я сказал про «Мальборо», чтобы тебя успокоить.

- Этот звонок меня чуть-чуть навек не успокоил, - усмехнулся Сажин.

- Пап, а ты почему сразу за нами в клуб не поехал, а сюда пошел?

- Какой такой клуб? - насторожился Сажин.

- Гребной клуб «Лига», из которого тебе сторож звонил, ну, который про «Мальборо» сказал...

- Стойте! Какой сторож?

- Да сторож из клуба. Мы у него еще чай пили. Я ему специально сказал про сигареты, чтобы ты проверил и поверил ему, что он звонит по нашей просьбе, и сразу за нами приехал. Только, выходит, зря я ему сказал про сигареты, мог бы и другое что-нибудь вспомнить...

Сажин и Мишин переглянулись.

- Так про сигареты, значит, мне звонил вовсе не бандит, а добрый клубный сторож по вашей просьбе? - спросил Сажин.

- Ну, отец, наконец ты начал что-то понимать!

- Дядя Витя, вы бы видели этого старика! Ну какой же он бандит? У него только усы страшные, как у Бармалея!

- Ну вот что, ребятки, - сказал Мишин. - Хотели мы вас поскорей спать отправить, но придется вам еще с нами посидеть и все по порядку рассказать, все ваши сегодняшние приключения! Акопчик, загляни к Жанне, пожалуйста, попроси ее принести детям горячего молока и бутербродов.

- У Жанны мигрень, Дмитрий Сергеевич, и я боюсь ее тревожить. Я лучше сам схожу на кухню и все сделаю.

- Папа, не надо! Не надо, дядя Акоп! Мы не голодные, у нас ведь была еда в сарае.

- Ладно, тогда садитесь и рассказывайте все по порядку.

Когда ребята, дополняя и уточняя друг друга, рассказали обо всем, что с ними случилось за этот длинный и тревожный день, было уже далеко за полночь. Юрик остался со старшими, а девочек отправили спать.

Сестры, несмотря на усталость и тревожения этого дня, долго не могли согреться и уснуть. Они ворочались в своих постелях, пока Юлька не спросила:

- Ань, ты спишь?

- Никак не могу уснуть. По-моему, я простудилась - меня всю трясет.

- Меня тоже. Я возьму одеяло, подушку и переберусь к тебе, под двумя одеялами скорее согреемся.

- Перебирайся!

Они улеглись вместе, угнездились, обнялись и как будто стали согреваться.

- Ань, а ты вправду веришь, что нам помогли наши Ангелы Хранители?

- Конечно!

- Знаешь, а я тоже начинаю верить, что мой Ангел меня бережет.

- Вот и хорошо.

- Я хочу, чтобы он всегда-всегда был со мной! Как ты думаешь, он и сейчас где-то рядом?

- Я думаю, да.

- А где же мне еще быть? - удивился Юлиус. - Ты позвала - я пришел. Я теперь от тебя ни на шаг не отойду, детка моя!

- Она еще не привыкла, - улыбнулся Иоанн. - Да и ты тоже.

- Как бы мне убедиться, что у меня и вправду есть свой Ангел Хранитель? - спросила Юлька.

- А ты помолись ему и убедишься.

- Холодно вставать и становиться перед иконами. Ты ведь тоже не молилась, кажется?

- Что ты! Пока ты зубы чистила, я успела прочесть короткое правило.

- Все-то ты успеваешь... Как ты думаешь, Ангел не обидится, если я ему прямо из постели помолюсь?

- Думаю, не обидится.

- Какие там слова?

- Ангеле Христов, Хранителю мой святой и покровителю души и тела моего...

- Ань, а своими словами можно молиться?

- Конечно, можно!

- Тогда я буду своими словами. Я вслух молиться буду, чтобы он услышал, а ты, пожалуйста, не смейся!

- Да что ты, Юленька, разве над этим можно смеяться?

- Ну, я начинаю... Дорогой мой Ангел Хранитель! Ты меня слышишь?

- Слышу, Юленька, слышу! - Ангел Юлиус опустился на колени рядом с кроватью, на которой лежали девочки. Ангел Иоанн стоял чуть поодаль, склонив кудрявую голову, сложив руки крестообразно на груди, и улыбался.

- Мне кажется почему-то, что ты меня сейчас слышишь. Так вот, Ангел, ты меня прости, пожалуйста, что я в тебя раньше не верила и никогда не молилась тебе. Но я верю, что ты добрый и помогал мне сегодня... А может, ты не только сегодня мне помогал, только я этого не замечала.

- Так оно и было, солнышко мое.

- Я и в Аниного Бога теперь верю, потому что ты ведь не сам по себе, а ты - Ангел Божий. Так моя сестра говорит, она знает. И еще вот что... Ангел мой, пожалуйста, сделай так, чтобы папа меня завтра не выдрал как сидорову козу!

Ангел Иоанн подошел к Аннушке и начал что-то ей шептать на ухо. Аннушка слушала их обоих, сестру и Хранителя, и улыбалась.

- А еще знаешь что, дорогой мой Ангел Хранитель? Мне так хочется тебя увидеть!

- Юлька, да ты что говоришь! - встрепенулась Аня. - Разве можно просто так видеть Ангелов?

- Почему нельзя?

- Они же «духи огненные»! Ослепнешь, если увидишь!

- Разве их никто никогда не видел?

- Видели святые.

- Ну вот... А, придумала! Знаешь что, дорогой мой Ангел? Я тебе подскажу, что надо сделать, чтобы я тебя смогла увидеть: ты возьми и приснись мне прямо сегодня ночью! Тебе это наверняка не трудно, ведь это же легче, чем спастись от бандитов, правда? Ну, пожалуйста, Ангел, миленький, приснись мне хоть на минуточку! Я тебя увижу и после этого буду еще сильнее любить. А теперь спокойной тебе ночи. До свидания. Я буду спать и ждать тебя во сне. Пока!

- Вот так молитва! - засмеялась Аня.

- А разве так нельзя молиться?

- Можно, наверно.

- Тогда спокойной ночи, Ань. Мне теперь некогда: надо поскорей заснуть и ждать моего Ангела Хранителя.

- Ну, спи, спи...

- Вот это вера! - сказал Иоанн. - Ну, поздравляю, брат!

- Благодарствуй, брат, - сказал Юлиус, утирая счастливые Ангельские слезы.

Юлька укрылась с головой и через минуту ровно и безмятежно засопела.

- Юль? - окликнула ее Аня. Не дождавшись ответа, она осторожно встала и подошла к письменному столу. Она долго рылась среди Юлькиного беспорядка и что-то искала, очень стараясь при этом не разбудить сестру. Наконец ей удалось разыскать конверт, чистый лист бумаги и авторучку.

Отправив сестер спать, а Юрика отослав в гостиную, чтобы он не мешал, отцы стали совещаться и совещались долго. Потом они принялись звонить туда, куда серьезные люди звонят только в очень особых криминальных случаях.

Перепоручив свои проблемы специалистам, Мишин и Сажин распрощались и разошлись: Сажин разбудил Юрика, который дожидался отца, прикорнув на диване в гостиной, и повез его домой. Мишин отправился спать. По дороге в спальню он зашел в свой кабинет, чтобы спрятать в сейф деньги - собранную за день часть выкупа; к страшному заему у Буденвайзера он, слава Богу, прибегнуть еще не успел. Включив свет, он увидел на полу перед дверью конверт. У Дмитрия Сергеевича екнуло сердце. Он поднял конверт и вынул из него листок бумаги. На листке крупными печатными буквами было написано:

Я УЖЕ ПЕРЕСТАЛ ДРАТЬ СВОЮ КОЗУ. ОНА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ! СИДОР

Мишин облегченно засмеялся и пошел спать.

Когда через час люди в камуфляжной форме и в масках с прорезями для глаз оцепили здание гребного клуба «Лига» и ворвались туда с оружием в руках, в клубе уже никого не было. Сторож Вадим Кириллович Буденвайзер, он же вор в законе по кличке Буденный, бесследно исчез. Отпечатков пальцев в его комнатухе осталось достаточно, но по этим отпечаткам ничего установить не удалось: Вадим Кириллович в тюрьме не сживал и никогда не был даже под следствием.

Глава 10

Утром девочки к завтраку не вышли, но никто и не стал их будить - Дмитрий Сергеевич не велел. Спали они долго и крепко, а когда проснулись - обе одновременно, Аня первым делом сказала:

- Ой, Юль, какой мне сон приснился! Прямо по твоей молитве...

- Тебе что, твой Ангел Хранитель приснился? - Юлька села на корточки в постели и уставилась на Аню.

- Да. Это был такой сон, такой сон! Ты не обижаешься?

- Чего мне обижаться, когда я только что сразу двух Ангелов во сне видела!

- Ой, Юленька, а мне ведь тоже два Ангела приснились! Они были такие прекрасные, такие сияющие, такие огромные!
  - Мои тоже... Подожди, давай-ка все по порядку выясним. Рассказывай первая!
  - Ладно. Мне приснилось, что мы с тобой идем по дорожке в саду...
  - В нашем саду?
  - Нет, - сказала Аня, - этот сад был гораздо, гораздо больше, лучше, красивее! Там росли такие высокие-высокие деревья...
  - С большими белыми цветами, и лепестки падали прямо на дорожку перед нами...
  - А впереди на дорожке стояли два Ангела Хранителя, один мой, а другой твой.
  - И они были такие, такие... ну просто как из огня сделанные?
  - Да. Мой стоял справа, он был такой сильный и здоровый, на вид прямо богатырь! А волосы - кудрявые и золотые. И еще у него был меч.
  - У моего тоже был меч. Он был стройней твоего, и у него были такие длинные светлые локоны. Ну, и что они делали в твоём сне?
  - Сначала просто стояли рядом, глядели, как мы к ним идем, и улыбались. А когда мы с тобой подошли ближе, они сказали...
  - Подожди, дай я скажу! Они сказали: «Девочки! Слушайте папу и бабушку, молитесь, ходите в церковь и, главное, - любите друг друга...».
  - Подожди, дальше я: «А мы всегда будем рядом с вами!». Так?
  - Так! Ань, ты понимаешь, что случилось? Нам с тобой один сон на двоих приснился!
- Ангелы стояли возле полки с Аниными иконами и улыбались, чрезвычайно довольные.
- Между прочим, этот сон я устроила, - сказала Юлька.
  - Ну, конечно, ты!
  - Ладно, не устроила, так вымолила у своего Ангела Хранителя. А ты видела, что у твоего Ангела веснушки?
  - Разве? Нет, я не заметила.
  - А я заметила. Еще бы - псковский Ангел! И все-таки они очень похожи, правда?
  - Правда, Юля. Наверно, все Ангелы Хранители похожи друг на друга.
  - Да нет, это потому, что они Ангелы Хранители сестер-близнецов, - сказала Юля.
  - Это был такой чудесный сон! - мечтательно сказала Аня.

Юлька вскочила на ноги и начала прыгать на кровати, радостно выкрикивая:

- Чудесный сон! Классный сон! Ангельчик мой дорогой, спасибо тебе! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

- Юля, угомонись, ты меня сейчас с кровати стряхнешь! И вообще уже поздно, пора вставать.

Аня поднялась с кровати, а Юлька вдруг забралась обратно в постель и натянула на голову одеяло.

- Ты чего, Юль? Вставать надо!

- Не хочу вставать! Хочу обратно в тот сад, к моему Ангелу Хранителю! Я сплю, не мешай мне.

- Не выдумывай, пожалуйста, Юля! Надо встать, принять душ, одеться, помолиться...

- У-у! Во сне так хорошо, Ангелы летают, а наяву – одни проблемы... Ой, Ань, я совсем позабыла!

- Что ты позабыла? Вчерашние приключения?

- Хуже! Я про сегодняшнее приключение забыла!

- Какое еще «сегодняшнее приключение»? – с тревогой спросила Аня.

- Как это какое? Папа же обещал меня сегодня выдрать как сидорову козу!

- Я думаю, папа уже передумал тебя драть. – И Аня рассказала Юльке, какое письмо от имени таинственного Сидора она подложила вчера папе под дверь.

- Какие же бывают на этом свете сестры! – воскликнула Юлька, бросаясь обнимать Аню.

- Юлька! Ты меня задушишь!

- Ань, а ты уверена, что папа раздумает меня драть, когда прочтет письмо от Сидора?

- Конечно! А разве он тебя когда-нибудь драл?

- Неужели ты думаешь, меня надо было драть?

- Еще как!

- Ну, значит, у папы до сих пор были неправильные методы воспитания: он меня пальцем никогда не тронул. Правда, такого я пока еще не вытворяла... Что бы еще придумать вдобавок к твоему письму?

- А ты встань, умойся и помолись как следует своему Ангелу Хранителю, он тебе что-нибудь и подскажет.

- Ты думаешь?

- Я уверена. Мне мой Ангел всегда хорошие мысли подсказывает. Когда я что-нибудь хорошее сделаю, я всегда чувствую, что это мне мой Ангел Хранитель подсказал.

Девочки умылись, оделись и встали на молитву. Юля взяла Анин молитвослов и сама читала утренние молитвы, а сестра ее поправляла: многие слова были еще непонятны Юльке.

Когда они кончили молиться, Юлька сказала:

- Мне нравится молиться. Это как будто зарядка, но только изнутри. А ты все молитвы наизусть знаешь?

- Конечно, я же с детства молюсь.

- А я не слишком поздно вздумала начинать?

- Да что ты, Юля? Знаешь, сколько людей крестятся уже взрослыми? Вот им, конечно, тяжело, но как-то ведь и они справляются...

Юлька вдруг улыбнулась и хитро прищурилась.

- Знаешь, Ань, а мне мой Ангел уже подсказал, как сделать так, чтобы папка при всем желании не смог меня выдрать!

- Что ж ты ей такое подсказал, Юлиус? - спросил брата Ангел Иоанн. Они оба стояли в комнате и слушали молитвы сестер.

- Чтобы она с утра пошла к папе и еще раз хорошенько попросила прощения.

- И только?

- Ну да.

- Тогда почему же она так лукаво улыбается?

- Не знаю... Надеюсь, никакого нового озорства она еще не успела придумать.

- Ну, я бы за это не поручился.

- И что же тебе подсказал твой Ангел? - спросила Аня.

- А вот что! Нам с тобой надо стать совсем-совсем одинаковыми, чтобы наш папа при всем желании не мог угадать, где у него Юлия, а где Анна! Тебя ведь он драть не станет?

- Я ей такого не подсказывал! - удивленно произнес Ангел Юлиус.

- Да ну? Мнится мне, брат Юлиус, что теперь половину своих шалостей Юлька будет сваливать на подсказку своего Ангела Хранителя и при том сама будет в это свято верить.

- Ой! Ты думаешь?

- Ага! А ты будешь стараться исправлять и покрывать ее шалости.

- Ну нет, я ведь Хранитель! Я ведь и строгим могу быть, если надо. Но, знаешь, в общем-то это она неплохо придумала...

- А я что говорю? Вот, уже началось! - засмеялся Иоанн. - Впрочем, должен признаться, брат Юлиус, я от твоей Юльки без ума.

- Ты... Ты это серьезно, брат?

- Совершенно серьезно.

- Вот уж не ожидал!

Аня задумалась.

- Мы с тобой все-таки отличаемся: ты рыжая, а я русая. А если ты еще намажешься, так мы и совсем разными станем.

- А давай мы тебя тоже в рыжий цвет перекрасим и косу твоюотрежем!

- Нет уж, Юленька, на это я ни за что не соглашусь. Да меня бабушка убьет, если я к ней явлюсь рыжая.

- Родную сестру хотят драть, а она не может косой ради нее пожертвовать! Анька, это не по-христиански!

- Какая благочестивая христианка! Ну, ладно...

- Анна, не смей! - воскликнул Иоанн.

- Аннушка! Золотко, ты согласна? - Юлька кинулась на шею сестре.

- погоди, Юль, я не договорила еще. У тебя деньги есть?

- Есть немного, баксов двадцать.

- И у меня есть сто долларов, которые мне папа дал на расходы. Только я не знаю, много это или мало. На парикмахерскую хватит?

- Хватит. И что?

- Мы с тобой пойдем в парикмахерскую и там попросим мои волосы подрезать так, чтобы были вровень с твоими.

- Ура! И покрасить?

- Да. Твои - в обратный цвет. Я помню, ты говорила, что это можно сделать.

- Конечно, можно! Здоровско ты придумала, сестренка!

- И еще одно условие: после этого мы обе волос уже не стрижем, пока у нас снова не вырастут косы. Согласна?

- Согласна! Ты мне нравишься гораздо больше меня, так что я ничего не проиграю. Я согласна даже вот на что: я больше никогда в жизни не буду краситься... лет до шестнадцати.

- И на том спасибо!

- Я только себе веснушек подрисую побольше. Можно?

- Рисуй! - великодушно согласилась Аня.

- А что мы с тобой наденем сегодня? Мы ведь наши одинаковые джинсы утопили!

- Может, пойдем на причал и поищем? Вдруг их выбросило на берег.

- Некогда! Мы сегодня наденем наши голубые платья. Когда я покрашу волосы в обратный цвет, мне голубое будет еще больше к лицу. Ну, папочка дорогой, тебя на ужин ждет сюрприз! Юль, а тебе от бабушки очень попадет?

- Если ты ей скажешь, что это из-за тебя, может, и нет.

- А как я ей это скажу?

- Папа обещал, что бабушке скоро поставят телефон.

- Раз сказал - значит поставят!

- Вот бабушка позвонит, и ты ей сама все объяснишь. И прощения попросишь, что из-за тебя мне пришлось волосы остричь!

- Ладно уж, попрошу. Я в последнее время только и делаю, что у всех прошу прощения.

- А раньше что, никогда ни у кого не просила?

- Не-а.

Юлька задумалась, а потом вдруг спросила:

- Ань, а ты в какой класс перешла?

- Ты знаешь, - смутилась Аня, - я должна была бы перейти в шестой, но у меня в семь лет была скарлатина с осложнением, и я из-за этого в школу пошла только с восьми лет. Так что я пойду в пятый класс.

- Вот хорошо!

- Чего ж тут хорошего, Полианна ты моя?

- А то, что я в третьем классе два года сидела и теперь тоже иду в пятый! Если бы тебе не надо было уезжать, мы бы в один класс пошли. Представляешь, как здорово? Мы сидим на одной парте, и когда меня вызывают - ты вместо меня идешь к доске отвечать! Блеск! Сколько бы у меня пятерок появилось - папочка бы на подарки разорился!

- Не выдумывай. Я бы на такое никогда не пошла. Это обман.

- Голубь, а не сестра!

Ангелы следили за ними с интересом: оба еще не представляли, что может получиться из затеи сестер.

Бесов сегодня поблизости не было, поскольку накануне они все были наказаны, и не только Ангелами. Прыгуна Жан выпорол как сидорову козу за то, что тот упустил из-под своего влияния Юльку. От него же порка досталась и минотаврам, ведь они всю крестовскую войну отсиживались в подвале за картами - не военными картами, конечно, а игральными. Михрютке Жанна со злости перебила две средних левых лапы: она не могла ему простить, что он так и не сумел отравить сестер. Жану Кактус оторвал хвост за то, что тот не предупредил его о прибытии на остров могучего Ангела-богатыря Иоанна Псковского, нанесшего такой страшный урон крестовской бесобратии. Но и Кактусу крепко влетело от бесовского князя Ленингада за позорно проигранную битву при сарае. Попало от него и «отморозкам» - за невмешательство.

Чтобы закончить этот перечень репрессий, упомянем, что и самому Ленингаду досталось. Он был вызван к самому главному нижнему начальству и там получил выговор за то, что по его недосмотру один из самых черных людей Санкт-Петербурга был вынужден покинуть вверенный ему город. Имелся в виду скромный сторож гребного клуба «Лига», скрывшийся в неизвестном направлении. Один лишь мелкий бес Недокопка увернулся от наказания, поскольку еще во время битвы Ангелов с бесами выкопал себе окопчик в тихом садике Дома ветеранов не то войны, не то сцены да там и отсиживался по сию пору: у Акопа, таким образом, оказалось два Ангельских дня подряд.

В доме в этот день с утра стояла необычная тишина. Дмитрий Мишин с Акопом уехали к Сажину, и они все вместе продолжали утрясать вчерашнее происшествие.

Жанна не выходила из своих комнат. За ночь мигрень у нее не прошла, а разыгралась еще хуже: похоже, сестрички становились ее постоянной головной болью.

Девочки позавтракали и отправились по своим таинственным делам.

Над ними летели Ангелы-братья Иоанн и Юлиус.

Да еще по земле за ними незаметно следовали все мишинские охранники во главе с Павлом Ивановичем, исполняя строжайший приказ Дмитрия Сергеевича.

И только далеко-далеко позади за ними брело небольшое стадо «быков»-минотавров, и на пушечный выстрел не думая приближаться к опасным отроковицам.

Девочки о слезке не догадывались, а потому чувствовали себя настоящими заговорщицами и очень веселились, направляясь в парикмахерскую.

А вечером состоялся торжественный выход сестер Мишиных к ужину. Девочки вошли, можно сказать, вплыли в столовую, держась за руки и с подозрительно невозмутимыми лицами. У них были одинаковые русые прически и одинаково чистенькие личики с веснушками на носу и на скулах – свои веснушки Юлька нарисовала светло-коричневым карандашом. Обе были одеты в одинаковые голубые платица. При ошеломленном всеобщем молчании сестры обошли большой обеденный стол, с двух сторон подошли к отцу, одновременно наклонились и поцеловали его – одна в правую, другая в левую щеку и в один голос скромно и нежно произнесли:

- Добрый вечер, папочка.

Потом они уселись и стали ждать реакции. Она не замедлила.

- Анна Дмитриевна, - жалобно спросил Акопчик, - а почему вас две?

- Так уж сложилась наша жизнь, - дуэтом ответили сестры.

Жанна, бледная и осунувшаяся от мигрени, настороженно молчала.

Молчал пока и папа. Рядом с ним сидел его гость и партнер с Кавказа, и гость этот, смуглый и черноволосый толстячок, радостно воскликнул:

- Дорогой партнер, я вижу, у тебя дочь-красавица, да еще в двух экземплярах! За это стоит поднять бокалы!

- Нет проблем, - ответил Мишин и, посмеиваясь, потянулся за бутылкой.

Ангелы, Иоанн, Димитриус, Юлиус и еще один Ангел Хранитель, сопровождавший кавказского гостя, чернокудрый и волоокий, стояли вокруг, обменивались репликами и, похоже, очень веселились.

- А как же вас зовут, красавицы? - спросил кавказский гость.

И папа, и Жанна, и Акопчик выжидающе глядели на сестричек. Но у тех-то все было продумано и отрепетировано!

- Юлия и Анна, - ответили они в один голос.

Акопчик развел руками, не понимая, кто есть кто. Жанна молчала, кое-как изобразив на прекрасном и злом лице подобие понимающей и снисходительной улыбки.

- Так. С вами все ясно, дорогие мои дочки, - сказал папа. - А ну-ка, Юлианна, берите шашлык, накладывайте салат и ешьте как следует. Павлуша доложил, что вы сегодня за день только четыре порции мороженого съели, да и то на ходу. Он, бедняга, сам забегался с вами. Если вы еще не поняли, Юлианна, что теперь за вами повсюду ходит охрана, то я вам сейчас об этом сообщаю. И так будет до тех пор, пока я не придумаю, что с вами обеими дальше делать. Ясно?

- Да, папочка, - ответили сестры дуэтом. - Спасибо, папочка.

- А Сидору при случае передайте от меня привет и скажите, что я тоже изменил свои намерения и надеюсь, что мои козы теперь тоже будут вести себя как следует.

- Хорошо, папочка! Обязательно передадим! - сказали сестры и весело переглянулись: вот теперь уж действительно все было в полном порядке!
Октябрь 2002, Берлин.